

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. С. ЖДАНОВА

Б. Б. ПРОТРОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

ЛЕНИНГРАД — 1949

Пиотровский Б.Б. 'Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Курс лекций' - Ленинград: Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина университета Им. А. А. Жданова, 1949 - с.134

Ответственный редактор проф. М. И. Артамонов

От автора

Крупнейшими достижениями советской археологии являются результаты археологических работ последних двух десятилетий в Закавказье, открывших совершенно неизвестные до того времени древние памятники. Археология Закавказья дает уже полноценный материал для изучения истории развития древней культуры Закавказья, начиная с самых древних эпох.

Настоящий курс является обработанным конспектом лекций по археологии Закавказья, читавшихся мною несколько лет на историческом факультете Ленинградского Государственного Университета им. А. А. Жданова.

Не все районы Закавказья могли быть полно освещены в этом курсе, который в основном использует материал центрального Закавказья. С одной стороны, это обстоятельство объясняется не только тем, что моя практическая археологическая деятельность связана именно с центральным Закавказьем, но также и тем, что для ряда районов Закавказья, несмотря на проводившиеся там раскопки и исследования, мы не имеем достаточных публикаций. Именно так обстоит дело с западной Грузией, в частности, с Колхидой, с Юго-Осетинской АССР, Кахетией и др. С другой стороны, следует указать, что в задачу моих лекций не входило ознакомление слушателей с археологическим материалом из Закавказья в исчерпывающей полноте. В своем курсе я старался выявить основную линию истории развития древнего общества Закавказья, показать значение истории Закавказья для истории народов СССР на наглядном, археологическом материале.

Настоящий курс является обработанным конспектом лекций по археологии Закавказья, читавшихся мною несколько лет на историческом факультете Ленинградского Государственного Университета им. А. А. Жданова. Автор постарался выявить основную линию истории развития древнего общества Закавказья, показать значение истории Закавказья для истории народов СССР на наглядном, археологическом материале.

- О книге
- От автора
- Лекция первая. Изучение древнейшей культуры Закавказья
- Лекция вторая. Палеолит
- Лекция третья. Неолит
- Лекция четвертая. Культура медного века (конец III тысячелетия - первая половина II тысячелетия до н. э.)
- Лекция пятая. Культура раннего периода эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.)
- Лекция шестая. Культура эпохи бронзы (X-VII вв. до н. э.)
- Лекции седьмая и восьмая. Памятники культуры эпохи бронзы
- Лекция девятая. Хозяйство эпохи бронзы
- Лекция десятая. Ремесло эпохи бронзы
- Лекция одиннадцатая. Культ и религия эпохи бронзы
- Лекция двенадцатая. Урарты в Закавказье
- Лекция тринадцатая. Раскопки крепости Кармир-блур
- Лекция четырнадцатая. Культура периода освоения железа (Вторая четверть I тысячелетия до н. э.)
- Лекция пятнадцатая. Скифы в Закавказье
- Карты

Табл. 12. Карта распространения кавказских бронзовых сосудов VI в. до н. э.

Лекция первая. Изучение древнейшей культуры Закавказья

В 1871 г., при прокладке шоссейной дорога у монастыря Самтавро, около Мцхета, был открыт древний могильник, совершенно отличный от христианского кладбища. Могилы имели вид каменных ящиков, и около костяков, лежавших в скорченном положении на боку, находились бронзовые предметы и глиняные сосуды в большом количестве. Раскопки этого "языческого" могильника были предприняты археологом-любителем Ф. Байерном.

В том же 1871 г. А. Д. Ерицов в ущелье р. Дебед, между известными монастырями Ахпат и Санаин, у сел. Ворнак (ныне Акнер), открыл также обширный языческий могильник; аналогичный Самтаврскому. Раскопки А. Д. Ерицова в Ворнаке явились первыми научно проведенными раскопками древнего могильника в Закавказье, и отчет о них, помещенный в газете "Кавказ" (№ 103, сентябрь 1871 г.), занимающий всего четыре столбца текста, является первой попыткой научного исследования древнего археологического материала.

Анализируя добытый материал, А. Д. Ерицов сравнивал его с известным в то время западноевропейским, на основании чего относил исследованные им в Ворнаке погребения к двум периодам бронзового века.

В связи с возросшим интересом к древностям Закавказья, в октябре 1871 г. в Тбилиси был организован Кавказский археологический комитет.

В декабре 1871 г. на II Всероссийском археологическом съезде председатель Комитета А. П. Берже представил записку об археологии Кавказа, делая упор на так называемые "классические древности", в частности на греческие и латинские надписи, что было очень характерно для состояния изучения древностей того времени, в круг которого входили почти что исключительно памятники именно Греции и Рима. Не случайно и сам термин "археология" некоторыми учеными XVIII в. (например, Христофором Гейне) понимался как описание и классификация исключительно памятников "классической древности" (подобно нашему термину "античность") и лишь после выявления нового материала этот термин стал пониматься "Шире".

Характерно также, что французский ученый Турнефор, посетивший в самом начале XVIII в. Закавказье, интересовался только "античными" древностями и, проезжая мимо средневековой столицы Армении Ани, отказался от посещения древнего города, полагая, что одни лишь древние греческие города, в которых можно обнаружить надписи, - заслуживают внимания.

Постепенно, с 30-х годов XIX в. в археологии Закавказья укрепилось положение христианских древностей, главным образом, Грузии и Армении.

Открытие новых "языческих" памятников в 1871 г. предоставило права гражданства и "доисторической" археологии Закавказья.

В ноябре 1872 г. вышел первый выпуск журнала "Кавказская старина", издававшегося А. Д. Ерицовым и просуществовавшего всего два года. В журнале помещались статьи по истории, археологии и этнографии Кавказа, а в специальном отделе "Кавказская археологическая летопись" приводились сведения об археологическом изучении края и освещалась работа Кавказского археологического комитета, который в 1873 г. был реорганизован в "Общество любителей кавказской археологии".

Большая часть археологических работ общества протекала в Грузии. Ф. Байерн с 1871 по 1876 г. производил раскопки Самтаврского могильника у Мцхета, давшего громадный материал по древнейшей культуре Закавказья. В Армении, около Дилижана, на р. Акстафе был исследован могильник, ставший известным под названием "Редкина лагеря". Предметы из раскопок поступали в Музей Общества, организованный в 1874 г. и просуществовавший до 1878 г., когда собранные коллекции влились в Кавказский музей (ныне Музей Грузии).

Основным недостатком первых шагов археологии Закавказья являлась ограниченность работ при малочисленности научно-квалифицированных кадров. Общество состояло из любителей-дилетантов, преимущественно из русской и местной аристократии и городского чиновничества.

Этот недостаток отчетливо сознавали археологи Закавказья, и они пытались привлечь внимание к древностям Кавказа центральных научных учреждений.

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V Всероссийский археологический съезд, созванный в 1881 г. в Тбилиси. Подготовительным комитетом к съезду была проведена большая работа по археологическому обследованию Кавказа, значительно продвинувшая знания по древнейшей культуре. В Закавказье от Подготовительного комитета работали А. Г. Уваров, А. Д. Ерицов и И. С. Поляков.

Программа съезда была обширна и очень разнообразна, причем особое внимание уделялось памятникам первобытной, языческой и классической культур.

V археологический съезд имел исключительное значение для развития археологии Кавказа. Кроме тесной связи, установившейся между кавказскими научными учреждениями с Московским археологическим обществом, съезд своей популяризацией древних памятников Кавказа возбудил интерес к древностям в широких кругах кавказской интеллигенции. Археологические работы стали интенсивно развиваться. Материалы из раскопок Кобанского могильника в северной Осетии, известного еще с 1869 г., так же как материалы из Мцхета и Редкина лагеря, вошли в обиход общей археологии, и они долгое время служили в иностранной литературе единственным источником знаний о древнейшей культуре Кавказа.

После съезда интерес к археологическим памятникам Закавказья усилился. Стали производиться новые раскопки. Так, В. Бельк, с 1888 по 1890 г., только за два года, раскопал свыше 300 древних могил в Шамхорском районе.

В Армении, по р. Дебед, раскопки производил Ж. де-Морган, инженер Аллавердских рудников, впоследствии получивший известность благодаря своим чрезвычайно удачным раскопкам в Египте и Передней Азии. Морган раскопал 976 древних погребений, в большей своей части относящихся к последнему периоду эпохи бронзы и к началу освоения железа. Часть коллекций предметов из его раскопок была передана в Кавказский музей.

После V археологического съезда много внимания кавказской археологии стало уделять Московское археологическое общество. С 1888 г. начала издаваться серия "Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества". Дальнейшая работа Общества на Кавказе привела к тому, что в 1901 г. в Тбилиси было учреждено Кавказское отделение общества.

С 1891 г., со времени работ А. А. Бобринского в Редкином лагере, в Армении начинаются работы другого центрального археологического учреждения России - Археологической комиссии. Прочная научно-исследовательская база Археологической комиссии была создана раскопками древней армянской столицы Ани, начатыми Н. Я. Марром в 1892 г. Работы Анийского коллектива не ограничивались лишь археологическим изучением города X-XIV вв. Как указывал Н. Я. Марр, "при

методологически правильной постановке дела городище Ани, научно освещенное, должно было послужить необходимым введением в исследование памятников более древних эпох".

Кроме раскопок в Ани, которые продолжались ряд лет (1892, 1893, 1904-1917), Н. Я. Марр обследовал древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац и произвел большие раскопки Ворнакского могильника, где в 1871 г. начал свои работы А. Д. Ерицов, а в 1894 г. продолжал Е. С. Такайшвили.

В своих работах в Закавказье Археологическая комиссия стремилась воспрепятствовать работе иностранцев и расхищению древностей и стала опираться на местных работников. Так, по поручению Комиссии, в Азербайджане производил раскопки преподаватель реального училища в Шуше Э. Реслер. Он производил раскопки во многих местах Азербайджана, и материалы его работ составили основную часть существующих собраний закавказских древностей Эрмитажа и Исторического музея.

В 1905, 1906 и 1908 гг. по поручению Кавказского отделения Московского археологического общества Е. А. Лалаян, этнограф по специальности, раскопал на побережье оз. Севан, в Армении, громадное число курганов и могильных памятников (516 погребений).

Техническая сторона раскопок Лалаяна была крайне слабой, курганы попросту разрывались, и из них, без всякой фиксации, вынимались предметы. Коллекции древностей из этих раскопок находятся в безнадежно хаотическом состоянии, их разбору не могут помочь и описания раскопок, опубликованные в армянском журнале "Этнографическое обозрение".

Московское археологическое общество много внимания уделяло также сбору и обработке урартских клинообразных надписей", ставших известными еще в 1862 г.

После работ М. В. Никольского, к древностям Ванского царства стали проявлять живой интерес в России и за границей. Не только урартский эпиграфический материал, но и археологические памятники Закавказья вошли в темы работ западноевропейских ученых.

Археологи, изучавшие древности южной России, заинтересовались Ванским царством и древнейшим Закавказьем по связи некоторых предметов из раскопок скифских курганов с памятниками этих культур, особенно с Закавказьем.

Обстоятельный очерк древневанского царства, с указанием намечающихся связей с южнорусским материалом, был дан Б. А. Тураевым во втором томе истории древнего Востока, изданном в 1914 г.

Большое значение изучению древневанского царства придавали и русские востоковеды. В апреле 1914 г. в Восточном отделении Русского археологического общества обсуждался вопрос об исследованиях в области урартской культуры. Н. Я. Марр настаивал на необходимости исследований в Ване особенно ввиду того, что древности Вана имеют важное значение для изучения древностей, находимых в разных местах в пределах России. Был поставлен вопрос об организации раскопок на Топрах-кале, в связи с чем Б. А. Тураев составил записку о древностях Вана и сопредельных областей.

Осуществить раскопки в Ване Н. Я. Марру и И. А. Орбели удалось только в 1916 г., уже во время первой мировой войны.

Начальный период развития археологии Кавказа, охвативший почти что целое пятидесятилетие, был периодом интенсивного накопления материала, собирания археологических коллекций для музеев. Это было время увлечения археологией широких кругов кавказской интеллигенции. Раскопки

производились в большинстве случаев лицами, не имевшими специальной подготовки - учителями, чиновниками, офицерами пограничных войск, судьбою заброшенными в Закавказье, и лишь незначительная часть работников была профессионалами-археологами. Такой пестротой состава лиц, занимавшихся археологией, в значительной мере и объясняется низкий технический уровень раскопок и слабая научная обработка добытого материала. Археологические коллекции, неудовлетворительно документированные, обычно плохо опубликованные, а часто и вовсе не издававшиеся, лежали мертвым грузом в музеях, центральных (Исторический музей, Эрмитаж) и местных (Кавказский музей, Эчмиадзин). Богатейший археологический материал не мог быть полноценно использован в работе по истории Закавказья, и он рассматривался монолитно, со слабой наметкой в нем разновременных групп предметов, как материал, относящийся в полном смысле слова к "доистории". Если закавказские древние памятники и приводились иногда в исторических или искусствоведческих трудах, то исключительно по их связи с государствами Передней Азии-Урарту, (М. В. Никольский, Н. Я. Марр, Б. А. Тураев) или Хеттским царством (Б. В. Фармаковский).

Сводные работы по археологии Кавказа, обобщение добытого раскопками материала, были в значительной степени затруднены неравномерной изученностью отдельных районов Закавказья. И в то время как некоторые памятники, как Самтаврский и Ворнакский могильники, подвергались неоднократным исследованиям, получив славу основных археологических объектов, целые районы Закавказья в археологическом отношении оставались совершенно не исследованными. На археологической карте Закавказья места раскопок могли быть отмечены всего несколькими, оторванными друг от друга группами знаков. В таком положении находилось археологическое изучение древнейшей культуры Закавказья до Великой Октябрьской революции.

После установления в Закавказье советской власти и окончания гражданской войны, молодые республики Закавказья - Азербайджан, Армения и Грузия - встали на путь неуклонного культурного роста. В центрах республик, в Баку, Ереване и Тбилиси были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древних памятников. Археологические памятники стали одним из основных источников изучения истории народов Закавказья.

Для развертывания археологической работы прочная база имелась только в Тбилиси, и действительно, археологическая работа в Грузии сосредоточивалась первоначально в Государственном музее Грузии, реорганизованном из Кавказского музея. Разрослась также и сеть краеведческих музеев, причем некоторые из них вели самостоятельные раскопки (Зугдиди, Кутаиси, Поты). Археологией Закавказья занимался и Кавказский историко-археологический институт Академии Наук СССР, во главе которого стоял Н. Я. Марр. Работа в области истории и археологии особенно оживилась с 1936 г., после организации Грузинского филиала Академии Наук СССР, на базе которого в 1941 г. была создана Академия наук Грузинской ССР.

Археологическое изучение Грузии значительно продвинулось вперед, но все же и до последнего времени наблюдается еще некоторая качественная неоднородность тех данных, которые составляют основу археологической карты. И если наши знания по Абхазии и Мегрелии значительно расширились, то по другим районам - Аджаристану, Гурии и др. - мы по-прежнему располагаем лишь отдельными находками. Особенно большая работа была проделана по палеолиту и неолиту западной Грузии и Абхазии (Ниорадзе, Замятнин, Каландадзе).

Значительно расширились также наши знания по культуре эпохи бронзы на территории Грузинской ССР, причем был открыт и изучен раскопками целый ряд новых памятников. Научным учреждениям Грузии удалось провести и стационарные археологические раскопки большого масштаба. Так, экспедиция Комитета охраны исторических памятников, работавшая под руководством Б. А. Куфтина, произвела с 1937 по 1939 г. исследование в Триалети (Цалкинском районе) целого ряда разновременных памятников. Раскопки эти дали яркую картину развития культуры, начиная с

неолита и до эпохи железа в этом районе, открыв замечательные курганные погребения ранней бронзы. Работа Б. А. Куфтина, посвященная древним памятникам Триалети, является в настоящее время одной из тех работ, на которых покоится археологическая периодизация Закавказья.

Первостепенный материал для этой же темы дали возобновленные в 1937 г., под общим руководством И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, раскопки Самтаврского могильника у Мцхета, с которого, собственно говоря, и началось изучение археологии древнейшего Закавказья. Раскопки Самтаврского могильника открыли громадное число разновременных погребений, с четкой стратиграфией, начиная с эпохи бронзы и кончая поздне-римским временем. Большие археологические предприятия, организованные научными учреждениями Грузии, содействовали также росту молодых кадров археологов республики.

В Армянской ССР археологические работы были сосредоточены с 1920 г. в Комитете охраны исторических памятников Армении, во главе которого стоял академик архитектуры А. И. Таманян и в Государственном музее Армении, организованном народным художником М. С. Сафьяном.

Основной задачей Комитета являлась регистрация памятников с выяснением степени их сохранности и с производством, в случае надобности, реставрационных работ. С целью учета памятников древности, для составления археологической карты, Комитет организовал ряд экспедиций в отдельные районы республики. Работа экспедиций дала значительный новый материал, относящийся, преимущественно, к древнейшим эпохам, раскопки же обычно ограничивались лишь пробными раскопками при строительстве и случайных обнаружениях древностей (Ленинакан, Кировакан, Головино, Памбак, Ани-Пемза и др.).

Из числа наиболее древних памятников, открытых на территории Армении, следует отметить древнейшие поселения медного века, исследованные около Еревана и у Эчмиадзина и легшие в основу изучения медного века всего Закавказья, документирующего местное происхождение кавказской металлургии.

Продвинулось вперед и изучение древних памятников урартского времени. Кроме открытия и изучения новых клинообразных надписей (район Армавира, Нор-Баязет, Кармир-блур) производилось также изучение крепостей, так называемой "циклопической кладки", связанных с урартскими эпиграфическими памятниками. Такие крепости - изучались в районах горы Арагац и оз. Севан, а также по р. Занге. Исследование памятников урартского периода, чрезвычайно важного для истории древнейшего Закавказья, привело к систематическим раскопкам крепости на Кармир-блуре, около Еревана, начатым в 1939 г. и продолженным совместной археологической экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа. Эти раскопки дают полную картину жизни крепости VII-VI вв. до н. э., являвшейся одним из урартских административных центров в Закавказье.

В Азербайджанской ССР основная археологическая работа проводилась первоначально в Обществе обследования и изучения Азербайджана, в Азербайджанском комитете охраны памятников старины и искусства и в Государственном музее. Ныне она сосредоточена в Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1925 г. в работе Бакинского университета принимали участие Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, в большой мере содействовавшие организации археологического изучения древнейших эпох Азербайджана (работы Е. А. Пахомова, И. Джафар-заде, С. Казиева и др.).

Из ранних памятников особое внимание привлек могильник у Кизил-ванка, на Араксе (раскопки И. И. Мещанинова и А. А. Миллера), давший чрезвычайно интересный материал, связывающий закавказскую культуру II тысячелетия до н. э. с переднеазиатской.

Много внимания было уделено также памятникам эпохи бронзы, известным еще по раскопкам Э. Реслера. Последние археологические работы значительно уточнили материал этих старых раскопок.

Значительным событием в археологии Закавказья являются широко развернутые с 1946 г. Академией наук Азербайджанской ССР раскопки в Мингечауре, на территории строительства гидроэлектростанции, обнаружившие семь разновременных могильников: Несомненно, раскопки в Мингечауре дадут руководящие данные для изучения древней культуры Восточного Закавказья (первая половина I тысячелетия до н. э.).

Из исследований краеведческого характера в Азербайджанской ССР следует отметить работы Я. И. Гуммеля, проводившего с 1930 по 1941 г. систематические раскопки разновременных древних памятников в районе Ханлара (б. Еленендорф) и около Степанакерта в Нагорном Карабахе. Эти раскопки открыли не только весьма интересные курганные захоронения древних правителей, но и дали ценнейший материал для установления хронологической последовательности древних памятников Ханларского района.

Приведенный нами далеко не полный материал показывает, что археологическая работа в советских республиках Закавказья достигла значительных успехов и не только расширила наши фактические знания, но и перешла к новому этапу научных исследований. От музейного собирательства древностей археологи Закавказья перешли к исследованию памятников материальной культуры как исторического источника. Прежние археологические работы эпизодического характера, преимущественно в тех местах, где можно было рассчитывать на большой вещественный материал, сменились систематическим изучением различных категорий памятников с первоочередной задачей хронологической их периодизации. Основная работа по изучению древнейших памятников проводится научными учреждениями советских республик Закавказья, в первую голову республиканскими академиями наук, имеющими свои кадры квалифицированных археологов.

Углубленное исследование отдельных районов Закавказья (Триалети, Ханларский район) или же памятников, содержащих разновременный материал (Самтаврский и Мингечаурский могильники) дали уже прочную основу для установления стратиграфии, последовательности определенных археологических комплексов и для периодизации древнейших этапов истории Закавказья, датировка которых уточняется исследованием памятников, связанных с Ванским царством (Кармир-блур). Углубленное исследование археологического материала на ограниченной территории (иногда на территории так называемого "микрорайона") было единственно правильным приемом начального этапа работы по периодизации древнейших памятников Закавказья, давшим определенные результаты. Следующий, т. е. современный этап заключается в установлении соотношений групп памятников. Метод стратиграфического, вертикального исследования должен сочетаться с выявлением археологического материала определенного периода по горизонтали, т. е. широкой территории всего Закавказья.

Значение древнейшей культуры Закавказья для истории древнего мира особенно четко выступает при ее изучении во взаимосвязи с Северным Кавказом, как это показали работы А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, и, особенно, с древним Востоком, оказавшим существенное влияние на развитие закавказской культуры. Археология располагает большим материалом, относящимся к первобытнообщинному строю древнейшего Закавказья и становящимся постепенно полноценным историческим источником.

Литература

1. Труды пятого археологического съезда в Тифлисе, М., 1887.
2. Краткий очерк истории грузинской советской науки за 25 лет Тбилиси, 1946, стр. 13.

3. **Джафар-заде И. М.** Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. Изд. Ак. Наук Азерб. ССР, 1945, № 6.
4. **Кафадарян К. Г.** Археологические работы в Армении после установления Советской власти. Труды Гос. Историч. музея Ак. Наук Арм. ССР, № 1, 1945 (на арм. яз.).
5. **Пиотровский Б. Б.** Археологическое изучение древнейшего Закавказья. Вестник древней истории, 1947, № 3, стр. 167.

Лекция вторая. Палеолит

Формирование человеческого общества представляет собою длительный процесс, охватывавший сотни тысяч лет и протекавший в целом (ряде мест определенного пояса земного шара, а именно там, где имелись благоприятные естественные условия для этого процесса. На ранних ступенях человеческого общества естественные условия, т. е. географическая среда, являлись существенными факторами развития.

Появление человека относится к началу четвертичного периода истории земли (плейстоцену). В конце третичного периода (плиоцена) наступило значительное похолодание с обледенением большей части земной поверхности. Развитие ледников на севере стояло в связи с общим понижением температуры, изменением климатических условий. Так, северная часть Европы была сплошь покрыта ледником, кроме того, отдельные мощные очаги оледенения имелись в Пиренеях, Альпах и на Кавказе.

Устанавливается, что в плейстоцене территория Европы пережила три значительных периода оледенения: миндельский, рисский и вюрмский, разделенные двумя межледниковыми периодами (миндель-рисским и ресс-вюрмским), характеризующимися отступанием ледников.

Условия ледникового периода не везде были одинаковыми, в областях с сухим, континентальным климатом ледники не получили широкого распространения, там гляциальная зона, т. е. территория, занятая ледником, была сравнительно небольшой, а в южной Африке ледниковым периодам соответствовали периоды дождей (так называемые плювиальные).

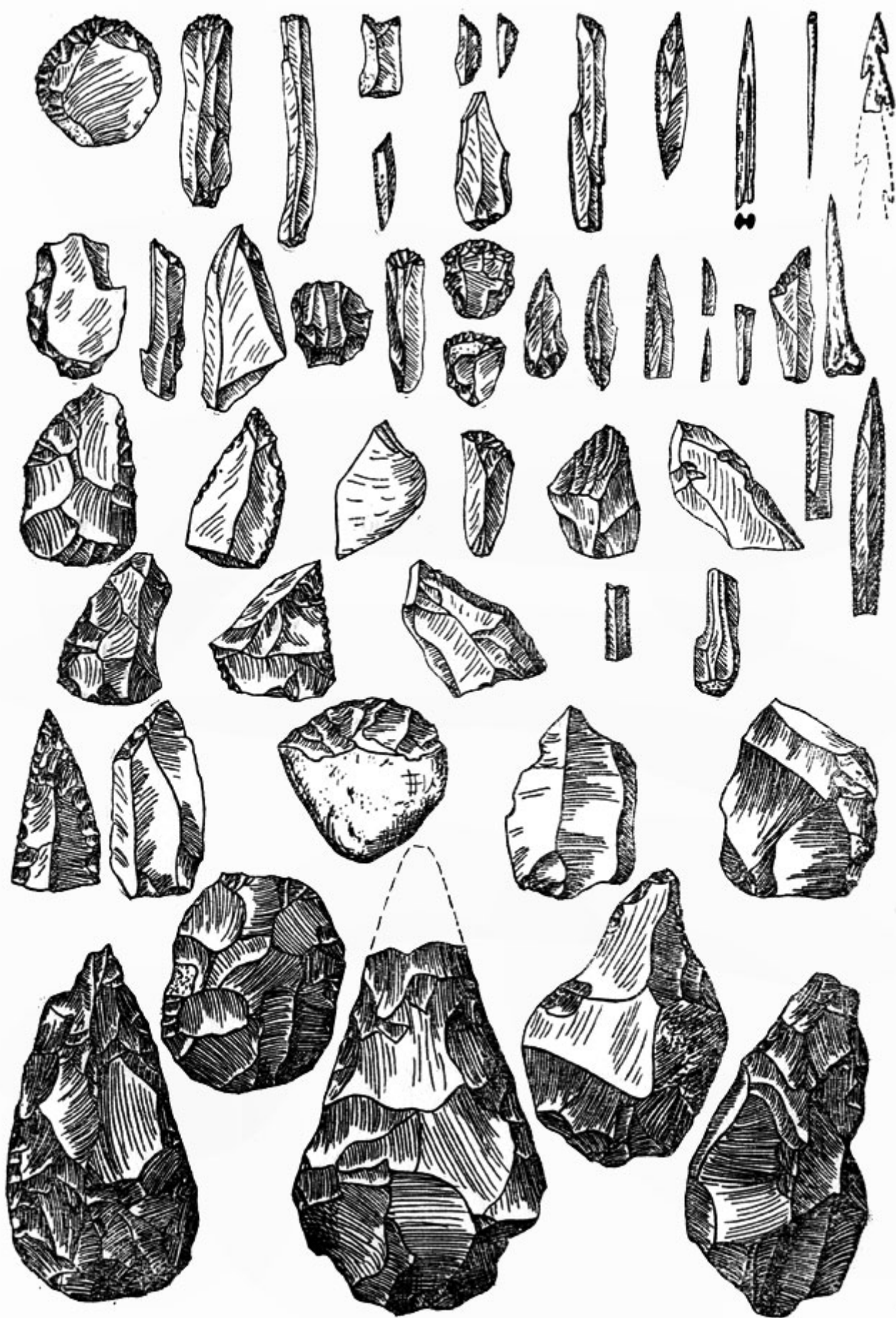
Ледники крупных горных массивов Азии и Европы не были соединены с северным ледяным покровом, они представляли собою отдельные очаги оледенения, и их ледниковые периоды выражались в расширении и уменьшении горных ледников, а также в изменении снеговой линии. Поэтому, применение в геологии Кавказа терминов, связанных с периодами оледенений, прослеженных на территории Европы, следует считать в значительной мере условным, имеющим, главным образом, лишь ориентирующее значение.

Схемы соотношений оледенения Кавказа и уровня морей Черного и Каспийского, т. е. континентальных и морских отложений, были разработаны геологами с учетом также археологического материала из Абхазии (Черноморского побережья Кавказа).

В ранний четвертичный период Закавказье представляло благоприятные условия для развития человеческого общества, и не случайным, по-видимому, является тот факт, что наиболее ранние следы человеческой культуры на территории СССР прослеживаются в Закавказье, в частности, в Абхазии и Армении.

Древнекаменный век, палеолит, археология делит на две большие эпохи: ранний, нижний палеолит и поздний, верхний палеолит. Первая из них, в свою очередь, делится на периоды: дошелльский, шелльский, ашелльский и мустьерский, названные по местам находок остатков этих культур во Франции. В верхнем же палеолите Европы различаются периоды: ориньякский, солютрейский, мадленский и азильский.

Шелльский период истории человеческой культуры относится, по-видимому, ко времени до миндельской фазы оледенения, т. е. к раннему плейстоцену. Климат в то время был мягким и очень влажным, характерными животными являлись южный слон, гиппопотам и этрусский носорог, особенно распространенный в третичную эпоху. Свои орудия человек изготовлял из дерева, камня и кости, но, естественно, от этой древнейшей культуры до нас дошли лишь каменные орудия. Орудия изготовлялись преимущественно из кремня, реже из кварцита, обсидиана и других камней. Обработаны они грубой двусторонней обивкой, наподобие тески.

Палеолитические орудия из Закавказья. Снизу-вверх: 1-й ряд - орудия ашельского периода: два антовых рубила из Арзни, Армения; кремневое рубило, найденное около Гали, Абхазия, и два антовых рубила из Сатани-дара у горы Богутлу, Армения (по С. Н. Замятнину). 2-й ряд: кремневые орудия мусквского периода из Абхазии (по С. Н. Замятнину). 3-й ряд: каменные орудия из пещеры Хергулис-кльде в западной Грузии (по С. Н. Замятнину). 4-й ряд: каменные орудия из пещеры Таро-кльде в западной Грузии (по С. Н. Замятнину). 5-й ряд: каменные и костяные орудия из пещеры Девис-хврели, Грузия (по Г. К. Ниорадзе). 6-й ряд: каменные и костяные орудия из пещеры Гварджилас-кльде в западной Грузии (по С. Н. Замятнину).

Каменными орудиями, особенно характерными для шелльского периода являются так называемые "ручные рубила", служившие универсальными орудиями для различных целей: раскалывания, дробления, рубки, копки и, даже, для резки.

Ручные рубила представляют собою миндалевидный или овальный кусок камня, длиной до 25 см и весом до 2 кг, с одним заостренным и другим тупым концом. При работе тупой конец, часто совсем необработанный, с сохраненной коркой камня, захватывался рукой, так как это первобытное орудие еще не имело рукоятки. Кроме ручных рубил в шелльский период употреблялось еще большое количество других каменных орудий, изготовленных из отщепов и функционально служивших скребками, резаками и проколками. Область распространения, орудий шелльского периода охватывает Францию, Испанию, южную Англию, Средиземноморское побережье Африки, включая области Сахары и Египта, южную и восточную Африку, Палестину, Сирию, южную Индию и, наконец, северо-восточный Китай. В Закавказье орудия поздне-шелльского времени были обнаружены работами М. З. Паничкиной в 1947 и 1948 гг. у горы Богутлу, на юго-западном склоне Арагаца. Эта местность очень богата обсидианом, который и использовался первобытным человеком для изготовления орудий. Среди археологического материала, собранного на холме Сатанидар, у Богутлу, особенно характерны массивные ручные рубила с неровным рабочим краем и утолщенным основанием; примитивные остроконечники, грубые рубящие орудия и крупные широкие отщепы.

Палеонтологические находки, относящиеся к концу третичного периода в Закавказье известны. Так, в Армении, у сел. Нурнус, около Арзни, в диатомитовых отложениях, сборами П. П. Гамбарян уже давно были обнаружены кости этрусского носорога (*Rhinoceros etruscus*) и предка первобытной лошади (*Hipparion n. sp.*). Повидимому, это кости животных, погибших в древних диатомных болотистых озерах.

Во всяком случае, эти находки поздне-третичной фауны дают нам право рассчитывать на то, что в Закавказье будут открыты орудия нижнего палеолита вместе с палеонтологическими остатками, что является для шелльского периода чрезвычайной редкостью.

Ко времени миндельского оледенения, т. е. ко времени нижнего палеолита, относятся, по-видимому, палеонтологические находки в Армении, в частности из района Лениакана.

Еще со времен Г. Абиха известны кости вымерших животных, обнаруженные у Казачьего поста, около Лениакана. Там, во вторичных отложениях, были открыты большие скопления костей, среди которых оказались кости слона (*Elephas armeniacus*) особого вида, первобытной лошади (*Equus caballus*), первобытного бизона (*Bison prisus*), оленя (*Servusela-phas*), гигантского оленя (*Negaceros*) и верблюда.

Кости слона были найдены также при постройке железной дороги, у станции Налбанд. Невозможность связать эти палеонтологические остатки с определенными геологическими отложениями, а также недостаточная их изученность не позволяют в настоящее время определенно связать эти ценнейшие материалы древней фауны с какой-либо археологической эпохой. Но если окажется правильным предположение о связи их с миндельской фазой оледенения, то тогда они будут одновременно ашельскому периоду нижнего палеолита, относящемуся к миндельской фазе и

миндель-рисскому межледниковому периоду. Климат той эпохи, несмотря на наступление ледников, был влажным и умеренным. Характерными животными для Европы того времени были древний слон, также бесшерстный слон-трогонтерий, носорог Мерка и саблезубый тигр.

Орудия ашельского периода теснейшим образом связаны с шелльскими. Среди них выделяется ручное рубило, которое уменьшается в размерах и получает более тщательную обработку. Ручные рубила являются наиболее выраженными орудиями нижнего палеолита, в большом количестве поступавшими в коллекции древностей. Это обстоятельство создало неверное представление, согласно которому ручное рубило признавалось почти что единственным, во всяком случае, самым распространенным видом орудия. На самом деле это не так, среди каменных орудий нижнего палеолита имеется громадное число орудий иной формы, обычно из отщепов, обработанных двусторонне или же односторонне. Для позднего ашельского периода характерными орудиями становятся обычно односторонне обработанные пластины, так называемые типа Леваллуа (по месту находки около Парижа). По своему внешнему виду эти пластины представляют как, бы расколотые пополам рубила, по своей технической функции они могли служить ножами, а возможно, и наконечниками копий или дротиков.

Остатки культуры ашельского периода встречаются, по сравнению с шелльскими местонахождениями, на более широкой территории, обычно они бывают обнаружены рассеяно в древнем аллювии речных террас и отложениях плато. В громадном большинстве случаев находки ашельского периода встречаются во вторичном залегании.

В 1934-1936 гг. С. Н. Замятиным на Черноморском побережье Кавказа, в Абхазии, была исследована культура ашельского периода, одна из наиболее ранних культур известных на территории СССР. Большой материал дали палеолитические местонахождения в районе Сухуми, в частности, склоны горы Яштух. Древнепалеолитические находки Абхазии ашельского (клектонского) типа были открыты на пятой (80-100-метровой) береговой террасе, в различных слоях. Условия находок исключают возможность обнаружения палеонтологического материала. Это затрудняет в некоторой мере определение геологического возраста каменных орудий и придает особое значение связи остатков древнейшей человеческой культуры с береговыми террасами. Оказалось, что в то время как орудия ашельского типа встречаются на пятой (80-100-метровой) террасе, орудия мустьерского типа, более поздние, локализируются третьей (30-40-метровой) террасой. Таким образом, место залегания орудий уже само по себе становится критерием для определения их археологического возраста.

Среди ашельских орудий Абхазии встречаются грубые массивные кремневые отщепы широких и неправильных очертаний, сколотые с дисковидного нуклеуса. Из этих отщепав путем грубой обработки изготовлялись массивные скребла и остроконечники. В шести местонахождениях встречены также ручные рубила, из которых выделяется характерное рубило вытянутой формы, найденное около Гали.

По условиям находок к абхазскому материалу очень близки ашельские орудия Армении. В 1933 г. геолог А. П. Демехин, работая у сел. Арзни, Котайкского района Армянской ССР, на плато над рекой Занга, обнаружил крупные обсидиановые орудия, покрытые патиной молочного цвета. Орудия были найдены несколько севернее сел. Арзни, на распаханном участке плато, представляющем собою древнюю террасу р. Занга, тянущуюся вдоль глубокого речного каньона.

Одиночные обсидиановые орудия, несомненно различные по времени, о чем можно заключить как по формам орудий, так и по патине, обнаружены вдоль ущелья реки на значительном протяжении к северу, вплоть до сел. Нурнус (7 км к северу от Арзни), около которого были найдены уже упомянутые палеонтологические находки третичного периода.

Из обсидиановых орудий, обнаруженных около Арзни, выделяется крупное ручное рубило, длиной в 14,5 см и толщиной в 4,5 см, правильной миндалевидной формы двусторонне обработанное грубыми сколами. Неравномерность оббивки обеих сторон, а также обработка сколами округлой, пяточной части орудия, не позволяет несмотря на архаичность формы, отнести это рубило, так же как и другие орудия из Арзни, среди которых имеются отщепы с чрезвычайно широкой ударной площадкой, к раннеашелльскому периоду.

Орудия ашелльского типа были обнаружены также (С. Сардаряном, в 1946 г.) у горы Богутлю, на юго-западном склоне горы Арагац. Это местонахождение, было обследовано С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной в 1946 и 1947 гг., собравшими большое число каменных орудий, среди которых имеется несколько характерных ашелльских обсидиановых рубил двусторонней обработки, а также диабазовых односторонних орудий.

На этой древнейшей стадии истории, шелльского и ашелльского периодов, человеческое общество было крайне примитивным. Незрелость орудий и универсальность основного из них - ручного рубила - свидетельствуют о примитивных формах труда. Люди жили малочисленными группами, не имели определенного места обитания и продолжительных стоянок. Это были небольшие бродячие группы, связанные первобытной формой трудовой кооперации. Слабость отдельного человека, тесная зависимость его от сил природы, а также опасность со стороны диких зверей, вызывали необходимость коллективного труда, являвшегося характерной чертой первобытного общества, хорошо и разнообразно засвидетельствованной этнографией. Средства к существованию добывались путем собирательства, принявшего вид своеобразной формы производства, и охотой. Деревянными палками и грубыми каменными орудиями выкапывались съедобные корни растений, обивались с деревьев плоды, которые нельзя было достать руками, и убивались животные.

В то время как памятники ашелльского периода на территории СССР представлены лишь небольшим числом местонахождений в Абхазии, Армении и южной Украине, а также одной стоянкой в Крыму (Киик-коба), относящейся к самому концу ашелльского периода, памятники следующей стадии развития общества, мустьерского периода, встречаются в СССР на значительно более широкой территории.

Мустьерский период относится к рисской фазе оледенения, ко второй половине среднего плейстоцена, отличавшейся холодным и влажным климатом. В это время в Европе появляются уже шерстистый слон - мамонт и шерстистый носорог. Из других животных, характерных для мустьерского периода Европы, следует назвать: пещерного медведя, бизона, гигантского оленя, благородного оленя, льва и гиену: Не во всей Европе в то время была одинаковая фауна, на юго-востоке существовала степная фауна, а в Средиземноморье сохранялись еще древний слон и носорог Мерка.

В мустьерский период значительно совершенствуется техника обработки камня. Двусторонняя обивка каменного ядра орудия уступает место односторонней обработке сколотых с нуклеуса пластин, причем края орудия дополнительно подправляются ретушью, выполненной как путем удара (откола), тѣк и путем отжима. Из пластин изготовлялись два характерных вида мустьерских орудий - остроконечника и скребла, имевших, вероятно, деревянные рукоятки. Ручные рубила остаются в виде пережиточных форм, они сильно уменьшаются в размере, становятся тонкими и тщательно обработанными.

В мустьерский период произошли крупнейшие общественные изменения, выразившиеся в формировании общины, пришедшей на смену старому стадному бытованию. Кроме того, в общине произошло половое разделение труда, особо выделились производственные группы мужчин и женщин, в связи с чем произошла и специализация видов орудий. Вместо прежнего первобытного собирательства на первое место выдвигается охота, притом охота на крупных животных.

Изменение климата в сторону похолодания, в связи с наступлением рисского оледенения, привело к большей оседлости первобытной общины. Местом жилья в мустьерский период становятся естественные пещеры или скальные навесы. Мустьерские стоянки обнаружены на значительной территории. В Европе они (Доходят до самых границ ледника. В СССР стоянки и отдельные находки орудий мустьерского периода обнаружены на Кубани (станция Ильская), на Днепре (сел. Кодак), на северном Донце (Доркул) в Крыму пещерные стоянки Киик-коба, Чокурча и др.), по Черноморскому побережью Кавказа (пещеры Ахштырская и Навалишенская, около Сочи и в Абхазии), в Армении (гора Арагац, Арзни) и в Узбекистане (Тешик-таш около Байсуна и около Самарканда).

В Закавказье местонахождения мустьерского периода в настоящее время известны в Абхазии и Армении.

На черноморском побережье Абхазии кремневые мустьерские орудия были найдены на четвертой (60-метровой) и на третьей (35-40-метровой) террасах, т. е. ниже ашелльских орудий. Отдельные орудия мустьерского типа были найдены в Абхазии также около навесов и пещер. Местонахождения с мустьерским материалом являются наиболее многочисленными. Так, из 33 пунктов Абхазии, где был засвидетельствован палеолит, 23 пункта содержали орудия мустьерского периода.

В Армении хорошо выраженные обсидиановые орудия мустьерского времени были найдены в Арзни, на той же береговой террасе, что и орудия ашелльского типа, от которых они отличаются патиной и выработанностью форм. К этой группе орудий из Арзни относятся орудия из пластинчатых обсидиановых отщепов, спинки которых обработаны продольными сколами (напоминая пластины типа Леваллуа), а также из отщепов вытянутой треугольной формы. Один такой остроконечник был обнаружен в 1935 г. в обрыве, на глубине 6-7 м, около сел. Маймуджуг (Пемзашен) на западном склоне горы Арагац.

В эпоху верхнего палеолита, особенно с наступлением вюрмского оледенения в Европе, климат стал значительно холоднее, человеку пришлось жить в более тяжелых условиях и вести трудную борьбу за свое существование. В этой борьбе с природой производительность труда первобытного человека возрастает, охота становится более организованной, орудия труда развиваются главным образом по линии дифференциации, что отражает развитие и усложнение производства. Каждое орудие получает свое функциональное значение. Преобладают небольшие орудия, изготовленные из тонких пластин, сколотых с призматического нуклеуса. Пластины приобретают ножевидную форму и путем тонкой ретуши они получают специализированное назначение - ножей с боковым режущим краем, скребков на конце пластины, проколов, наконечников и др. Одновременно с развитием кремневых орудий совершенствуются и численно увеличиваются орудия из кости и рога. Во второй половине верхнего палеолита появляется лук, значительно изменивший технику охоты. В Европе стоянки этого времени располагались обычно на второй надпойменной речной террасе, на склонах долин, а в горных местностях для жительства использовались пещеры и гроты.

Поселения верхнего палеолита в СССР хорошо известны. В них были найдены образцы палеолитического искусства, статуэтки из кости, особенно интересные памятники этого рода дали стоянки Мезенская (около Чернигова), Мальтинская (около Иркутска) и стоянки по р. Дону (Костенки I, Гагарино).

В Закавказье культура ориньякского периода теснейшим образом, по формам орудий, связана с предшествующей стадией, мустьерской.

Наиболее характерные памятники верхнего палеолита в Закавказье представлены пещерными стоянками Западной Грузии. В настоящее время эта группа памятников является наиболее изученной частью палеолита Закавказья.

С. Н. Замятнин делит пещерные стоянки Западной Грузии на три группы памятников, которые в совокупности обнимают весь верхний палеолит, от ориньякского и до азильского периода.

Древнейшая группа этих стоянок представлена пещерами Хергулис-кде у с. Вачеви и Таро-кде у с. Шукрути, обе в окрестностях Чиатури, обследованными в 1918 г. С. Круковским. Наряду с характерными верхнепалеолитическими орудиями, эти пещеры имеют еще в большом количестве мустьерские формы, отличающиеся тщательностью ретуши. Так, с мустьерским периодом сближаются треугольные пластины, остроконечники и скребки, в то время как нуклевидные орудия, резцы, концевые скребки и пластины со стесанным краем являются типичными верхнепалеолитическими орудиями.

При небольших раскопках С. Круковского в пещере Хергулис-кде были обнаружены кости пещерного медведя, первобытной лошади и быка. Ближайшую аналогию к материалу из древнейших пещер Имеретин дает пещерная стоянка Сюрень I в Крыму.

К средней группе пещерных стоянок Западной Грузии относятся пещеры Уварова, Бериташвили и Вирхова около Кутаиси, исследованные в 1914 г. Р. Шмидтом и Л. Козловским, и пещера Девис-хврели, на берегу р. Чхеримелы около станции Харагаули, детально исследованная Г. К. Ниоразде в 1926-1928 гг. К этой группе памятников относятся и скалистые навесы Мгвимеви.

В пещерных стоянках второй группы верхнепалеолитические орудия сочетаются с мелкими орудиями геометрических форм (микролиты). Особенно многочисленный материал дали раскопки пещеры Девис-хврели. Большинство орудий, найденных Г. К. Ниоразде, изготовлено из местного туранского кремня, и лишь в незначительном количестве встречены орудия из обсидиана, возможно, доставлявшегося из Армении. Костяные орудия, острия и шилья немногочисленны. Обращают на себя внимание мелкие микролитовидные орудия, характерные для азильского и тарденуазского периодов, но в Средиземноморье, в капсийской культуре, встречающиеся и в комплексах относящихся к верхнему палеолиту.

Среди палеонтологических остатков в Девис-хврели обнаружены кости кабана, пещерного и бурого медведей, благородного оленя, быка, дагестанского тура, серны, косули и др. Г. К. Ниоразде относит пещеру Девис-хврели к верхнему ориньякскому периоду.

В скалистых навесах Мгвимеви, около Чиатури, С. Н. Замятнин в 1934 г. были обнаружены кремневые орудия, близкие к происходящим из Девис-хврели; позднее этот материал дополнен работами Н. В. Киладзе. В 1934 г. у одного из навесов обнаружены палеолитические знаки, состоящие из пересекающихся линий различной толщины тщательно вырезанных. Аналогичные изображения встречаются в верхнем палеолите Средиземноморья, на юге Апеннинского полуострова и во французской северной Африке, что, как указывает С. Н. Замятнин, лишней раз подтверждает наблюдаемое сходство палеолита Грузии со Средиземноморьем.

К поздней группе пещерных стоянок Западной Грузии относится пещера Гварджилас-кде, близ Ргани, раскопанная в 1916-1917 гг. С. Круковским. Среди кремневых орудий из этой пещеры преобладают орудия, изготовленные из тонких, узких и удлиненных пластин и сочетающиеся с микролитами геометрических форм. Наряду с кремневыми орудиями встречено большое количество костяных изделий, среди которых выделяются шилья, иглы и гарпун азильского типа.

Таким образом, верхнепалеолитические пещерные стоянки Западной Грузии дают четкую линию последовательности и преемственности различных по времени групп пещерных стоянок, характеризующихся кремневыми орудиями определенных типов. Но вместе с тем, как указывалось, в этом материале отсутствует та четкость и резкость, которая дает право делить верхний палеолит на ориньякский, солютрейский и мадленский периоды, поэтому сопоставление закавказского

палеолитического материала с западноевропейским имеет в значительной мере относительное значение. Верхний палеолит Грузии имеет больше общих черт со Средиземноморьем, в частности, с капсийской культурой Малой Африки, с культурой Гримальди на Апеннингах и с древненатуфийскими стоянками Палестины и Сирии. По С. Н. Замятнину три намеченные выше группы хронологически могут быть сопоставлены: первая с ориньякским периодом, вторая, по видимому, наиболее длительная, с солютрейским и ранне-мадленским (по Г. К. Ниорадзе - с верхне-ориньякским) и третья группа с поздне-мадленским и ранне-азильским периодами.

На Черноморском побережье Кавказа, в Абхазии, верхнепалеолитический материал встречен в слоях второй (15- 20-метровой) террасы и на поверхности третьей и пятой террас. Очевидно, выбор места для стоянок в верхнем палеолите был совершенно отличен, от выбора места для жилья в ашелльский и мустьерский периоды, от расположения мест обитания по берегам рек. По-видимому, вид береговых террас Абхазии во время вюрмского оледенения и отступления ледника был близок к современному виду.

Верхний палеолит Абхазии характеризуется удлинёнными кремневыми ножевидными пластинами, скребками на конце удлинённой пластины, округлыми скребками и резцами. По своим формам, особенно нуклеидным, абхазский верхний палеолит сближается с пещерными стоянками той же эпохи, известными в Западной Грузии и в Крыму. То же самое можно сказать и о верхнепалеолитических орудиях Армении, известных по сборам на Арагаце и в Арзни.

Из приведенного обзора видно, что палеолит Закавказья изучен фрагментарно, работы в этой области захватили лишь отдельные районы Кавказа, преимущественно западной его части. Наилучше изученными в отношении палеолита оказались районы западной Грузии, Абхазии. Находки в Армении, ставшие известными уже сравнительно давно, археологически обследовались только в самые последние годы.

Палеолит восточного Закавказья до сих пор еще не известен, и в этом направлении не проводились даже разведочные работы, но там имеются палеонтологические находки, которые представляется возможным связать по времени с самым концом верхнего палеолита. Это большое кладбище костей вымерших животных, в Кировых разработках у сел. Бинагады, около Баку, ставшее известным с 1938 г. Кости были найдены в слое бурого суглинка, пропитанного окисленной нефтью, общей мощностью до 1 м. Были определены кости пещерного льва, волка, лисицы, пещерного медведя, носорога, лошади, первобытного быка и благородного оленя. Находка большого количества костей в одном месте объясняется, видимо, тем, что в древности, на месте сел. Бинагады, существовало пресноводное озеро, к которому на водопой собирались различные животные. Берега озера широкой полосой были заилены, и топкий грунт был залит еще нефтью. Молодые и обессилевшие животные увязали в этом топком грунте и гибли, трупы их растаскивались хищниками, но не на далекое расстояние. В Бинагадах были обнаружены также и остатки растительности: плоды иволистной груши, можжевельника, фисташкового дерева, кустарничковой вишни, цветы и ветви гранатника, а также ствол виноградной лозы.

Определение геологического возраста бинагадинских находок в настоящее время затруднительно; не могут в этом отношении оказать помощь и аналогичные находки костей в южной Европе, так как древняя фауна Апшерона могла представлять значительное своеобразие, ввиду ее отдаленности от сплошного оледенения. Наиболее вероятным представляется, отнесение бинагадинских находок ко времени последнего оледенения, или даже несколько позже.

Богатые палеонтологические находки, особенно в центральном Закавказье, остаются также почти что необработанными в целом и научно использовались лишь попутно. Исключение представляет лишь Бинагадинское местонахождение костей вымерших животных на Апшеронском полуострове.

Несмотря на фрагментарность работ по палеолиту Закавказья, все же этот древнейший период истории человеческого общества выступает по имеющимся материалам в определенном виде.

Можно считать окончательно рассеянным миф о позднем заселении Кавказа человеком, миф, имевший еще недавно широкое распространение. Кавказ, в частности Закавказье и восточный берег Черного моря, представляется над одним из центров древнейшей человеческой культуры, связующим звеном палеолитических культур Средиземноморья с северным Причерноморьем.

Литература

1. **Ефименко П. П.** Первобытное общество. 1938. стр. 184-208.
2. **Замятнин С. Н.** Находки нижнего палеолита в Армении. Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1947, № 1.
3. **Замятнин С. Н.** Новые данные по палеолиту Закавказья. Сов. этнография, 1935, № 2, стр. 116-123.
4. **Замятнин С. Н.** Палеолит Абхазии. Сухуми. 1937.
5. **Замятнин С. Н.** Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). Сов. архелогия, III, 1937, стр. 57.
6. **Киладзе Н. В.** Палеолитические находки в Мгвимеви. (На груз. яз.). Вестн. Гос. Музея Грузии, XII-B, 1944, стр. 279.
7. **Круковский С.** Пещера Гварджилас-кде в Рсани. Изв. Кавказск. музея, X, вып. 3, 1916, стр. 253.
8. **Ниорадзе Г. К.** Палеолитический человек в пещере Девисхвтели. (На груз. яз.), 1933.
9. **Ниорадзе Г. К.** Палеолит Грузии. Тр. II Межд. конфер. АИЧПЕ, V, 1934, стр. 219.
10. **Паничкина М. З.** К вопросу о верхнем палеолите в Армении. Изв. Акад. Наук Арм. ССР, 1948, № 7, стр. 67.
11. **Равдоникас В. И.** История первобытного общества, I, 1939, стр. 164.
12. **Morgan J., de.** La Prehistoire Orientale, III, 1927, стр. 19-24.

Лекция третья. Неолит

В археологии долгое время существовало представление, согласно которому между палеолитом и неолитом имеется разрыв. Полагали, что после отступления вюрмского ледника, в начале современной геологической эпохи, так называемого голоцена, малообитаемая Европа была занята пришельцами откуда-то с юга, принесшими новую технику-шлифовку (полировку) орудий, гончарное дело, скотоводство и земледелие. Неолитическая культура, таким образом, не признавалась культурной преемственно связанной с палеолитической, дальнейшей стадией ее развития. Накопление новых археологических данных подтачивало эту теорию и в конце концов окончательно ее разрушило.

Были открыты памятники так называемого мезолита ("средне-каменного века"), памятники, соответствующие отступлению вюрмского ледника, конца плейстоцена, которые обнаружили связь с выявляющейся культурой эппалеолита ("послепалеолитической культурой") той поры начального периода голоцена, когда в культуре еще в сильной степени чувствовались палеолитические элементы.

Такие памятники известны и в Закавказье, особенно в западной Грузии и Триалети. В качестве примера стоянок этой культуры можно привести пещерную стоянку в Бармаксызском ущелье (Триалети), исследованную Б. А. Куфтиным.

Там было собрано большое количество орудий из обсидиана, главным образом, обработанных удлиненных пластину.

В Европе азийский период верхнего палеолита сменился тарденуазским периодом эппалеолита. Особенно характерным орудиями этой культуры являлись тщательно выделанные, мелкие орудия, так называемые микролиты. Им придавались геометрические формы - сегменты, трапеции и треугольники. Микролиты явились закономерным развитием техники обработки камня; цельная кремневая или обсидиановая пластина, непрочная и легко ломающаяся от удара, была заменена составным орудием из мелких вкладышей, изготовленных из дробленой пластины. Эти вкладыши закреплялись в деревянной или костяной, основе, и такое составное орудие по своим техническим качествам было значительно выше орудий из цельного куска камня, тем более, что благодаря тщательности обработки микролиты тарденуазского периода имели очень острый рабочий край. Орудие легко поддавалось подправке путем замены сломавшихся или затупившихся вкладышей новыми.

Стоянки тарденуазской культуры открыты на широкой территории, особенно хорошо представлены они в Крыму (грот Шан-коба и пещера Мурзак-коба).

В Закавказье характерные орудия микролитических форм были открыты в 1936 г. А. Н. Кадаидадзе у сел. Одиши, к северо-востоку от Зугдиди (Западная Грузия).

В Одиши, наряду с прекрасно выраженными микролитическими орудиями, пластинками геометрических форм, концевыми и округлыми скребочками, были обнаружены также крупные каменные орудия, близкие к макролитам ранне-неолитической, так называемой кампинийской культуры, когда уже существовало первобытное примитивное земледелие. Из находок А. Н. Каландадзе на земледелие указывают каменные песты, терки и орудия, частично шлифованные, которые могли служить наконечниками мотыг.

До недавнего, сравнительно, времени в археологии весьма распространена была теория, согласно которой Кавказ не переживал эпоху неолита вовсе или же она была крайне кратковременной. Отдельные находки орудий неолитического облика защитники этой теории относили к эпохе металла. В противовес такому мнению, уже давно, еще со времен V археологического съезда, было выставлено обратное представление о чрезвычайно широком распространении неолита на Кавказе. Причем в этих случаях к неолиту стали относить почти что все грубо изготовленные или шлифованные каменные орудия, циклопические крепости, сложенные из необработанных камней, наскальные изображения (петроглифы), встреченные,

в частности, на склонах горы Арагац (изображения козлов и так называемые солярные знаки, в виде кругов, с отходящими от них линиями). К неолиту, на основании западноевропейских аналогий, относились также чашечные углубления на камнях.

По мере углубления исследований материала, использованного защитниками широкого распространения неолита, отнесение его именно к неолиту становилось все более необоснованным.

Устанавливается, что наиболее распространенные наскальные изображения и чашечные углубления относятся к очень позднему времени. Знаки, совершенно тождественные с петроглифами, в частности, с так называемыми солянными знаками" оказались на камнях кладки караван-сарая Селимского перевала, датированного надписью XIV в. Архаичные же по своему типу изображения козлов и чашечные углубления имеются на стенах, алтарных камнях и надгробных крестных камнях армянских средневековых храмов. Ни одна из обследованных в Закавказье циклопических крепостей не дала материала, который хотя бы с минимальной достоверностью мог быть отнесен к неолиту. Развенчание псевдонеолитических комплексов только усилило недоверие к неолиту Закавказья.

Для реабилитации закавказского неолита необходимы были, более углубленные работы и, в первую очередь, разведочные исследования по выявлению нового материала. Ж. де-Морган уже давно связывал с неолитом некоторые из обсидиановых орудий, найденных им на западном склоне горы Арагац. Этот материал дополнен сборами С. Сардаряна в 1945 г. у горы Богутлу, давшими большую коллекцию ранне-неолитических орудий. Для орудий использовалась широкая массивная пластина, причем некоторые из орудий - как, например, остроконечники и скребла - напоминают подобные орудия мустьерского периода и только детальное их изучение и сравнительный материал из ряда неолитических стоянок убеждает в том, что они относятся к раннему неолиту.

Разведочными работами С. Н. Замятнина и М. З. Паничкиной (1946) у подножья горы Богутлу обнаружена большая мастерская неолитических орудий пластинчатых форм, сколотых с удлиненного призматического нуклеуса крупных размеров. Этот материал существенно отличается от поздне-неолитического, в котором обсидиановая пластина, лежащая в основе громадного большинства орудий, делается более узкой и тонкой, тем самым сохраняются иногда некоторые формы верхнепалеолитических орудий.

В 1926 г. на конференции археологов в Керчи украинский археолог А. А. Потапов представил доклад о неолитических стоянках Закавказья, используя собранный им в Грузии и Армении материал (стоянки в районе Эчмиадзина и около Тбилиси). Характерными особенностями неолитических стоянок Закавказья А. А. Потапов считал расположение их на вторых террасах речных долин и преобладание орудий, изготовленных из обсидиана. Этот материал, относящийся к позднему неолиту, а частично и к начальной поре освоения металла, представлен орудиями из обработанных пластин, концевыми скребками, проколками и своеобразными орудиями г. виде птичьего клюва. Подобные обсидиановые орудия были найдены мною в 1931 г. на распаханном участке у крепости Кишляг, около Нор-Баязета, а также раскопками Е. Лалаяна в Эларе.

Материал по неолиту Закавказья за последнее время значительно пополнился новыми находками, к сожалению, еще не опубликованными. Неолитические стоянки открыты на Черноморском побережье Закавказья, в Колхиде (работы Н. В. Хоштария) и в районе Гудаут (селище Кистрик, исследованное А. Л. Лукиным).

Неопубликованным остается также материал из чрезвычайно интересного поздне-неолитического или ранне-энеолитического поселения около Кутаиси, собранный в 1924-1932 гг. П. И. Чабукйани и хранящийся в Кутаисском музее и в Музее Грузии. Неолитические поселения Тетрамица и Сатаплия находятся на северо-западной окраине Кутаиси. Предметы были обнаружены на небольшой глубине от поверхности, иногда группами. Вместе с ними были найдены также куски глиняной обмазки стен жилищ. Обломки керамики немногочисленны. Сосуды, формы которых не устанавливаются, были грубой выделки, бурого цвета, с примесью кварцевого песка. Среди керамических изделий имеется обломок сильно стилизованной человеческой статуэтки.

Кремневые орудия представлены вкладышами серпов и ножей, пластинками с односторонней ретушью, часто представляющей зазубренность, округлыми скребками, напоминающими скребки из Одиши, и наконечниками стрел с выемкой или стерженьком в середине нижней части. Эти наконечники стрел по своей форме очень близки к наконечникам медного века.

Характерны клиновидные орудия, наподобие мотыжек частичной или полной шлифовки, изготовленные из кремня или же других пород камня. Иногда шлифовка этих орудий заменялась обивкой. Подобные мотыжки были найдены в большом количестве С. Н. Замятниным при раскопках верхнего слоя Ахштырской пещеры около Сочи.

В Тетрамице обнаружены также зернотерки и песты из камня, дополняющие набор предметов, документирующий наличие земледелия у обитателей этого древнего поселения.

Особый интерес представляют предметы из мергеля, в виде уплощенного кольца, имеющие аналогии в северокавказском материале, в частности в материале из кургана, раскопанного А. А. Миллером в 1929-1930 гг. в Нальчике (Кабардинская АССР). Найденные на поселении Тетрамица неоконченные экземпляры каменных браслетов показывают, что они вырезались из пластинок (палеток), чем и объясняется их уплощенная форма.

Археологические работы в Кабардинской АССР, на Северном Кавказе, открыли ряд памятников неолитического периода и начальной поры медного века, которые помогают понять нам неолитические памятники Закавказья.

В 1930-1933 гг., около Нальчика, было обследовано древнее поселение, известное под названием Агубековского. Найденные на нем орудия из кремня и обсидиана были типично неолитическими. Это пластины с ретушью, скребки, округлые или же на концах пластин, проколки и наконечники стрел, удлинено треугольной формы с выемкой в нижней части. Среди каменных орудий были обнаружены также шлифованные долота и топоры из змеевика и обломок шаровидной булавы.

Крупные терки с небольшой рабочей поверхностью, терочки и песты служили, по-видимому, не для растирания зерна, а для обработки продуктов собирательства, растирания и размельчения желудей, орехов, плодов, корней и т. п. Подобное использование терок с ограниченной рабочей поверхностью подтверждается этнографическими материалами.

Сосуды, обломки которых были найдены на Агубековском поселении, изготовлялись от руки, причем в глину примешивался кварцевый песок. Сосуды имели иногда прилепные ручки для подвешивания, в форме полушария с горизонтальным сквозным отверстием. Эти ручки стали особенно характерны для несколько более позднего времени.

Среди глиняных изделий оказался обломок статуэтки - грубо вылепленная голова с удлиненной шеей, чрезвычайно сходная с подобными же трипольскими.

Около поселения находился большой плоский курган, аналогичный, по внешнему виду, раскопанному в Нальчике.

Курган в Нальчике представляет собою невысокий (до 0.75 м) холм, неправильно округлой формы, образовавшийся, возможно, в результате слияния насыпей над отдельными могилами или же группами могил. Раскопками кургана открыто 121 погребение, но их количество значительно больше, так как часть погребений была разрушена до раскопок. Скелеты лежали в скорченном положении, на правом или левом боку, причем большинство их окрашено красной краской. Устанавливается, что ориентировка мужских и женских захоронений была различной. Предметы обнаружены лишь при немногих костяках. Это кремневые пластины с ретушью, скребки и наконечники, шаровидное навершие булавы из песчаника, браслеты, вырезанные из мергеля, и каменная женская статуэтка. Обнаружены также многочисленные украшения из кости - кольца и пластины, а также подвески из зубов диких животных: кабана, оленя, медведя, лисицы, дикого быка. На одной костяной пластинке вырезаны два изображения змей. Из металлических вещей в Нальчикском кургане обнаружено одно мелкое медное колечко.

Весь комплекс приведенных материалов свидетельствует о том, что то общество, к которому относится курган в Нальчике, находилось на ступени матриархального рода и основой его хозяйства были охота и собирательство, что подтверждается также археологическими данными Агубековского поселения.

В восточном Закавказье с этой культурой могут быть связаны лишь отдельные находки, в частности, шлифованный топор, найденный около Кировабада, а также один курган, раскопанный Э. Реслером в

1903 г. у с. Голицино Шамхорского района. Этот невысокий курган (высота 1.20 м, при диаметре около 14 м) содержал погребение, в котором находился костяк в вытянутом положении, обложенный с обеих сторон необработанными камнями. Около головы в золе были обнаружены обломки грубых глиняных сосудов и небольшая кремневая пластинка. Орудия из кремневых или обсидиановых пластин очень характерны для закавказской культуры неолита и медного века. У колонии Анненфельд в том же Шамхорском районе был обнаружен целый склад кремневых пластинок, значительных по своей величине. Часть этой находки была опубликована Р. Вирхювым еще в 1884 г., а одна кремневая пластина длиной 17.5 см попала в 1903 г. к Э. Реслеру.

Большое количество обсидиановых пластин происходит из раскопок В. Белька около Вана в 1899 г. Им был исследован холм Шамирамальти, находящийся к югу от Ванской скалы. Холм этот, высотой около 6-7 м, содержал в себе целый ряд культурных слоев и погребений, соответствующих разновременным древним памятникам поздне-неолитического периода и медного века.

На основании стратиграфического залегания весь материал из Шамирамальти делится на две большие группы. Первая из них, представленная верхними слоями, относится ко второй половине II тысячелетия до н. э., в то время как нижние слои дают очень архаичный материал, уходящий в конце III тысячелетия до н. э.

При раскопках холма и при сборе подъемного материала найдено громадное число обсидиановых орудий, при незначительном числе кремневых. Только во время раскопок В. Белька было найдено свыше 1500 обсидиановых орудий. Преобладающим видом их является ножевидная пластинка с боковой ретушью или же без всякой ретуши, по длине достигающая 20 см. Характерной особенностью большого числа этих пластин является боковой выем полукруглой формы. Встречаются также проколки и наконечники стрел вытянутой треугольной формы, без выемки в нижней части.

В самых нижних слоях холма (глубина 5-6 м) было найдено грушевидное навершие булавы из известняка, а в одном из погребений того же уровня - диоритовый шлифованный топорик, овальный в сечении, закрепленный в рукоятке из оленьего рога (длина рукоятки 53 см).

Обнаружены также каменные терки и песты и многочисленные предметы из кости и рога (молотки, шилья). Наряду с подвесками из белого кварцита найдены украшения из зубов диких животных, указывающие на то, что в этом обществе при существовании земледелия, магия была еще тесно связана с охотничьими культурами.

Керамика нижних слоев Шамирамальти была ручной лепки и имела черную, реже красную, полированную поверхность.

Сопоставление рассмотренных поздне-неолитических стоянок Северного Кавказа и Закавказья показывает, что в Закавказье развитие культуры шло более интенсивными темпами; в то время как на Северном Кавказе еще господствовали собирательство и охота, в районах к югу от Кавказского хребта существовало уже примитивное земледелие, главным образом, около устьев горных рек и ручьев.

Несмотря на совершенно недостаточную изученность неолита Кавказа, известные в настоящее время памятники, преимущественно позднего его этапа, определенно обрисовывают нам ту стадию культуры, на основе которой произошло освоение металла и окончательный переход общества от охотничье-собирательского хозяйства к земледелию и скотоводству.

Литература

1. **Каландадзе А.** Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. Инст. языка, истории и материальной культуры IV, 3, 1939. стр. 363-371 (на груз. яз.).
2. **Кричевский Е. Ю. и А. П. Круглов** Неолитическое поселение близ г. Нальчика. Мат. и иссл. по археологии СССР, № 3, 1941, стр. 51.
3. **Круглов А. П., Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий** Могильник в Нальчике. Мат. и иссл. по археологии СССР, 1941, № 3, стр. 67.
4. **Потапов О.** Предісторичій Кавказ, Східні Свит, №2, 1928, стр. 222 (на укр. яз.)

Лекция четвертая. Культура медного века (конец III тысячелетия - первая половина II тысячелетия до н. э.)

Самые древние из известных в настоящее время энеолитических поселений Закавказья относятся ко второй половине и к концу III тысячелетия до н. э. Раскопки этих древнейших земледельческих поселений характеризуют довольно развитую культуру, представляющую дальнейший этап рассмотренной нами поздне-неолитической культуры.

Наиболее полную картину энеолитического поселения дают раскопки поселения у сел. Шенгавит, около Еревана, произведенные Е. А. Байбуртяном в 1936-1938 гг. Древнее поселение располагалось на возвышенном мысу левого берега р. Зан-ги. Еще до раскопок на поверхности холма были хорошо видны, особенно после дождя, крупные круги, диаметром около 7 м. Раскопки показали, что эти круги соответствовали круглым, сложенным из сырцовых кирпичей жилищам, к которым примыкали прямоугольные помещения. Круглая центральная комната имела пол, обычно выложенный гальками (концентрическими кругами), покрытыми сверху глиняной обмазкой или же сырцовыми кирпичами. Стены жилищ, сохранившиеся на высоту 80-90 см, были сложены из крупных сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, дверные проемы имели иногда каменные пороги и ступеньки, а около стены сооружалась глинобитная приступка, высотой и шириной около 40 см.

В центре круглого помещения обычно находился крупный камень, служивший базой для центрального столба, поддерживавшего коническую крышу. Около этого камня стоял невысокий круглый очаг (диаметром около 1 м), украшенный рельефным орнаментом по верхнему борту и имеющий три связанных между собою отделения: одно большое и два меньших. Около очага находились зернотерки и верхние камни зернотерок из пористого базальта ладьевидной формы, с приподнятыми краями, а также терочки и каменные песты. В крупных сосудах и около очагов были найдены зерна и остатки колосков пшеницы и ячменя различных видов, близких к диким видам, известным в Закавказье. Исследования М. Г. Туманяна показали, что эти зерна собраны из смешанного посева двух злаков, пшеницы и ячменя. На основании их изучения устанавливается, что климат Закавказья в энеолитический период был более влажным, чем в историческое время. При раскопке около очагов и в других частях жилища были обнаружены кости животных - крупного и мелкого рогатого скота, а также собаки, - указывающие на сочетание земледелия со скотоводством. Скотоводство документируется и найденными в жилищах каменными и глиняными фигурками животных. Из числа последних выделяются части глиняных очагов, вылепленные в форме баранов. Кости диких животных, в частности диких коз и лошадей, а также кости рыб, свидетельствуют об охоте и рыболовстве жителей поселения.

В Шенгавитском поселении найдено большое количество предметов из камня и кости и громадное количество обломков сосудов черного, реже красного цвета, с лощеной до блеска поверхностью,

украшенной резным, выпуклым или вдавленным орнаментом геометрического характера. Орнамент обычно располагался под венчиком и на туловище сосуда. Часто встречаются небольшие налепные полушаровидные ручки со сквозным горизонтальным отверстием, служившие, вероятно, для подвешивания сосуда.

Среди каменных изделий встречено множество кремневых вкладышей прямоугольной формы, обработанных с обеих краев; ретушью. Эти вкладыши закреплялись в деревянной или костяной рукоятке. По характеру заполированности края очевидно, что кремневые пластинки служили вкладышами составного серпа. Обращает на себя внимание значительное преобладание в Шенгавитском поселении кремневых орудий, тогда как в более позднее время орудия изготавливались почти исключительно из обсидиана. Из числа других каменных орудий следует отметить полированный топор с отверстием для рукоятки и навершия булавы грушевидной формы, т. е. обычный набор каменных изделий, характеризующий культуру медного века.

В Шенгавитском поселении широко использовалась и кость. При раскопках обнаружено большое количество костяных проколов, а также булавки, наконечники стрел, бусы и пуговицы или же пряслица. Среди керамических изделий встречены предметы в виде колес, возможно культового значения, фигурки животных, обломок схематичной, сильно стилизованной женской статуэтки и миниатюрная модель очага, повторяющая форму очагов, обнаруженных в центральном круглом помещении.

Найдены также отдельные медные предметы: булавки, четырехгранные шилья, буса. В одном из жилищ был обнаружен обломок каменной формы для отливки, по всей вероятности, плоского топорика-долота.

Шенгавитское поселение в районе Еревана не одиноко. Около Вагаршапата (Эчмиадзина) исследованы два энеолитических поселения Шреш-блур и Кюль-тапа. Несмотря на чрезвычайное сходство их культуры с культурой Шенгавитского поселения, при бесспорном отнесении их к одной и той же стадии развития общества, внешний вид Вагаршапатских поселений существенно отличается от Шенгавитского. Это не селище на естественном холме, а искусственная возвышенность, зольный холм, выросший на низменности, то, что в Средней Азии называют "тепе". Формы строительства легких жилищ из глины привели к быстрому наслоению культурных остатков. При ремонте жилищ старые жилища из сырцовых кирпичей разрушались и на их месте возводились новые строения. Зола из домашнего очага выгребалась тут же, около жилища. Это приводило к тому, что поселение принимало вид растущего холма (тепе), с мощными слоями строительных остатков и зольных прослоек.

Шенгавитское поселение расположено как раз на границе низменности и предгорий, но оно имеет характер горных поселений, и полную ему аналогию представляет энеолитическое поселение на холме Такаворанист около Кировакана. Шреш-блур и Кюль-тапа относятся к поселениям низменности, Араратской равнины, и потому, естественно, они приняли вид искусственных холмов - тепе.

Холм Шреш-блур был исследован в 1913 г. Е. Лалаяном путем крестообразного раскопа. При общем чрезвычайно близком сходстве материала из этого холма с Шенгавитом, бросается в глаза разная орнаментация керамики, несмотря на тождество техники изготовления сосудов и их форм. В Шреш-блуре весьма редок резной орнамент, который заменяется выпуклым и вдавленным. Для керамики из Шреш-блуря особо характерными являются украшения в виде крупных выпуклых спиралей и концентрических кругов, редко появляющихся в Шенгавите. Эту разницу в украшениях керамики естественно объяснить временным различием, отнеся Шреш-блур к более раннему времени, но при настоящих наших знаниях обосновать хронологическую последовательность Шреш-блуря и Шенгавита очень трудно. Из находок на Шреш-блуре следует особо отметить глиняную

стилизованную очажную подставку в форме быка. Широко расставленные рога быка, по-видимому, служили для установки на них сосуда, под которым разводился огонь.

Совершенно подобные подставки в виде быка были найдены и на холме Кюль-тапа, где в 1927 г. произвел сборы Т. Тораманян, а в 1945 г. С. Сардарян. Керамика Кюль-тапы по своей орнаментации совпадает со шрешблурской и отличается от шенгавитской. Характерным является прием лицевой орнаментации сосуда: узор заполняет лишь часть поверхности сосуда с одной только стороны. Обычен вдавленный узор, реже выпуклый и только в единичных экземплярах известен резной орнамент шенгавитского типа.

В отличие от Шенгавита на Шреш-блуре и Кюль-тапе среди каменных орудий преобладают обсидиановые, а не кремневые. Набор обсидиановых орудий из Кюль-тапа дает пластины, проколки, наконечники стрел с выемкой в нижней части, а иногда и с характерным выступом - стерженьком. Встречаются также кремневые вкладыши от серпов, но они по сравнению с шенгавитскими несколько меньше по размерам.

Особый интерес представляют образцы глиняной скульптуры, обнаруженные на Кюль-тапа. Среди очажных подставок имеется подставка в виде рогов быка, напоминающая критские алтарные подставки, причем между рогами помещена голова какого-то животного, углублениями отмечены глаза и рот. Кроме этой сравнительно крупной скульптуры на Кюль-тапа были найдены две статуэтки быков, статуэтки барана, собаки и птицы. Эти фигурки имеют следы красной раскраски. На одной фигурке бычка отчетливо виден глаз, нанесенный краской, и красные полосы на передних ногах, а на второй фигурке, на лбу, путем углублений изображена звезда, указывающая как будто на культовое значение этих статуэток. Кроме мелкой скульптуры, изображающей животных, найдены также две плоские женские статуэтки с тщательно отмеченными половыми признаками и головка другой фигурки, с большим выступающим носом, конической верхней частью головы и глазами, выполненными путем сквозных отверстий.

Об искусстве, связанном с религиозными представлениями, мы можем судить не только на основании орнаментации керамики, но и по статуэткам, которые несмотря на всю их схематичность живо и реалистично передают характерные черты изображенных животных.

Могильники рассмотренных нами энеолитических поселений еще не обнаружены, отдельные погребения того времени были раскопаны в 1893 г. Н. Я. Марром на западном склоне горы Арагац и случайно открыты у холма Такаворанист около Кировакана. В последнем случае погребение было перекрыто могилой бронзового века. При костях, помещенных в грунтовой яме, находилась характерная энеолитическая керамика. Сосуд из раскопок Н. Я. Марра украшен на лицевой стороне лишь одним рельефным узором в виде двойной спирали.

Более развитая энеолитическая культура представлена раскопками Е. Лалаяна и Е. Байбуртяна 1927-1928 гг. в Эларе, Котайского района. В Эларском поселении, ниже слоев урартского периода, были открыты зерновые ямы с остатками пшеницы, а также целые костяки домашних животных. Материалы из раскопок в Эларе отмечают дальнейшее развитие культуры, и в первую голову, скотоводства и земледелия. В составе стада начинает преобладать мелкий рогатый скот, что связано с полукочевой формой скотоводства. При росте стада пастбища около поселения были уже недостаточными, и скот приходилось угонять на удаленные от поселения луга.

В Эларе каменные орудия изготовлены почти исключительно из обсидиана, кремневые орудия, характерные для более раннего времени, исчезают. Керамика эларского поселения очень близка к шенгавитской и шрешблурской. Она имеет такую же черную лощеную до блеска поверхность, с той только разницей, что орнаментация сосуда почти что исчезает. Известны лишь отдельные экземпляры с очень упрощенными выпуклыми или вдавленными орнаментами.

Энеолитическая культура эларского типа встречается во многих, местах Армении, охватывая большой промежуток времени. Во многих урартских и средневековых крепостях и городах южного Закавказья нижние слои дают материал, весьма близкий к эларскому (Цовинарская крепость, Армавирский холм, Двин).

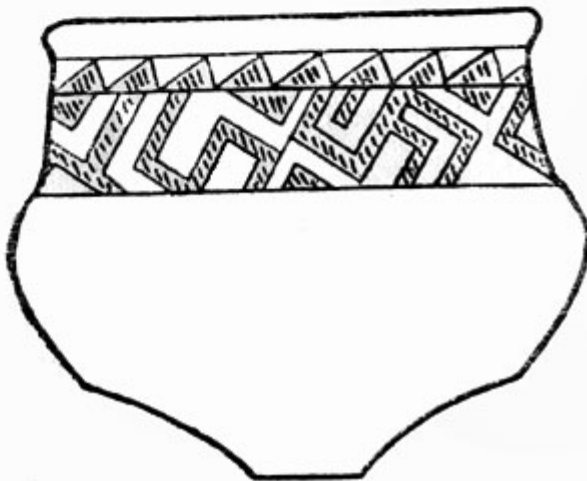
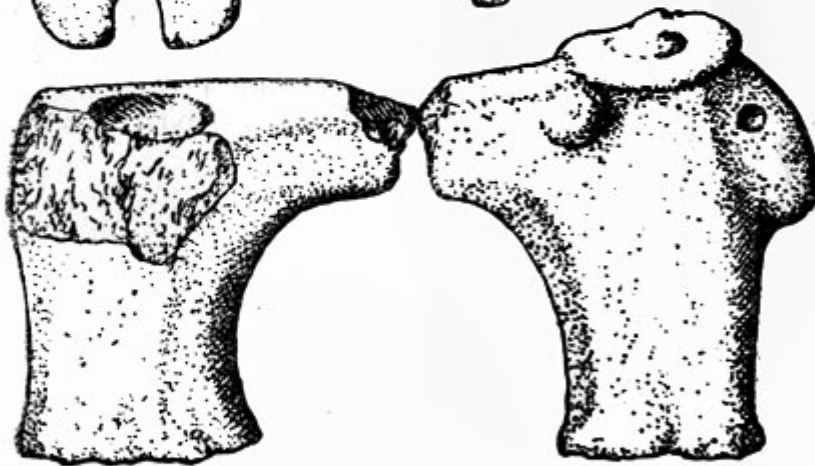
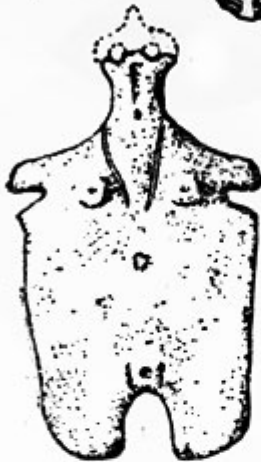
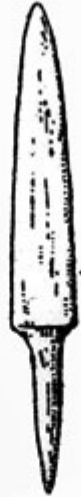
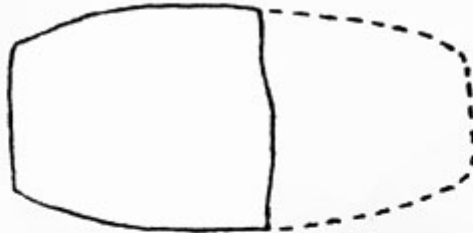
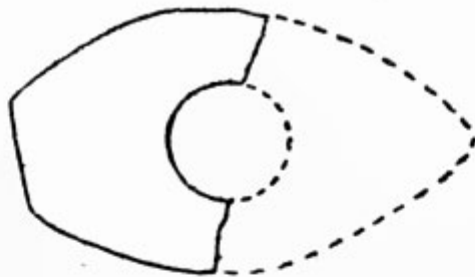

Табл. 2. Предметы из поселений медного века на территории Армянской ССР. Из Шенгавитского поселения: кремневые вкладыши от серпов, каменный топор, костяные наконечники стрел, медные предметы (шильце, булавки и буса), часть глиняного очага в форме барана и глиняный сосуд с резным орнаментом. Из поселения Кюль-тапа: два обсидиановых наконечника стрел, глиняные фигурки (женщина, бык, овца и собака) а глиняный сосуд с вдавленно-выпуклым орнаментом (Государственный Исторический музей Армении).

Для исследования медного века южного Закавказья особое значение имеет материал из раскопок П. Ф. Петрова у сел. Малаклю, около Игдыра, поступивший в 1914 г. в Кавказский музей.

Дорога, ведущая из Игдыра в Маркару, перерезает лавовый отрог подошвы Арарата, врезающийся в Араратскую низменность. В расщелинах туфа южной части этого отрога был обнаружен могильник урартского времени, состоящий из глиняных урн с пеплом сожженных человеческих костей. При урнах были найдены железные и бронзовые предметы, а также каменные и глиняные печати.

В северной части отрога, под покровом лавы, был обнаружен культурный слой энеолитического периода, содержащий большое количество глиняных сосудов, иногда очень крупные каменные зернотерки, осколки обсидиана и куски сырцового кирпича. Культурный слой содержал также большое количество золы и древесного угля. Само стратиграфическое положение этих находок, под слоем лавы, в котором был устроен могильник урартского времени, говорит уже об их глубокой древности. Керамика из этого зольника обнаруживает чрезвычайно близкое сходство с шенгавитской и с керамикой энеолитических поселений Вагаршапатского района. Та же черная лощеная поверхность, те же характерные налепные ручки полушаровидной формы, проткнутые поперек. Орнаментация на сосудах из зольника Малаклю встречается редко, что сближает его с эларским поселением. Узоры на керамике, выполненные гравировкой и вдавлением, имеют простой геометрический характер (поясок с линейным орнаментом и спираль).

В зольном слое найдены глиняные подковообразные очажные подставки, имеющие аналогии в поздних энеолитических поселениях, и необожженные кирпичи квадратной формы, со сторонами в 22 см, при толщине в 12-13 см. Ладьевидные зернотерки с приподнятыми концами, наподобие валиков, также представляют характерную для энеолита форму.

В 1904 г., около Нахичевани, на Араксе, Е. Лалаяном был раскопан зольный холм Кюль-тапа, состоявший из мощных слоев золы и угля, разделенных прослойками обожженной глины. Повидимому, на месте поселения, так же как и на холме Шамирамалти у Вана, находился и древний могильник, так как при исследовании холма Кюль-тапа были обнаружены человеческие кости в сопровождении керамики, костей животных и обугленных зерен пшеницы и ячменя. В нижних слоях холма Кюль-тапа найдена черная лощеная керамика со всеми характерными признаками керамики энеолитических поселений Закавказья. Подобная керамика, залегающая в слоях ниже расписной керамики, обнаружена в целом ряде мест Нахичеванской АССР (Шор-тапа и др.).

Энеолитические памятники, совершенно аналогичные памятникам из Армении и Нахичеванской АССР, известны и в Грузии.

В 1923 г. Е. Г. Пчелиной при раскопках в Кикетах, около Коджор, были обнаружены погребения, в которых были найдены обломки керамики с черной лощеной поверхностью. Один крупный сосуд был украшен под бортом выпуклым очковидным спиральным узором, близким к узору сосуда из раскопок Н. Я. Марра, а другой имел два изображения птиц геометризованной формы.

При своих работах в Триалети Б. А. Куфтин обнаружил энеолитический материал в самом нижнем слое крепости Ахыллар, около сел. Бешташени, а также в двух других пунктах у того же селения.

Нижний слой крепости дал кремневые пластинки, служившие вкладышами составного серпа, а также наконечники стрел со стерженьком в нижней части, очень близкие к наконечникам из неолитического поселения Тетрамица. В том же слое обнаружены ладьевидные зернотерки и глиняная фигурка быка (?) с отломанной головой, подобная глиняным статуэткам, происходящим из Кюль-тапа, около Вагаршапата. Вокруг очага, представлявшего сложное сооружение, были найдены многочисленные обломки черной или бурой лощеной керамики, обычно без узоров или с крупным рельефным украшением в форме спирали и подковки. Имеются также характерные для закавказской энеолитической керамики полушаровидные ручки. По своим формам и орнаментации сосуды из нижнего слоя циклопических крепостей Триа-лети совпадают с характерными сосудами из Шенгавита, Шреш-блур и Кюль-тапа. Раскопки в Цалкинском районе (Триалети) эту же керамику обнаружили и в самой древней группе курганных погребений.

Следует отметить, что и в средневековых городах Грузии нижний культурный слой дает материал, относящийся к медному веку, как это показали находки в Дманиси.

Энеолит западной Грузии представляет, по-видимому, некоторое своеобразие. Раскопки Л. Н. Соловьева и М. М. Иващенко 1935-1936 гг. в Очемчирском порту открыли там остатки древнего поселения, которое по всему комплексу найденных в нем предметов следует отнести к энеолитическому периоду. Среди весьма архаичных по своей обработке кремневых орудий в Очемчири были найдены кремневые вкладыши серпов с сильно зазубренным краем и двумя выемками на боковых частях, возможно, служивших для закрепления вкладышей в основе путем привязки; вместе с ними были найдены кремневые наконечники стрел вытянутой формы.

Керамика из Очемчирской стоянки представлена обломками грубых, вылепленных от руки сосудов баночной формы или же небольших чаш с ручками. Последние украшались несложным вдавленным орнаментом. В то время как земледелие в Очемчирском поселении документируется орудиями - вкладышами серпов и зернотерками, скотоводство представлено костями безрогой, очень низкорослой коровы, мелкого рогатого скота. В настоящее время очемчирский энеолитический слой представляется возможным связать с целым рядом памятников древней Колхиды и, в частности, с нижними слоями холмов Анаклии и Наохваму.

В восточном Закавказье, на территории Азербайджанской ССР, поселения энеолитического периода типа центрально-закавказских до сих пор еще не известны, но надо полагать, что они существуют, связывая древнейшие памятники центрального Закавказья с южнодагестанскими, в частности, с очень ранним поселением у станции Каякент (побережье

Каспийского моря), обследованным А. П. Кругловым. Весь комплекс материалов из этого поселения свидетельствовал об его глубокой древности, а найденная на нем каменная грушевидная булава и лощеная керамика с очевидным спиральным узором, рельефно выполненным, совершенно аналогичным орнаментировке сосудов из Кикети и Шреш-блур, связывали Каякентское поселение с энеолитическими поселениями центрального Закавказья.

Если на территории Азербайджанской ССР нельзя еще определенно указать поселений медного века, аналогичных вышеотмеченным, то могильные памятники этого времени известны. К ним причисляю некоторые из курганов, раскопанных в 1897 г. Э. А. Реслером на берегу р. Хаченагет (Нагорный Карабах). Курганы имели каменные насыпи высотой до 2.5 м, располагались они цепочкой и только один курган, содержащий четыре скорченных костяка, находился вне этого ряда. Погребения двух курганов помещались в грунтовых ямах квадратной или прямоугольной формы, в первой из раскопанных могил находился один костяк, а во второй два. Из орудий в могилах обнаружено два обсидиановых вкладыша, два обсидиановых отщепа, кремневое орудие, каменная шаровидная булава и небольшие плоские медные ножи.

В обоих погребениях были найдены золотые изделия: цилиндр из листового золота с выдавленным узором и подвеска из спирально скрученной проволоки. Особенно интересна керамика, представленная небольшими сосудами "блестяще-черного цвета", с выпуклым или же вдавленным орнаментом, аналогичная энеолитической керамике центрального Закавказья. Весь комплекс предметов лишь подкрепляет такое сопоставление.

Материал старых раскопок Э. А. Реслера дополнен теперь работами Я. И. Гуммеля в Степанакерте. В 1939 г. им был исследован курган со впускными погребениями начала I тысячелетия до н. э., основные погребения которого дали следующий материал: две шаровидные каменные булавы, множество кремневых наконечников стрел со стерженьком в нижней части, большое число обсидиановых отщепов, три золотые бусы, золотую серьгу, плоский медный кинжал, такой же наконечник копья и глиняные сосуды. Несмотря на то, что эти раскопки Я. И. Гуммеля еще не опубликованы и детали не известны - сходство этого степанакертского кургана с разобранными нами группой энеолитических памятников совершенно очевидно. Каменные шаровидные булавы являются общим для данной группы видом оружия, наконечники стрел со стерженьком сближаются с таковыми хотя бы из Бешташенской крепости, а золотые и медные предметы связывают этот степанакертский курган с хаченагетским. Отлична лишь керамика, но она лучше известна по другому кургану, раскопанному Я. И. Гуммелем в Степанакерте в 1938 г.

Археологические исследования в Закавказье, направленные на изучение памятников медного века, четко обрисовывают культуру этого периода, своими корнями связанную с закавказскими неолитическими памятниками. Рассмотренные нами раскопки открыли древние поселения, уходящие в III тысячелетие до н. э. и принадлежавшие матриархально-родовым общинам, основой хозяйства которых было земледелие и скотоводство, возникшие в Закавказье еще в неолитический период и получившие здесь дальнейшее развитие. Ни земледелие ни скотоводство поселений энеолита Закавказья нельзя считать самыми начальными формами этих отраслей хозяйства. Правда, земледелие и по своей технике и по культурам злаков, связанных с дикими видами, было очень примитивным. Поля располагались около устья рек, неподалеку от поселения, а возможно, что частично они находились и на его территории и возделывались они примитивными земледельческими орудиями, деревянными или же имеющими каменные наконечники.

Скотоводство в энеолитический период получило интенсивное развитие, и оно имело большое значение для дальнейшего роста всей культуры Закавказья, так как увеличение стада в условиях этой эпохи легче могло дать прибавочный продукт, чем земледелие. Памятники энеолита дают нам возможность проследить не только численный рост скота в Закавказье, усиление его роли в хозяйстве, но и качественное изменение поголовья в сторону увеличения мелкого рогатого скота. Это изменение состава стада было, по-видимому, связано с изменением самой формы скотоводства, которое начало постепенно принимать полукочевой характер. Пастбища на территории поселения и поблизости от него не могли уже удовлетворять кормовой потребности, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от места жительства. Естественно, что эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота, а также с появлением собаки.

Энеолитическая культура Закавказья обрисовывает нам определенный и весьма важный этап развития человеческого общества, который отчетливо прослеживается по археологическому материалу и на смежных Кавказу территориях, в сходных, по своим общим чертам, памятниках материальной культуры. Памятники медного века Закавказья обнаруживают поразительное сходство с памятниками той же стадии развития общества на территории Передней Азии, но все же при всей близости они выявляют также и определенное своеобразие, что указывает на самостоятельность их развития. Месопотамия и южный Иран пережили медный век еще в конце IV тысячелетия до н. э., в Малой Азии (Анатолии), в северном Иране и южной Туркмении он датируется III тысячелетием до н. э., а в Закавказье второй половиной того же тысячелетия, т. е. тем временем, когда в Передней Азии

существовали уже крупные государства древневосточного типа. По времени к закавказскому медному веку близок медный век Балканского полуострова и северо-западного Причерноморья, территориально оторванный от Кавказа, что не позволяет одновременные и однотипные комплексы предметов этих культур ставить в генетическую зависимость. Энеолит относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство форм материальной культуры, иногда вплоть до мелких деталей. Позднее, в бронзовом веке, это сходство постепенно теряется и материальные памятники в отдельных районах получают крайнее своеобразие, во все же и там представляется возможным проследить общую тенденцию их развития, обусловленную закономерностью общественного развития.

Не все этапы начального периода освоения металла в Закавказье обоснованы археологическим материалом. Так, древнейший период металлургии, непосредственно связанный с медным веком, не может считаться еще достаточно выявленным. К нему относятся лишь случайно найденные медные предметы: массивные проушные топоры и листовидные наконечники копий со стержнем для насадки. Именно к этой группе предметов относятся опубликованные Б. А. Куфтиным находки при строительстве Закавказской гидроэлектростанции (около Тбилиси). Выделенная группа медных орудий является группой весьма специфических форм раннего этапа развития металлургии, имеющих свои соответствия как на Северном Кавказе (Майкопский курган и дольмены станицы Новосвободной на Кубани), так в Иране и Месопотамии (Тепе-Гиссар, Царские гробницы в Уре) и в Западной Европе (Кипр, Венгрия).

Более документированный материал, относящийся, однако, к самому концу медного века Закавказья, дали раскопки дольменов Абхазии (раскопки М. М. Ивашенко, Б. А. Куфтина и А. Л. Лукина 1930--1937 гг.). Дольмены Абхазии показали, что они служили для погребальных целей весьма длительный промежуток времени и содержат погребения различных эпох. Нижний слой, залегающий на дне дольменов и отделенный от более поздних стерильным слоем глины, датирует время сооружения этих памятников концом медного века. Из этого слоя происходят вислообушные топоры, пластинчатые ножи или наконечники копий и своеобразные крюки.

Дольмены Закавказья связаны с дольменами Северного Кавказа, известными как на побережье Черного моря, так и в бассейне р. Кубани, причем эта связь подкрепляется и обнаруженным в них материалом.

Дольмены, как могильное сооружение, на Кавказе не являются устойчивым видом памятников. Не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье культура медного века, одновременная дольменам восточного Причерноморья, связана с иными формами погребений. В этом отношении особенно характерен материал медного века. Так, встречены вислообушные топоры и пластинчатые ножи отмеченных выше форм, являющихся общими для "среднекубанской группы" Северного Кавказа и абхазских дольменов. Работы Б. А. Куфтина в Сачхери выявили чрезвычайную близость керамики из этого могильника с керамикой нижних слоев циклопических крепостей Триалети.

Топоры вислообушного типа встречаются на широкой территории и являются дальнейшим развитием проушного топора, в свою очередь связанного с формами каменных топоров, причем "отвисание" обуха у топора определялось удлинением рукоятки. Такие боевые топоры, являлись распространенным, оружием в Передней Азии еще с III тысячелетия до н. э.

В Закавказье большинство вислообушных топоров происходит из случайных находок, и не представляется возможным связать их с определенным материалом из древних поселений. Только в одном случае в кургане у сел. Адиаман (юго-западный берег оз. Севан) такой топор был найден в могиле, сложенной из громадных каменных глыб.

Очень возможно, что выделенные нами медные предметы будут характеризовать металлургию Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э.

Литература

1. **Байбуртян Е. А.** Орудия труда в древней Армении. (На арм. яз.). Вест. Инст. ист. и лит. Армении, № 1, 1938.
2. **Байбуртян Е. А.** Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1935-1937 гг. Вест. древн. ист., 1939, № 4, стр. 255.
3. **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, 1, 1941, стр. 106.
4. **Куфтин Б. А.** Урартский "колумбарий" у подошвы Арарата и Куро-аракский неолит. Вест. Гос. Музея Грузии, XIII-V, 1944, стр. 73.
5. **Пиотровский Б. Б.** Эпоха меди к бронзы в Закавказье. История СССР, 1, изд. ИИМК, Акад. Наук СССР, 1939, стр. 114.
6. **Пиотровский Б. Б.** Новая страница древнейшей истории Кавказа, Изв. Арм. фил. Акад. Наук СССР, 1, 1943, стр. 60.
7. **Соловьев Л. Н.** Энеолитическое селище у Очемчирского порта, в Абхазии. Мат. по ист. Абхазии, 1, Сухуми, 1939.

Лекция пятая. Культура раннего периода эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.)

В середине II тысячелетия до я. э. в Закавказье наблюдаются существенные изменения. На основе культуры медного века, как непосредственно из нее вытекающая, складывается культура раннего периода эпохи бронзы, свидетельствующая не только о крупных изменениях внутри общества Закавказья, не только о большом культурном прогрессе, но также и об установившихся прочных связях Закавказья с древневосточной культурой Передней Азии.

Наряду со значительным ростом скотоводства, наблюдается постепенная имущественная дифференциация племен; у отдельных, богатых скотом племен накапливаются богатства, становящиеся средством обмена, что приводит к укреплению связей со странами Передней Азии, Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая особое положение. Имущественное неравенство начинает оформляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности скоплялись в руках вождей племени и их рода, что четко отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений.

Непрерывная борьба за скот и пастбища, а также грабительские набеги приводят к усилению враждебных отношений между племенами, к постоянным военным столкновениям. В связи с этим поселения принимают вид укрепленных городищ со стенами, сложенными из громадных каменных глыбы, достигающих иногда двухметровой высоты. Таковы нижние ряды кладки стены крепости на мысу р. Занги, напротив Канакира (Кизил-кала, у Тазакенда), крепости, имеющей следы долговременной жизни от середины II тысячелетия до я. э. и до средневековья.

В 1896 г. П. В. Чарковским были произведены раскопки обширного курганного могильника этой крепости, продолженные через несколько лет Э. Реслером. Наиболее древней группой курганов этого могильника оказались невысокие каменные насыпи, перекрывающие не каменные ящики, как

курганы начала I тысячелетия до н. э., а могилы в виде ям прямоугольной формы. Курганы эти дали небольшой количественно материал, состоящий из расписных сосудов, одного сосуда в резным орнаментом и каменного грушевидного навершия булавы. Сосуды представляли собою кувшины с низким горлом и чашки, украшенные черной росписью по красному фону.

Роспись имела простой геометрический характер: прямые и волнистые линии, волюты, залитые краской треугольники.

Для определения времени погребений этого типа из могильника у крепости Кизил-кала важное значение имеет материал из раскопок 1935 г. крепости Муханнат-тапа, около вокзала г. Еревана. Там обломки расписных сосудов оказались в слое выше предметов медного века и ниже слоя урартского периода, вместе с обломками черных лощеных сосудов эларского типа. Таким образом, данные стратиграфии, установленные при раскопках Муханнат-тапа, свидетельствуют о том, что культура, характеризующаяся красной керамикой с черной росписью, следует за энеолитической культурой первой половины II тысячелетия до н. э. и предшествует урартскому периоду.

Расписные сосуды этого типа обнаружены во многих местах Армянской ССР. В 1893 г. Н. Я. Марр подобную керамику нашел в могильнике у сел. Кафтарлу (западный склон горы Арагац), известна она в районе Артика, в большом могильнике у Элара, где имеются энеолитические погребения, а также в Зангезуре. В Бакинском музее хранится крупный сосуд из могильника у сел. Нахаджир (Нахичеванская АССР) с изображением человека и животного, выполненным черной краской по красному фону.

Самым восточным местом находок этой керамики в настоящее время является могильник у сел. Зурнабад, где было случайно открыто погребение, в котором обнаружено четыре расписных сосуда, обломок наконечника стрелы из обсидиана и кусок медной спирали (кольца). Красные лощеные сосуды с черной росписью встречаются на широкой территории Закавказья, от р. Аракса на юге и до главного Кавказского хребта на севере. Замечательные образцы этой керамики происходят из богатых курганов, раскопанных Б. А. Куфтиным в Триалетском районе (Грузия). Эти курганы принадлежали вождям племени, жившего в бассейне р. Цалки и стоявшего, вероятно, во главе союза племен. Количество раскопанных курганов (12) говорит за то, что они охватывают промежуток времени около 200 лет; и действительно, погребальные памятники, по своему сооружению и по расписной керамике отчетливо делятся на две одновременные группы (ямные и безъямные). Предметы, добытые при раскопках, показывают нам чрезвычайно развитую местную культуру, связанную с древним Востоком, в частности, древнейшим Хеттским царством, что отчетливо видно по многообразным и многочисленным памятникам искусства.

Могилы, раскопанные Б. А. Куфтиным, хронологически следуют за курганами медного века, исследованными в том же районе. Эти могилы представляли собой курганы (иногда сооруженные из камней), перекрывающие громадную могильную яму, глубиной, в отдельных случаях, до 7-9 м, сплошь заваленную крупными валунами. Размеры этих сооружений свидетельствуют о большом количестве труда, затраченном на сооружение.

Курганы Триалети. донесли до нас облик древней культуры, полной своеобразия и небывалого до тех пор варварского великолепия. Их, безошибочно, следует признать погребениями вождей богатого скотоводческого племени, власть которого распространялась и за пределы Триалетского района. Покойник или же, вероятнее, прах покойника, подвергавшегося, подобно хеттским царям, кремации, помещался в центре большой погребальной камеры, иногда на массивной деревянной четырехколесной повозке, вокруг которой располагались туши крупного и мелкого скота, а также большое количество роскошных глиняных сосудов. В одном из курганов было обнаружено 24 сосуда красного и желтоватого цвета с черной и бурой росписью, а также черные сосуды с резным узором, заполненным красной краской. Оружие в это время уже изготовлялось из бронзы, а иногда и из

серебра (кинжалы). Наряду с металлическим оружием употреблялось и каменное, как, например, архаичной формы кремневые и обсидиановые наконечники стрел.

Особенно замечательны в триалетских курганах изделия из драгоценных металлов. Среди золотых и серебряных чаш и кубков выделяется массивный золотой кубок, украшенный вставными сердоликами и пастой, имитирующей бирюзу, а также тонкой филигранью, свидетельствующей о высокой ступени ювелирного искусства. Вместе с этим кубком в могиле находилось и серебряное ведерко с золотой ручкой, сплошь покрытое изображением животных среди деревьев (сцена охоты). Самым интересным предметом из находок в Триалетских курганах, несомненно, является серебряный кубок на невысокой ножке, покрытый чеканными изображениями. В нижнем поясе - вереница оленей, самцов и самок, в верхнем - процессия фигур, несущих в руках сосуды; фигуры эти со звероподобными головами и хвостами при человеческом туловище. Процессия направляется к фигуре подобного же облика, но сидящей на тропе перед священным деревом. Около главной фигуры - помещены два жертвенника и лежащие жертвенные животные. В изображениях на этом кубке влияние культур хеттского круга совершенно несомненно, что выражается хотя бы в деталях костюма и обуви с высоко загнутыми носками. Но было бы ошибкой связывать эти замечательные памятники непосредственно с культурой центра Хеттского царства; вероятно, будущие раскопки северо-восточной части Малой Азии откроют нам именно те памятники, с которыми триалетские окажутся реально связанными. Ведь эти области, называемые в хеттских документах середины II тысячелетия до н. э. "страной Хайаса", имели древнюю своеобразную культуру, которая после падения хеттского царства и во времена ассирийского и урартского владычества продолжала, по-видимому, жить в богатой стране, называвшейся ассирийцами "Даяени", а урартами "Диауехи". И если исследование древнейших связей триалетских памятников с древневосточной культурой Передней Азии затруднено отсутствием связующих элементов, нашей археологической неосведомленностью относительно промежуточных районов, то связь этих памятников с культурой Закавказья выступает в отчетливой форме при сопоставлении красной керамики с черной росписью из Триалети и из других районов Закавказья. Так, один расписной сосуд из упомянутого выше погребения в Зурнабаде, украшенный углами, заполненными волнистыми линиями, оканчивающимися кружками и стилизованными фигурками птиц, оказался совершенно аналогичным с одним из сосудов Триалетского кургана. Такое же близкое сходство выявляется и при сопоставлении тех же сосудов с расписной керамикой из Армении, и, в частности, из могильника у крепости Кизил-кала на Занте. Последнее сходство имеет чрезвычайно большое значение для понимания всей культуры рассматриваемого периода. В то время как курганные могильники, раскопанные Б. А. Куфтиным, представляются местом погребения вождей племен, курганы у крепости Кизил-кала и около Элара входили в рядовой могильник того же периода, содержащий погребения, которые по своему сооружению, так же как по количеству и качеству положенных в них предметов, не могут идти в сравнение с триалетскими курганами.

Но при всей скудости наших знаний относительно культуры Закавказья середины II тысячелетия до н. э. все же можно уверенно утверждать, что триалетские курганы не являются совершенно уникальными памятниками. Нет никаких оснований предполагать, что в Закавказье того периода существовал только один центр союза племен, да и кроме того, отдельные драгоценные предметы типа триалетских становятся известными и из других районов. Так, несколько лет тому назад, в Узунларе, при строительных работах были случайно обнаружены золотые и серебряные предметы, а также крупный бронзовый кинжал, несомненно принадлежащие к разбираемому кругу памятников.

В 1948 г. в Кировакане тиною было доследовано древнее погребение, открытое при строительных работах. Могила представляла собою большую яму площадью в 30 м² и глубиной более 3 м. Вся могила была уставлена глиняными сосудами, черными до блеска лощеными и красными с черной росписью, совершенно тождественными триалетским. Около сосудов обнаружена золотая чаша с изображениями трех пар львов, украшенная тонкой гравировкой, и четыре серебряных сосуда. В центре могилы, на деревянном катафалке, украшенном бронзовыми гвоздями, покрытыми листовым

серебром, был по-видимому высыпан прах покойника (пепел после кремации), там же найдено богатое ожерелье из сердоликовых и золотых бус. Особый интерес представляют бронзовые предметы вооружения, обнаруженные в Кироваканском кургане: топор-секира, плоский топор, три кинжала и наконечник копья. Наконечник копья оказался совершенно тождественным найденному в одном из триалетских курганов, что допускает возможность их отливки в одной и той же литейной форме.

Как уже показал Б. А. Куфтин, в Триалети красная лощеная керамика с черной росписью постепенно была вытеснена другой группой расписной керамики, а именно - желтоватой с бурой росписью. Такое же развитие расписной керамики наблюдается и в других районах Закавказья, причем одноцветная роспись заменяется, с течением времени, многоцветной.

Широкую в археологической литературе известность получила расписная керамика из Кизил-ванка, на Араксе, поступившая в 1895 г. в Археологическую комиссию от офицера пограничной стражи Н. В. Федорова. Эта керамика происходит из древнего могильника, около монастыря Кармир-ванк (станция Кизил-ванк). К сожалению, доставленная коллекция древностей была очень плохо документирована, что делало невозможным разделение материала по могильным комплексам, а уже с первого взгляда было совершенно очевидно, что коллекция содержит разновременный материал. Из вещей, доставленных Н. В. Федоровым, особое внимание привлекли сосуды, украшенные многоцветной росписью, найденные вместе с неорнаментированной керамикой красного и черного цвета. Расписные сосуды были покрыты светлым ангобом, по которому бурой и черной краской наводились узоры, преимущественно геометрического характера. Основными элементами орнамента являются заштрихованные или залитые краской треугольники, ромбы, полосы и др. На одном из сосудов имелось изображение двух человеческих фигур, а на другом птицы. Среди коллекции находились также сосуды иного типа, с одноцветной, довольно грубо выполненной росписью (изображение змеи). К древним погребениям, относящимся к II тысячелетию до н. э., из металлических предметов коллекции Н. В. Федорова следует отнести: четыре бронзовых (анализ подобных кинжалов показал 8,6% олова) кинжала архаичного типа с черенком для рукоятки, три бронзовых четырехгранных шила, бронзовые булавы и золотое колечко из тонкой проволоки. К этой же группе предметов относятся три грушевидных навершия булавы из камня и обсидиановые наконечники стрел с выемкой в нижней части. Из металлических предметов особый интерес представляет бронзовый кинжал с плоской рукояткой, снабженной по всему краю ободком для закрепления деревянной вставки. На Кавказе известно несколько экземпляров таких кинжалов, несомненно являвшихся предметом импорта. Рассматриваемый тип кинжала широко распространен во всей Передней Азии, от Средиземноморья и до Ирана, во второй половине II тысячелетия до н. э. В Луристане было найдено несколько кинжалов подобной формы с клинообразными надписями вавилонских царей XII в. до н. э.

В 1926 г. в Кизил-ванке работали две археологические экспедиции, одна под руководством И. И. Мещанинова, а другая А. А. Миллера. И. И. Мещаниновым были раскопаны каменные ящики, в которых покойники помещались лежащими на правом боку с подогнутыми ногами. В могилах, наряду с медными и бронзовыми предметами, находились черные лощеные сосуды и сосуды с росписью, причем последние отличались от основных многоцветных сосудов коллекции Н. В. Федорова, но были близки к сосуду со змеей. Эта расписная керамика отмечает уже упадок росписи, которая небрежно выполнена по шероховатой поверхности матовыми красками. Появляются уже новые формы-кувшины с ручками и ставшие весьма характерными сосуды в форме "чайников" с удлиненным носиком. Раскопки А. А. Миллера дали расписную керамику уже третьего типа, встреченную наряду с железными предметами. Роспись этих сосудов, уже начала I тысячелетия до н. э., существенно отличается от разобранных выше, тут налицо полная деградация расписной керамики, причем роспись часто принимает или вид крупного небрежного узора или же является неравномерной покраской сосуда.

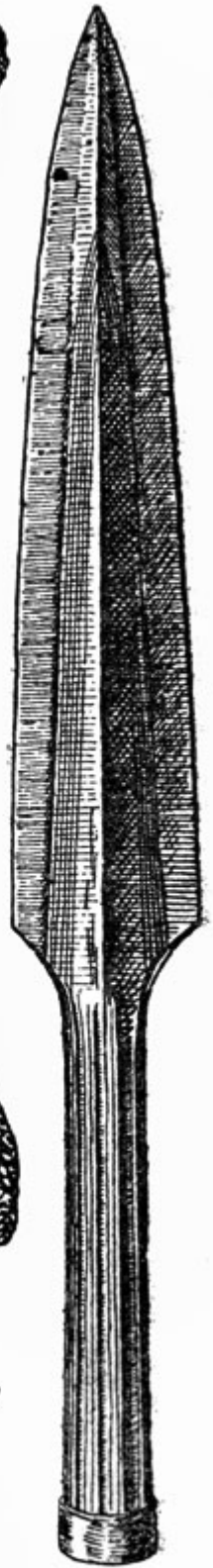
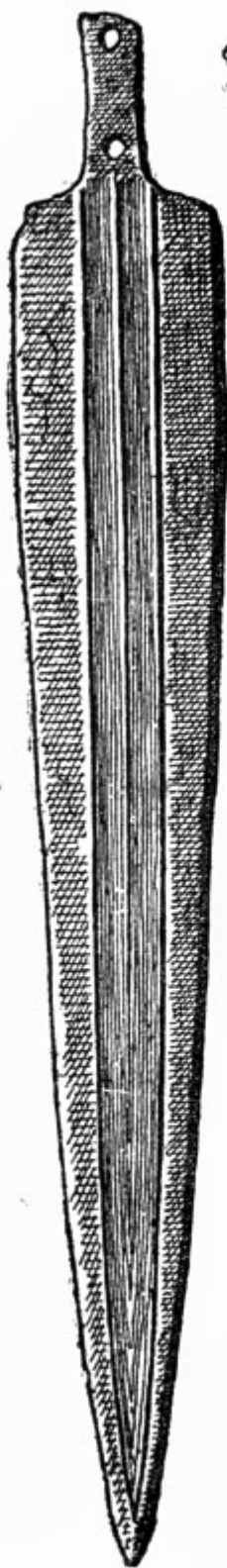

Табл. 3. Предметы из курганов середины II тысячелетия до н. э., раскопанных в Триалети, Грузинская ССР. Бронзовые кинжалы и наконечник копья; золотая чаша, украшенная сердоликом и имитацией бирюзы; две золотые булавки; золотая и серебряная чаши; агатовый кулон в золотой оправе; золотой завиток от украшения головного убора; навершие штандарта с изображением львов; два обсидиановых наконечника стрел, серебряный кубок с изображением сцены жертвоприношения; серебряное ведерко с изображением животных по П. А. Куфтину).

В вопросе датировки расписной керамики Закавказье долгое время существовали разноречивые мнения, обычно с тенденцией отнесения этой керамики к глубокой древности.

Ст. Пшеворский датировал расписную керамику Закавказья медным веком, различая в ней две стадии. К первой он относил одноцветную керамику, с черной росписью по красному фону типа триалетских и Тазакендского (Кизил-кала) могильников, датируя ее началом III тысячелетия до н. э. и связывая ее с керамикой из нижних слоев холма Анау, около Ашхабада, синхронных, по мнению Пшеворского, с концом древнейшего периода культуры Суз в Эламе (Сузы I). Ко второй стадии он относит многоцветные сосуды из Кизил-ванка, датируя их, примерно, 2200 г. до н. э., т. е. концом III тысячелетия до н. э.

Такое деление материала на две одновременные группы в основном правильно, но абсолютная датировка этих групп, предложенная Пшеворским, не может быть принята. Она основана на внешнем, формальном сходстве закавказской керамики с древнейшей переднеазиатской и на неправильном представлении о том, что сходные формы материальной культуры должны быть обязательно связанными генетически. Разбирая культуру медного века, мы уже видели, что одинаковая стадия развития человеческой культуры, в различное время, дает близкие по форме и одинаковые по своей функции предметы материальной культуры, отделенные друг от друга не только большими территориями, но и длительным временным промежутком, иногда около тысячелетия. При датировке расписной керамики Закавказья следует исходить не из установления связей этой группы памятников с отдаленным Эламом (Сузы I и II), а с культурой более близких, прилегающих к Закавказью, районов. При установлении времени первого типа расписной керамики большое значение имеет стратиграфическое ее залегание (Муханнат-тапа) и сходство ее с памятниками Северного Ирана II тысячелетия до н. э.

Связь расписной закавказской керамики второго типа с эламской керамикой (Сузы II) также лишена достаточной обоснованности, так как при этих сопоставлениях учитывается лишь многоцветность росписи и совершенно игнорируются как формы сосудов, так и мотивы росписей. Если мы обратимся к формам расписной керамики Кизил-ванка, то аналогии к ней мы найдем не в середине III тысячелетия до н. э., а во второй половине II тысячелетия до н. э. Особенно характерны в этом отношении сосуды в виде "чайников" с удлинненным носиком, ставшие одной из основных форм закавказской керамики. Археологический материал из Ирана (Луристан, Тепе-Гиссар III, могильник В у Тепе-Сиалк) и Туркмении (Анау III) показывает, что эта форма сосудов не уходит вглубь за пределы II тысячелетия до н. э., а относится преимущественно к середине и второй половине тысячелетия. Керамика же из могильника у Тепе-Сиалк, обнаруживающего сходство с Закавказьем и в части металлических изделий, датируется самым началом I тысячелетия до н. э. В приурмийском районе сосуды-"чайники" с удлинненным носиком встречаются в сочетании с расписной керамикой (Гек-тепе и Меджикли-тепе) также не старше конца II тысячелетия до н. э.

При вопросе датировки многоцветной закавказской расписной керамики нельзя упускать из виду и подобную керамику Хеттского царства и, особенно, урартскую керамику. При раскопках на Топрах-кале (Ван) был найден красный лощеный сосуд с резным орнаментом, имевший удлинненный носик, и расписной сосуд с изображением водяных птиц, последний по деталям росписи имеет ближайšie аналогии в расписном сосуде с изображением птиц, происходящим с территории Армении (Гос. исторический музей Армении), к которому по технике особенно близки сосуды-"чайники" с

удлиненными носиками, найденные в Эчмиадзинском районе (р. Абаран). К этой группе расписной керамики, возможно, следует отнести и венчик многоцветного расписного сосуда с носиком, из Армавира, сходного с таким же сосудом из Малаклинского зольника у Игдыра.

Урартская расписная керамика служила предметом специальных исследований в 1939 г., которые показали, что в Ванском районе расписная керамика, в основном предшествующая урартской керамике (черной и красной лощеной) все же продолжает с ней сосуществовать. Правильность предлагаемой нами датировки материала из Кизил-ванского могильника подтверждается также и металлическими предметами, в частности, кинжалом с ободком для закрепления деревянной вставки, на котором мы уже останавливались.

Таким образом, наиболее вероятной датой Кизил-ванского могильника (I и II) мне представляется вторая половина II тысячелетия до н. э. (XIV-XI вв.). В Закавказье, так же как в Иране, многоцветная светлофонная керамика оказывается последующей за краснофонной с черной росписью. По-видимому, это общий закон развития расписной керамики, проявляющийся в том или ином виде в совершенно не связанных между собою (кроме стадильной общности) культурах.

В Закавказье расписная керамика доживает и до римского времени, как это показывают кувшинные погребения восточного Закавказья, давшие расписные сосуды, и по характеру росписи и даже по форме близкие к древним.

Из древних памятников Закавказья к самому концу II тысячелетия до н. э. относится могильник у сел. Шахтахты (Нахичеванская АССР), содержащий каменные ящики, заключенные иногда в кромлехи. В одной из могил, среди 30 разнообразных сосудов, один оказался расписным с многоцветной росписью, содержавшей изображения животных и птиц, сильно стилизованных и размещенных в нескольких полосах. Большой интерес Шахтахтинского могильника заключается в том, что вместе с погребенным в могилу помещался и конь. Это обстоятельство сигнализирует существенные изменения в хозяйстве, а именно, усиление и развитие полукочевого скотоводства. Верховой конь служил целям постоянных связей летних пастбищ, кочевков, расположенных в горах, с основными поселениями. Развитие скотоводства влияло также и на окончательное оформление патриархальных отношений внутри общины. Женские культовые статуэтки, характерные для энеолита, вытесняются теперь мужскими, как то видно по обломкам расписных глиняных статуэток, найденных на поселении около Кизилванского могильника.

Значительно развилась и техника общества Закавказья, и в самом конце II тысячелетия культура южного Закавказья переходит на новую стадию, стадию развитого бронзового века. От этой именно стадии до нас дошло наибольшее количество археологических памятников первобытнообщинного периода истории Закавказья.

Литература

1. **Байбуртян Е. А.** Проблема крашеной керамики Армении. Вестн. Инст. ист. и лит. Арм. ССР, II, 1937, стр. 268 (на арм. яз.).
2. **Гуммель Я. И.** Крашеная керамика в долине Ганджа-чая. Изв. Азербайдж. фил. Акад. Наук СССР, 1939, № 5, стр. 37.
3. **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, I, 1941.
4. **Куфтин Б. А.** К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Кратк. сообщ. ИИМК, 1940, VIII, стр. 20.
5. **Мещанинов И. И.** Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорном Карабахе и Нахичеванском крае. Сообщ. Гос. Акад. ист. мат. культуры, I, 1926, стр. 236.
6. **Пиотровский Б. Б.** Новая страница древнейшей истории Кавказа (II тысячелетие до н. э.). Изв. Арм. фил. Акад. Наук СССР, 1943, 1, стр. 60.

Лекция шестая. Культура эпохи бронзы (X-VII вв. до н. э.)

Еще 20 лет тому назад древнейшими памятниками культуры в Закавказье признавались могильники "бронзового века". Этапы древнейшей истории Закавказья, рассмотренные в предшествующих лекциях, выявлены лишь работами советских археологов, и моим слушателям вероятно трудно себе представить, что когда я в 1930 г. окончил Университет и приступил к научной работе по археологии Кавказа, то никакого представления о неолите, медном веке и блестящей культуре раннего периода эпохи бронзы еще не было. Дата памятников типа Кизилванкского могильника, глубокая древность которых чувствовалась интуитивно, еще не была установлена.

В то время в науке господствовала теория, согласно которой металлургия была принесена на Кавказ миграционной волной с Востока в уже готовом виде, на переходной фазе от бронзовой металлургии к железной. Эта теория возникла на первых шагах археологического изучения Кавказа, была постулирована V Всероссийским археологическим съездом и продолжает жить еще до сего времени в иностранной археологической литературе.

В 1881 г., во времена V археологического съезда, действительно, особой славой пользовались богатые могильники бронзового века в Кобани (Осетия), около Мцхета (Грузия) и Редкий лагерь (Армения), которые признавались за самые ранние памятники кавказской археологии, что и предопределяло поиски тех "прародин", где якобы создавалась культура, принесенная на Кавказ. Эта теория вполне соответствовала методологическим установкам исторической науки конца XIX в., переоценивавшей значение миграций в процессе развития человеческой культуры.

Р. Вирхов и Э. Шантр, деятельные участники V археологического съезда, считали, что металлургия была принесена на Кавказ из Центральной Азии. Необоснованность этого положения совершенно ясна: Центральная Азия в 80-х годах XIX в. не была еще затронута археологическими исследованиями, и получалось, что одно неизвестное объяснялось при помощи другого неизвестного.

Ж. де-Морган в 1889 г., разделяя широко укоренившееся мнение, допускал для Старого Света только один центр металлургии, а именно Южный Китай, и полагал, что именно оттуда, через Центральную Азию, металлургия проникла на Кавказ. Г. Мортилье считал более вероятным очагом первой обработки металла Индию, а Монтелиус - юго-западную Азию. В 1922 г. Морган, под влиянием своих работ в Иране, изменил старую точку зрения и очаг металлургии, распространившийся позднее в Закавказье, перенес в Переднюю Азию, к северу от Элама.

Все отмеченные теории имели общие корни, зарождение культуры они видели на Востоке, и это положение приводило даже к тому, что египетская культура признавалась принесенной в Африку одной из миграционных волн.

В конце XIX в. М. Гернесом была отмечена близость металлических изделий Кавказа с таковыми же из Западной Европы, что определило иной ход миграционных исканий, опять-таки стоявший в тесной связи с общими методологическими установками исторической науки того времени, в частности, с установками индо-германского направления. Представитель венской этнологической школы Г. Вильке, считая дунайскую металлургию более древней, чем кавказскую, миграционную волну направил с Запада. Он полагал, что металлургия бронзы была принесена на Кавказ арийцами,

продвигавшимися из придунайских стран по северному побережью Черного моря или же по черноморскому побережью Малой Азии. Некоторые ученые, немцы по происхождению, зашли еще дальше и объявили осетин, в стране которых обнаружена древнейшая из им известных культур на Кавказе - кобанская культура, народом германского происхождения. Археология явно отставала от исторической науки и этнографии, в которых уже признавалось исследование стадильности. Археологи совершенно не ставили даже вопроса о том, что одинаковые этапы развития человеческой культуры могут создать одинаковые формы предметов материальной культуры. Все приведенные выше теории выявляют недостаточное знание археологического материала и основываются на предвзятых взглядах и на чрезвычайно общих, формально-типологических сопоставлениях. Неубедительность и вздорность их в настоящее время настолько ясна, что нам трудно поверить в серьезное к ним отношение. Когда были подведены итоги археологическим исследованиям Кавказа, открывшим новые памятники, значительно более раннего периода, чем знаменитые высококачественные бронзовые изделия из могильников "эпохи бронзы", когда на их основании был установлен древний, самостоятельный процесс развития металлургии на Кавказе,- все миграционные теории лишились даже внешних, призрачных оснований и рухнули.

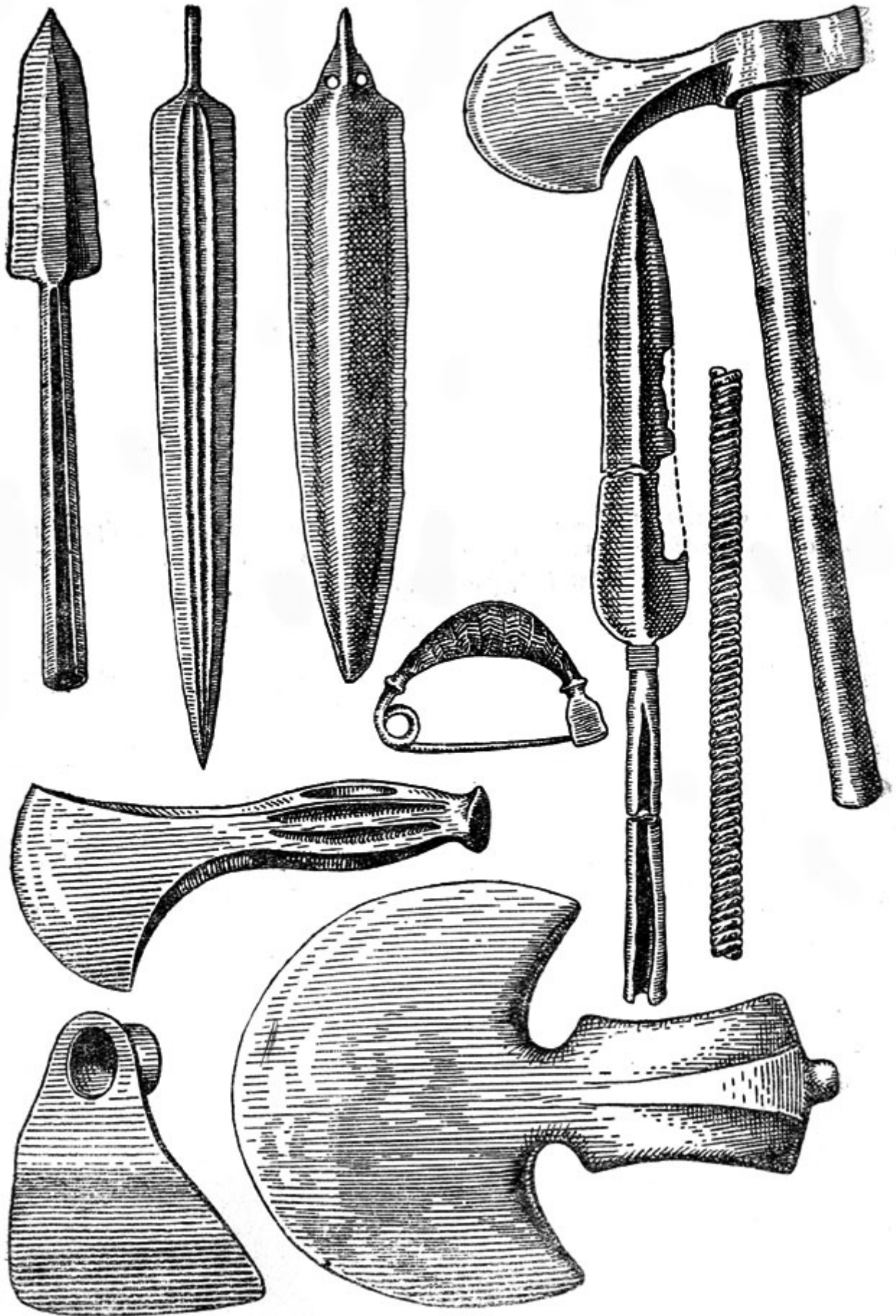

Табл. 4. Бронзовые предметы из западного Закавказья. Наконечники копий, кинжалы и топор с рукояткой из Абхазии (по М. М. Иващенко и А. Л. Лукину); фибула, спиральная трубка и мотыжка из клада около сел. Дживари на Ингуре (по А. А. Иессену); топор и топор-секира из клада у крепости Мехчис-цихе (Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР).

Археологические работы последнего десятилетия в Закавказье, посвященные памятникам позднего неолита и медного века, открыли недостававшее начальное звено общей цепи развития кавказской металлургии, которое рассматривается нами как закономерный процесс, стоящий в связи с общим развитием культуры и имеющий свои характерные черты в отдельных меднорудных районах Закавказья.

В человеческом обществе на территории Закавказья на рубеже II и I тысячелетия произошли существенные изменения по сравнению с предшествующим временем. Быстро развивавшиеся скотоводство и земледелие. Отделились друг от друга. Некоторые племена стали заниматься преимущественно скотоводством, в то время как у других преобладало еще земледелие. Скотоводческие племена, использовавшие высокогорные пастбища, были богаче, и они становились во главу союзов племен, усиливая это крупное общественное разделение труда.

Особое развитие получили также ремесла: изготовление металлических предметов (орудий и оружия), гончарное дело, ткачество, обработка дерева и др. Ремесла, требующие специальных навыков, постепенно отделялись от хозяйства племени, и вследствие этого произошло еще второе разделение труда - выделение ремесла.

Металлургия этого этапа развития общества была тесно связана с сырьевой базой, рудными месторождениями в горных районах, и поэтому бурный расцвет ремесленной обработки металла был связан со скотоводческими племенами. Древние могильники начала I тысячелетия, открытые в горах, показывают высокое развитие металлургии, и исключительное качество металлических изделий привлекло особое внимание археологов к этим памятникам. Богатые меднорудные районы Закавказья (Аджарский, Аллавердский, Белокано-Кахетинский, Дилижанский, Кедабекский, Нагорно-Карабахский и Зангезурский) имели исключительное значение для развития культуры Закавказья. Металлургия Кавказа, неразрывно связанная с переднеазиатской, все же в истории древнего Востока была периферийной и в значительной мере самостоятельной. Кавказ был обеспечен не только медной рудой, но и необходимыми приплавками к меди - оловом и сурьмой. И если сурьма находилась в пределах самого Кавказа и являлась древнейшим приплавом к меди, то олово могло доставляться из самых ближних, соседних с Закавказьем областей.

На основании археологических исследований выявляется несколько районов закавказской (металлургии, характеризующихся определенными формами бронзовых изделий. Такими основными районами закавказской металлургии были:

1. западная Грузия
2. центральная и восточная Грузия
3. центральное Закавказье (Армения)
4. западный Азербайджан
5. междуречье Куры и Аракса.

Несколько особняком стоят районы Талыша и Зангезура.

Первый из указанных районов охватывает значительную территорию юго-восточного побережья Черного моря, Западную Грузию и Северную Осетию. Эта группа памятников характеризуется бронзовыми изделиями, аналогичными материалу из Кобанского могильника, являвшегося одним из

самых северо-восточных могильников, представляющих культуру, с древнейших времен связывавшую Закавказье с Северным Кавказом. На юге эта культура охватывает также некоторые районы Турции, в частности Лазистан.

Второй район археологических памятников соответствует центральной Грузии и характеризуется материалом из Самтаврского могильника, который по праву может считаться наиболее изученным памятником древней культуры Закавказья. Некоторые своеобразные формы дают бронзовые предметы из Кахетии, но этот район еще недостаточно изучен для того, чтобы его выделять особо, что вероятно потребуется в ходе дальнейших исследований.

Третий район закавказской металлургии, связанный с Аллавердскими меднорудными месторождениями, хорошо представлен могильными памятниками, расположенными по рекам Дебед и Памбак. Большой археологический материал дали раскопки Ворнакского (Акнерского) могильника, могильников у холма Такаворанист, около Кировакана и на склонах горы Арагац.

Бронзовые изделия этого района близки к тем, которые известны из центральной Грузии, с той только разницей, что предметы кобанского типа встречаются здесь крайне редко, гораздо реже, чем восточногрузинские, что подчеркивает большую обособленность этого района. Древности побережья оз. Севан занимают промежуточное положение между комплексами предметов центрального и восточного Закавказья.

Четвертый район древней закавказской металлургии, связанный с медными рудами Кедабека, также имеет много черт, связывающих его с центральным и восточным Закавказьем. Древности этой группы представлены раскопками могильников и обследованием циклопических крепостей.

Наконец, пятый из отмеченных районов, междуречье Куры и Аракса, включает две группы хорошо изученных памятников Кировабадского района (бассейн р. Гянджи) и Нагорного Карабаха, богатого медными рудами.

Памятники Нагорного Карабаха, особенно Арчадзорский и Ходжалинский могильники, отражают реальные связи с древним Востоком, осуществлявшиеся, по-видимому, через те области Закавказья (в частности, через Севанский район), которые входили в состав Ванского царства.

Археологическое изучение памятников эпохи бронзы в Закавказье, краткого, но блестящего периода древнейшей истории Кавказа, охватившего первые четыре века 1 тысячелетия до н. э., освещает один из важнейших этапов первобытнообщинного строя Кавказа.

Это был период интенсивного развития территориально ограниченных культур горных племен, связанного с использованием рудных богатств и горных пастбищ. Скотоводство, широко использовавшее естественные условия страны, переживало значительный подъем, и освоение летних высокогорных пастбищ, иногда выше 2 км над ур. м., достигло в эпоху бронзы своих пределов.

Рост скотоводства содействовал также окончательному установлению патриархальных отношений в обществе Закавказья, основной ячейкой которого становится патриархальная семья.

Ввиду того, что закавказские поселения эпохи бронзы изучены еще далеко недостаточно, археологи принуждены для исследования общественных отношений пользоваться материалом из могильников.

Могильники эпохи бронзы представляют громадное разнообразие по своим формам, что лишний раз подчеркивает территориальную ограниченность и обособленность племен. Погребение производилось или в грунтовых ямах или в каменных ящиках, иногда в склепах, без курганной насыпи или же с насыпью, которая, в свою очередь, бывает чрезвычайно различной. В этот период

преобладают одиночные погребения, хотя встречаются и коллективные. В некоторых могилах встречаются по два скелета - мужской и женский, где основным, по-видимому, является захоронение мужчин. Одиночные женские погребения обычно беднее мужских и не имеют больших курганных насыпей. В могилу вместе с погребенными клались различные предметы: глиняная посуда с пищей, бронзовое оружие, украшения, которые, по религиозным верованиям того времени, нужны были погребенному и после смерти. Этот обычай класть в могилы вещи умершего очень помогает в настоящее время археологам при изучении древнего человеческого общества.

Могильники эпохи бронзы четко выявляют также имущественное неравенство не только отдельных семей или родов, но также и целых племен. Существуют отдельные могильники, отличающиеся относительным богатством. Такими могильниками представляются, например, курганные поля Нагорного Карабаха, где обнаружено большое количество золотых изделий, редко встречающихся в Закавказье. Возможно, эти племена вели систематический обмен с урартами или же с племенами, жившими к югу от Аракса. За большинством золотых изделий, там обнаруженных, следует признать переднеазиатское происхождение (золотая цилиндрическая печать с изображением животных, украшение в виде головки льва, бусы), что подтверждается также находкой в Ходжалинском могильнике агатовой (сардониксовой) пронизки в виде бутона цветка с клинообразной надписью, содержащей имя ассирийского царя Ададнирари.

В обстановке разложения доклассового общества обмен часто заменялся насильственным захватом и грабеж становился своеобразной формой "производства". В первую голову насильственному захвату подвергался именно скот, а также пастбища. За скот и пастбища между отдельными племенами происходила непрерывавшаяся борьба. Эта постоянная военная обстановка иллюстрируется большим количеством оружия, найденного в закавказских могильниках начала I тысячелетия до н. э. В мужских могилах предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, булавы и др.) встречаются обычно, и количество таких предметов может считаться показателем общественного положения погребенного.

В некоторых районах Закавказья (Арагац, Севанский район, западный Азербайджан и Триалети) поселения того времени приняли вид крепостей, называемых, вследствие мощности их кладки "циклопическими". Нижние части их стен сложены из громадных грубо обработанных каменных глыб, верхние же части, обычно не сохранившиеся, представляли кладку из сырцового кирпича. Этим именно объясняется небольшая высота (от 2 до 4 м) и ровный верхний край каменной стены. Для закладки крепости, обычно, выбирался высокий холм, господствующий над окружающей местностью, но связанный для целей водоснабжения, седловиной с окрестными возвышенностями, имеющими родники, горные речки или ручьи. Крепости раннего типа имеют только одну цитадель (возвышенность, огражденную циклопической стеной), за пределами которой располагалось селение. Таким образом, цитадель служила местом убежища населения и скота при приближении врагов. В более поздних крепостях стеной обносится уже все поселение целиком, и цитадель оказывается заключенной в общую ограду, а с течением времени она становится местом жительства выделившейся верхушки общества.

Археологические карты отдельных районов Закавказья показывают, что распространение циклопических крепостей не совпадает с распространением курганных могильников.

В Шамхорском районе, где встречено особенно большое количество крепостей, курганы имеются в незначительном количестве, в то время как в Кировабадском районе и Нагорном Карабахе, где курганные могильники обычны, циклопические крепости не встречаются вовсе. В севанском же районе, имеющем характер промежуточного, наличны и крепости и курганы.

Это обстоятельство нельзя, по-видимому, объяснить лишь естественными условиями - наличием строительного материала-оно, по-видимому, свидетельствует о племенном различии населения этих районов.

Для района центрального Закавказья характерны циклопические крепости; в междуречье Куры и Аракса встречены в большом количестве курганы; Севанский район содержит памятники обоого рода; но стоит лишь через Селимский перевал спуститься на юг, в Даралагез, как мы не встретим больше ни циклопических крепостей ни курганов. Однако далее к югу, в Нахичеванской АССР опять имеются циклопические сооружения, иногда очень внушительные по своим размерам (Оглан-кала, Гяур-кала и др.).

Частые военные столкновения, характерные для стадии развития человеческого общества в бронзовом веке, что подтверждают и циклопические крепости, являвшиеся в некоторых районах Закавказья основным видом поселения, - доставляли большое количество пленных, многие из которых становились рабами.

В курганах, главным образом восточного Закавказья, неоднократно встречались захоронения рабов или пленных в могиле вождя племени.

На юго-западном побережье оз. Севан, около сел. Адиаман раскопан курган, содержащий склеп. В склепе была помещена запряженная быками деревянная повозка, на ней покоился погребенный, для которого, и была предназначена могила. Вокруг повозки в полном беспорядке лежали 13 человеческих скелетов, принадлежавших, по-видимому, военнопленным или рабам, убитым при погребении вождя. Около быков обнаружен лежащий ничком скелет человека-погонщика, также убитого при погребении.

Помещение убитых военнопленных и рабов в могилу вождя обнаружено и в курганах Нагорного Карабаха.

В 1897 г. у сел. Ахмахи раскопаны курганы, в могилах которых основной погребенный был положен в вытянутом положении на спине, а сопровождающие его - в сидячем. Так, в кургане № 3 находилось восемь скелетов в сидячем положении, в кургане № 1 - три, а в кургане № 2 - два. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что скелеты всех этих сопровождающих и по антропологическим признакам существенно отличались от "хозяев" могил.

Такие примеры в археологии восточного Закавказья не единичны. Они ставят не только весьма важный для истории древнейшего Закавказья вопрос о рабском труде, но также и об источнике этой рабочей силы. Не исключена возможность, что рабами становились пленные, захваченные в районах к югу от Закавказья. Но не всегда "хозяев" могилы сопровождали преданные смерти рабы, в некоторых случаях это были дружинники, сопутствовавшие умершему вождю племени. Так, например, в большой могиле Арчадзорского кургана № 1, кроме погребения костяка в вытянутом положении, окруженного большим количеством предметов, находились три других костяка в скорченном (или же сидячем?) положении. Они имели бронзовые шлемы, оружие, бронзовые вилы и конские удила. Такие предметы вряд ли могли быть положены с рабами.

В обществе первой четверти 1 тысячелетия до н. э. наблюдается, таким образом, интенсивный процесс разложения первобытнообщинного строя, в нем уже отчетливо заметна нарождающаяся классовая дифференциация, усилившаяся после того, как области южного Закавказья вошли в состав государства Урарту.

Литература

1. **Иессен А. А.** Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. III Межд. конгр. по иранск. искусству и археологии, 1935, Изд., Акад. Наук СССР, 1939, стр. 91-103.
2. **Иессен А. А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 7-237.
3. **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, I, 1941.
4. **Мещанинов И. И.** Циклопические сооружения Закавказья. Изв. ГАИМК, XIII, вып. 4-7, 1932.
5. **Пиотровский Б. Б.** Эпоха меди и бронзы в Закавказье. История СССР, ч. I, Изд. Акад. Наук СССР, 1939 (на правах рукописи).

Лекции седьмая и восьмая. Памятники культуры эпохи бронзы

Среди памятников древности, которыми так богато Закавказье, широкой популярностью пользуются древние могильники первой половины I тысячелетия до н. э., раскопки которых дали громадное количество высококачественных бронзовых предметов, обогативших центральные и местные музеи. В 90-х годах прошлого века, на ежегодных выставках Археологической комиссии вызывали особый интерес коллекции древностей из закавказских раскопок, и они, как наиболее заслуживавшие внимания, обычно поступали в Эрмитаж и Исторический музей.

Вследствие того, что при "удачных" раскопках древних могильников можно было без большой затраты труда получить интересные и хорошо сохранившиеся бронзовые предметы древнего искусства, - раскопки могильников бронзового века и стали основным видом деятельности археологов Кавказа. Лишь сравнительно в недавнее время, когда археология Закавказья постепенно утратила прежние и весьма характерные черты кладоискательства, в круг работ археологов вошли места древних поселений, изучение которых раскрывает различные стороны жизни древнейшего населения Закавказья; но все же коллекции древностей из могильников, количественно значительно превышающие материалы из древних поселений, остаются до сего времени основным источником изучения древнейшей культуры Закавказья.

В предыдущей лекции отмечена неравномерность археологического изучения отдельных районов Закавказья, что значительно затрудняет выявление общей картины взаимосвязанного развития культуры древних племен, населявших Закавказье. Было указано также, что археологические работы позволили нам выделить пять основных районов Закавказья, связанных с рудными месторождениями и характеризующихся определенными формами бронзовых изделий. В действительности число таких районов, имеющих некоторое своеобразие культуры, соответствующее определенным племенным объединениям древнейшего Закавказья, значительно больше, и дальнейшие археологические исследования, несомненно, дадут нам возможность углубленной детализации наших знаний относительно культуры эпохи бронзы в Закавказье.

Особое своеобразие представляет археологический материал эпохи бронзы западного Закавказья, ставший известным около 20 лет тому назад (работы В. И. Стражева, М. М. Ивашенко, А. Л. Лукина). Одинаковые формы бронзовых изделий, характеризующих эту культуру, называемую "колхидской", соответственно племенам колхов, упоминаемым античными источниками, встречаются по всему черноморскому побережью Закавказья и на территории Западной Грузии (Абхазия, Мегрелия, Гурия, Аджария, Имеретия, Лечхуми и Рача). На юге эта культура распространяется за пределы СССР в Лазистан, а на севере захватывает район северной Осетии, где в 1869 г. и был открыт знаменитый могильник в сел. Кобан, указывающий на развитие культуры эпохи бронзы этого района в теснейшей связи с Закавказьем. На взаимосвязанность древних культур западных частей северного Кавказа и

Закавказья указывают также и материалы более ранней поры, как, например, предметы из раскопок могильника в Сачхери, обнаруживающие близкое сходство с северокавказскими, причем некоторые находки позволяют нам установить и места древних перевалов. Так, в верхней Раче, у сел. Геби, Г. Гобеджишвили раскопал могильник развитой эпохи бронзы, в котором были найдены древне-египетские навкратийские скарабеи, подобные обнаруженным В. Ф. Миллером по другую сторону Кавказского хребта, в верховьях рек Чегема и Баксана. Находки таких предметов далекого междуобщинного обмена являются хорошими показателями путей, связывающих отдельные районы Кавказа.

В Абхазии могильники бронзового века известны по случайным находкам, доследованным археологами. Первая из таких находок имела место в сел. Приморском (Петропавловке) Гудаутского района. Там было обнаружено погребение в крупном глиняном сосуде с бронзовыми предметами, весьма схожими с найденными в Кобанском могильнике (топор, фибулы, украшения в виде спиралей и др.). В 1930 г. подобные захоронения в крупных сосудах были случайно открыты в сел. Эшери около Сухуми. Сосуды, высотой около метра, украшенные грубым рубчатым узором, образующим рисунок в виде треугольников, были установлены на плоских известняковых плитах. В них, кроме человеческих костей, находилось большое количество бронзовых предметов и сердоликовые бусы. Из числа древних изделий особый интерес представляют топор кобанского типа с металлической рукояткой длиной в 29 см, кинжалы с черенками для прикрепления рукояток, наконечники копий с короткой листовидной частью и длинными втулками, браслеты и различные украшения, в частности биконические бусы. Большинство из обнаруженных в Эшерском могильнике бронзовых предметов имеет близкое сходство с предметами из Кобани.

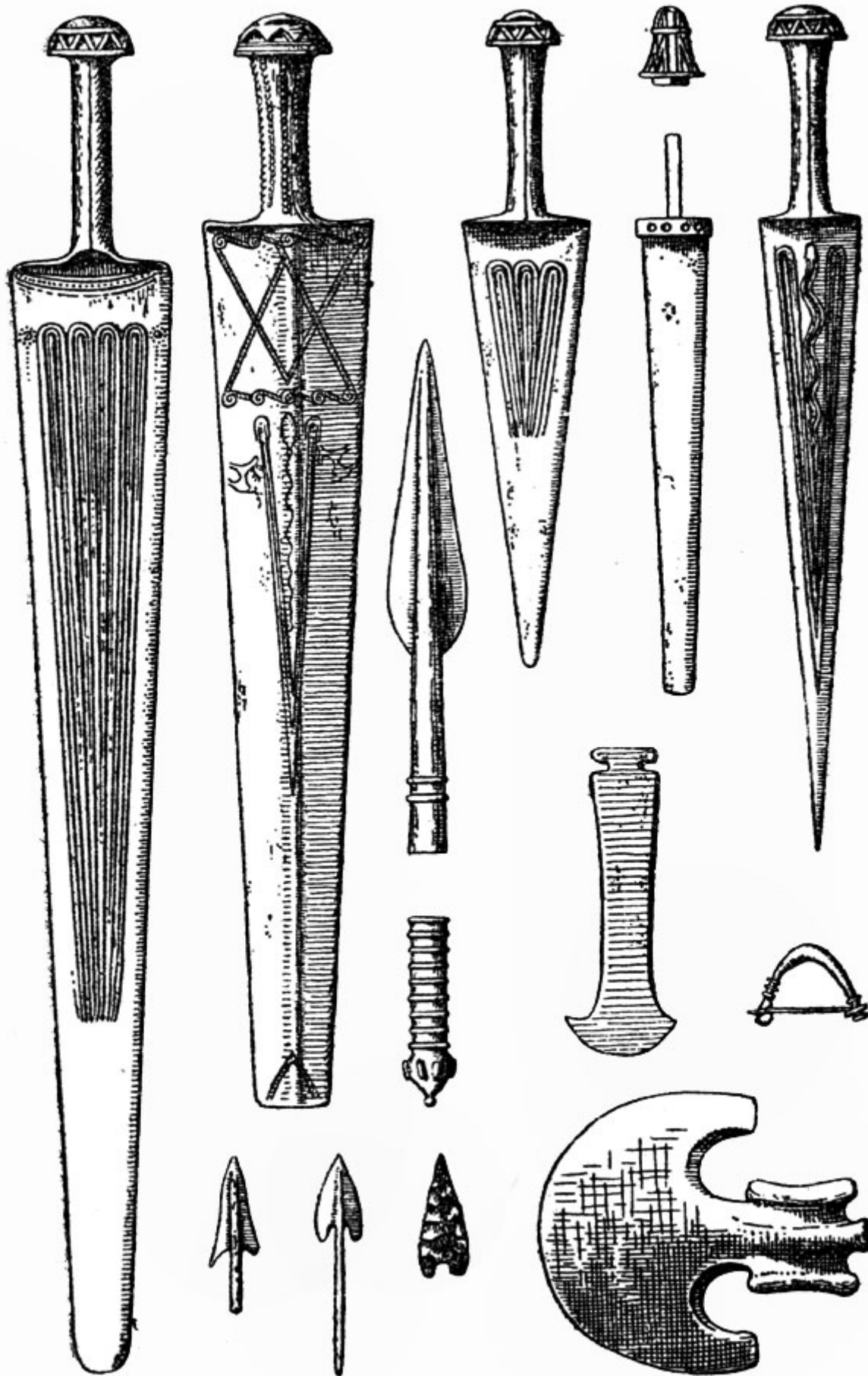

Табл. 7. Предметы из могильников бронзового века, раскопанные в Закавказье. Бронзовые мечи, кинжалы, наконечники, копья и украшения нижней части древка копья, фибула, плоский топор, топор-секира, наконечники стрел, обсидиановый наконечник стрелы (Государственный Эрмитаж).

Захоронения в глиняных сосудах не были единственным видом погребений бронзового века в Абхазии. В 1929 г. в пос. Аагста (сел. Мугудзырха) при земляных работах было открыто древнее грунтовое погребение, давшее несколько бронзовых топоров кобанского типа, массивные бронзовые кольца, конические украшения с фигурками животных, биконические бронзовые бусы и бусы из сердолика.

При обследовании абхазских дольменов выяснилось также и то обстоятельство, что в течение чрезвычайно длительного времени они использовались как погребальные сооружения и содержали погребения, по своему инвентарю близкие к вышеотмеченным. Интересный материал, связывающий культуру бронзы Западной Грузии с северокавказской и юго-восточной частью Причерноморья (находка в Орду), дают также клады бронзовых изделий, находимые обычно в металлических или глиняных сосудах. В качестве примера таких находок можно привести клад, найденный в 1903 г. около сел. Джвари (на р. Ингур). В него входили следующие бронзовые предметы: топор и крупная фибула с массивной дужкой, тождественные кобанским изделиям, гривна, браслет, спиральная трубка и характерная для западной Грузии мотыжка подтреугольной формы с круглым отверстием для рукоятки. В 1896 г. при распашке участка у развалин крепости Мехчис-цихе (сел. Мерс, Карсской области) был обнаружен клад, в котором кроме бронзовых топоров кобанского типа находились также топоры-секиры, характерные для культуры эпохи бронзы центрального Закавказья.

Состояние археологического изучения эпохи бронзы Западного Закавказья не позволяет точно датировать открытые там памятники, которые, по-видимому, доживают, сохраняя старую традицию, до середины и начала второй половины I тысячелетия до н. э. (например, богатое погребение, открытое на Бамборской поляне, в котором оказалось дно греческого чернолакового сосуда IV в. до н. э.).

Основным памятником эпохи бронзы в центральной Грузии является древний могильник у монастыря Самтавро, около Мцхета, тот самый могильник, с раскопок которого в 1871 г., собственно говоря, и началась археологическая работа в Закавказье. Еще Ф. Байерн раскопал в Самтавро до 600 разновременных погребений, давших большой материал, характеризующий культуру эпохи бронзы и раннего железа. В последующее время самтаврский могильник стал местом случайных небольших раскопок многих археологов и за ним упрочилась слава знаменитого памятника "кавказской доисторической археологии". В 1938 г. началось систематическое и планомерное изучение могильника, которое продолжается и донныне как работа одного из отрядов Мцхетской археологической экспедиции Академии наук Грузинской ССР (руководитель А. Н. Каландадзе). За семь лет работ экспедиции вскрыта значительная площадь самтаврского могильника, более чем 1.5 га, на которой обнаружено свыше 1800 древних разновременных погребений, относящихся к большому промежутку времени, от конца II тысячелетия до н. э. и до IV в. н. э., т. е. до средневековья. Такое длительное существование могильника позволяет нам с большой четкостью проследить хронологическое соотношение различных типов погребений, встречающихся и в других местностях Закавказья.

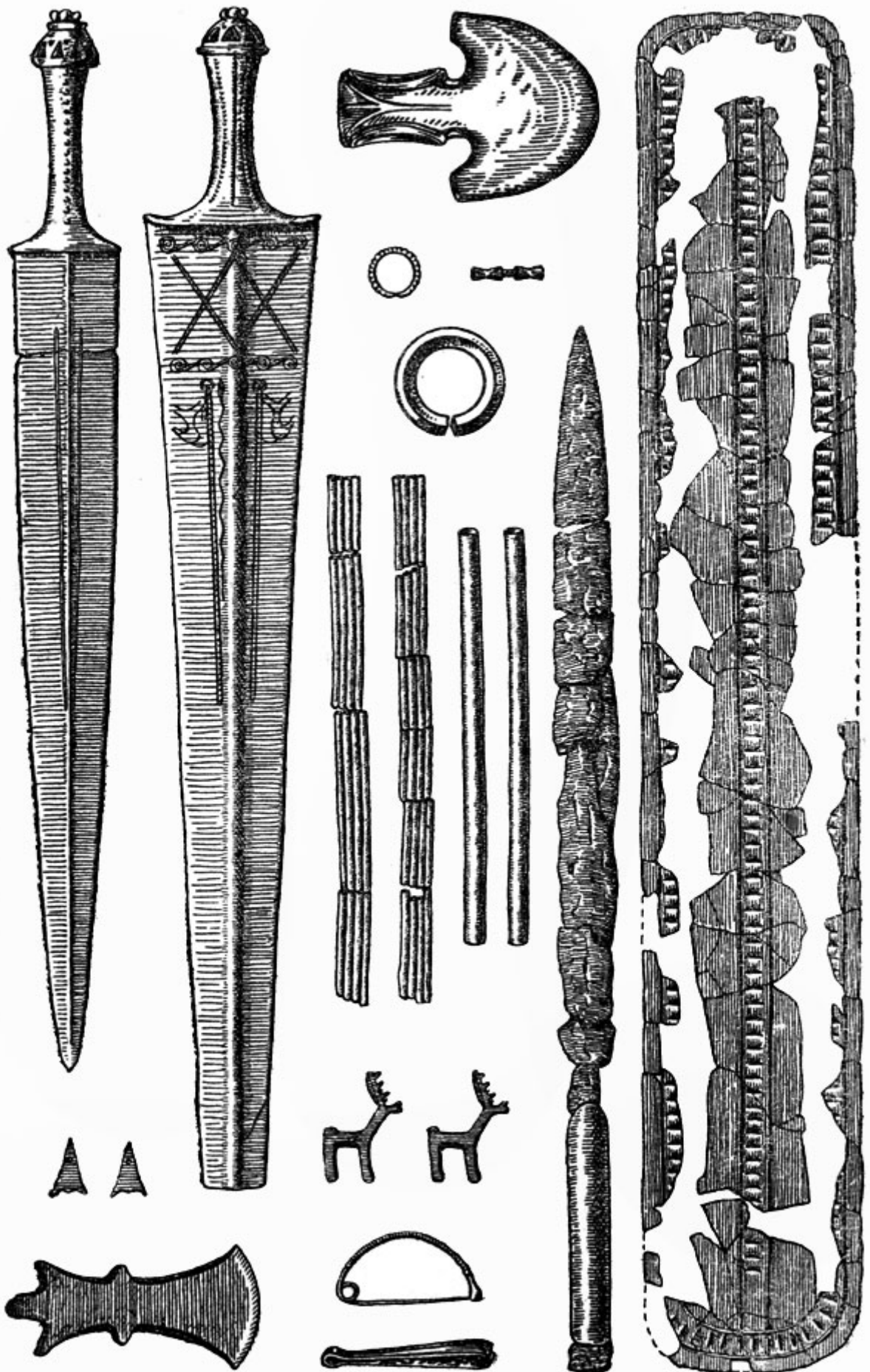

Табл. 5. Бронзовые предметы и железный наконечник копья с бронзовой обоймой из раскопок Самтаврского могильника в Грузинской ССР (могила 591, раскопки Ф. Бакерна).

В числе погребений эпохи бронзы в Самтавро встречаются отдельные погребения с большим количеством глиняных сосудов и бронзовых предметов, среди которых наряду с характерными для центрального Закавказья формами оружия (топоры-секиры) встречаются также отдельные бронзовые изделия западнокавказского (колхидского или кобанского) типа (топоры, кинжалы, плоские поясные пряжки и др.). В могилах, датируемых VIII-VII вв. до н. э., наряду с бронзовыми предметами, встречаются уже и отдельные железные, а именно наконечники копий и ножи. Характерным набором металлических изделий центральнозакавказского типа являются предметы одной из могил (№591), раскопанной Ф. Байерном, хранящиеся в Музее Грузии. В этой могиле было найдено два бронзовых меча, один массивный с тупым (вернее, обрубленным) концом, украшенный гравированными изображениями на лезвии, а другой, меньший по размеру, с острым концом. Первый тип меча, являвшийся рубящим оружием, весьма характерен для центрального Закавказья. В большом количестве мечи с обрубленным концом встречаются в Кахетии, именно, в междуречье Иоры и Алазани, отдельные экземпляры имеются в северной Армении (Ворнак, Узунлар). Другими характерными бронзовыми предметами являются массивный топор-секира и плоский тесловидный топорик, который иногда считается резаком для кожи. Кроме того, в могиле были обнаружены бронзовый пояс с простым выдавленным узором, плоские наконечники стрел, фибулы, подвески в форме оленей и другие мелкие бронзовые предметы. Из железных предметов в могиле № 591 найден очень крупный наконечник копья с бронзовой обоймой на втулке.

Обработка всего громадного материала, добытого раскопками в Самтавро, представляет совершенно исключительный интерес, так как она дает опорный материал при датировке других памятников древней культуры Закавказья. Именно с учетом данных самтаврских раскопок Б. А. Куфтин установил периодизацию могильников, исследованных им в Триалети (1937-1940 гг.). Могилы, одновременные к приведенному выше погребению из Самтавро, Б. А. Куфтин относит к поздне-бронзовой эпохе, ко второй ее стадии, представленной могильником у сел. Бешташени (у дороги в Сафар-хараба, на правом берегу р. Геряк, напротив древней крепости). Этот могильник состоял из групповых погребений и несколько более поздних по времени каменных ящиков. В групповых погребениях обнаружено большое количество бронзовых орудий и глиняных изделий, среди которых имеются также конические кубки на ножке, украшенные резным орнаментом, известные и в Самтавро. Из бронзовых предметов, найденных в Бешташенском могильнике, следует отметить топор и бронзовую пряжку, украшенную головой барана (оба предмета кобанского типа), кинжалы, наконечники копий, серпы, удила с роговыми псалиями, пластинчатые пояса. Особого внимания заслуживает бронзовый конический шлем, редко встречающийся в могильниках центрального Закавказья. В Бешташенском могильнике был найден также один железный кинжал, указывающий на то, что этот могильник следует отнести ко времени поздней бронзы и первому появлению железа, а хронологически - к доурартскому периоду, - повидимому ко времени, непосредственно ему предшествующему. К урартскому периоду в Триалети относится могильник в урочище Маралын-дареси, очень близкий к могильникам, раскопанным Ж. де-Морганом в Лори-Памбакском районе Армении.

Памятники эпохи бронзы были исследованы и в других частях Грузии. Из наиболее значительных работ в этом направлении надо отметить раскопки Г. К. Ниорадзе (1937) на территории Дманисского могильника (могильник у "стекольного завода"), давшие материал, характеризующий культуру позднего периода этой эпохи.

В Армении из числа древних могильников первой половины I тысячелетия до н. э. особой известностью пользуются могильники у сел. Акнер (Ворнак), между монастырями Ахпат и Санаин, и Редкий лагерь около Дилижана. Ворнакский могильник служит местом неоднократных работ,

начиная с 1871 г. (раскопки А. Д. Ерицова, Н. Я. Марра и Е. С. Такайшвили), и на его территории было вскрыто большое количество разновременных погребений. Наиболее многочисленный материал дали работы Н. Я. Марра, оставшиеся неопубликованными, причем в археологической литературе при использовании материала из Ворнака к нему причисляются часто и предметы из раскопок Н. Я. Марра в том же 1893 г. на Арагаце (Кафтарлу, Парнигер). Для хронологического разделения погребений Ворнакского могильника важное значение имеют материалы Е. С. Такайшвили 1894 г., в которых отчетливо различаются два комплекса предметов, один (погр. № 16), аналогичный комплексу предметов из Самтавро (погр. № 591) и другой (погр. № 5) - соответствующий могильникам VII -VI вв. до н. э. Лори-Памбакского района. К первому погребению относятся такие характерные предметы, как бронзовый меч с обрубленным концом, массивный топор-секира и тесловидный топор. В нем же были найдены железные наконечники копий и нож. Каменные формы для отливки топоров-секир были обнаружены на местах древних поселений у Лениакана и около крепости Кармир-блур; обломок формы для плоского тесловидного топора был встречен на холме Муханнат-тапа (Ереван). Эти факты в полной мере документируют местное изготовление основных форм вооружения. Повсеместным распространенным видом могильного сооружения в Армении был каменный ящик, сложенный из плит различного размера. Наиболее крупные образцы таких сооружений встречены в могильнике Редкий лагерь. Три их стены и перекрытие сооружались из громадных каменных глыб, а четвертая стена, уже после погребения, закладывалась мелким камнем.

В 1935 г. К. Кафадаряном в Кировакане были раскопаны крупные каменные ящики, часть которых содержала коллективные захоронения. Так, в могиле № 3 находились три скелета взрослых, один детский скелет (все в скорченном положении) и полный костяк быка. В заполнении ящика, поверх погребенных было установлено 23 сосуда, а в могиле № 1 количество глиняных сосудов достигало 36. На основании бронзовых предметов и форм керамики можно заключить, что кироваканские погребения древнее рассмотренных нами самтаврских и ворнакских, они, возможно, восходят к IX-VIII вв. до н. э. По-видимому, размер могильного сооружения и использование его для коллективного погребения являются показателем большей древности по отношению к каменным ящикам с одиночными захоронениями. Могилы в виде крупных ящиков, в которых были обнаружены типичные топоры-секиры, кинжалы с прорезной рукояткой, серпы и др., известны на горе Арагац (Такия). На горе Арагац известно также большое количество древних поселений-крепостей, стены которых сложены из громадных грубо обработанных каменных глыб. Возможно, что в некоторых случаях эта сохранившаяся циклопическая кладка являлась лишь цоколем, на котором покоилась стена из крупных сырцовых кирпичей, разрушившаяся без остатка. Около крепостей имеются древние могильники. Изучение этих интереснейших памятников строительства позволило выделить три основных группы:

1. крепости доурартского времени (Хаджи-Халил, Согутлу)
2. крепости урартского периода (Гулиджан)
3. крепости второй половины I тысячелетия до н. э. (Хором).

Подобные сооружения известны и в Севанском районе, где особенно четко выделяется группа крепостей урартского времени, связанная с клинообразными надписями (Нор-Баязет, Цовинар, Загалу).

Раскопки древних могильников, преимущественно курганов, произведенные в Севанском районе Е. А. Лалаяном, дали громадный разновременный материал, к сожалению, обесцененный в значительной мере методикой работы. На западном и южном побережье озера были раскопаны большие земляные курганы, перекрывавшие каменные склепы с коллективными захоронениями (Нор-Баязет, Адиаман, Загалу). В могильнике около циклопической крепости у Загалу отчетливо различаются две разновременные группы курганов, причем более ранняя из них характеризуется полным отсутствием железных вещей. Несмотря на большие дефекты в документации предметов из

раскопок Е. А. Лалаяна, изучение коллекций древностей Севанского района позволяет сделать определенные выводы. Западное и южное побережья оз. Севан, являвшиеся хорошо укрепленным путем из центральной Армении на восток, в частности, в Нагорный Карабах, - оказывается тем промежуточным районом, в котором сочетались и совместно развивались элементы культуры центрального и восточного Закавказья. Это прослеживается не только по формам металлических изделий, но и по типам самих погребальных сооружений. Особенно бросается в глаза близкое сходство курганов Севанского района с курганами Нагорного Карабаха. Только в этих двух районах Закавказья встречаются крупные курганы, перекрывающие каменные склепы, где кроме основного погребения того лица, для которого сооружалась могила, имеются еще захоронения сопровождавших его в могилу дружинников или же рабов. Такие погребения являются, по-видимому, стадияльно более ранними, чем одиночные погребения в каменных ящиках, характерные для центрального Закавказья IX-VIII вв. до н. э. В восточном Закавказье по сравнению с центральным в этот период можно заметить также некоторое запаздывание развития техники, выразившееся хотя бы в позднем освоении железа. Такой несколько замедленный темп развития всей культуры восточного Закавказья находился, по всей вероятности, в зависимости от большей обособленности этого района и удаленности его от тех областей, которые испытывали сильное влияние стран древнего Востока и даже в течение некоторого периода входили в состав одной из таких стран, а именно, Урарту.

Несмотря на то, что археологическое изучение древних памятников на территории Азербайджанской ССР началось с 90-х годов прошлого века, определенное представление о культуре эпохи бронзы мы имеем только для трех районов:

1. Шамхорского
2. Кировабадского
3. Нагорного Карабаха.

За последние годы в научный обиход вошли еще памятники, обнаруженные на территории строительства Мингечаурской ГЭС.

В указанных районах культура эпохи бронзы была тесным образом связана с самостоятельно развивавшимися в Закавказье и имевшими свои сырьевые базы древними культурами. В ряде же других областей восточного Закавказья, как например, в Нахичеванской АССР, в Зангезуре и в Ленкорани, отчетливо наблюдается влияние иранской металлургии, имевшей своеобразные, отличные от Закавказья, формы металлических изделий. Это же отличие проявляется и в керамике.

Первый из выделенных районов, Шамхорский, известный нам по работам В. Белька (1888-1890), А. А. Ивановского (1896) и др., имеет много черт, отличающих его от других частей восточного Закавказья и сближающих с областями центрального Закавказья. В первую очередь это отличие проявляется в основном типе могильных сооружений. Здесь основным видом погребальных памятников являются каменные ящики при полном отсутствии курганов с каменным склепом. Характерным типом погребений, так же как в Севанском районе, выступает укрепленное поселение - крепость со стенами циклопической кладки. Металлические предметы, наряду со своеобразием, обнаруживают близкое сходство с изделиями Кировабадского района и из Редкина лагеря (р. Акстафа), несмотря на их несомненно местное производство, что документируется находкой каменных литейных форм для топора-секиры. Наблюдается также проникновение некоторых металлических изделий, характерных для Кахетии. Таковы, цельно-отлитые кинжалы, наконечники копий с рельефными ободками на втулке и бронзовые подвески в форме птиц, подвешивавшиеся на длинных цепочках.

Материалы из Кедабекского могильника выявляют и другие, весьма интересные связи, обусловленные межплеменным обменом. Е. И. Крупной отметил поразительное сходство одного из сосудов из погребения (№ 28), раскопанного А. А. Ивановским у сел. Кедабок, с сосудами из

Дагестана и Грозненской обл. (раскопки В. И. Долбежева в Каякенте, А. П. Круглова в Хорочое и других местах), а также из районов северо-восточной Грузии (Лагодехи и Азербайджана (Кубинский район). Но эти связи не ограничиваются сходством одной только керамики, уже давно было отмечено широкое распространение в гарном Кавказе и в Закавказье изделий из сурьмы, главным образом одинаковой формы пронизок.

Древности Кировабадского района давно были известны по раскопкам 1899-1903 гг., произведенным Э. Реслером и Г. О. Розендорфом. Ими был собран значительный материал, дополненный работами последующих лет. Характерным элементом культуры района является весьма своеобразная керамика черного цвета, украшенная вырезанными и заполненными белой массой прямолинейными узорами, а иногда и композициями фигур людей и животных. Эта керамика дает чрезвычайно важный изобразительный материал для изучения древних религиозных представлений. Она распространена преимущественно в междуречье Куры и Аракса, встречается и в Шамхоре, но за пределы Восточного Закавказья, в основном, не выходит.

Особенно большую работу по археологическому обследованию названного района провел Я. И. Гуммель. Его многолетние исследования на ханларском курганном поле дали возможность выделить различные группы памятников в их хронологической последовательности. Совершенно исключительное значение для изучения древнейшей истории Закавказья имеют раскопки Я. И. Гуммеля на территории поселения эпохи бронзы, открытого им около Ханлара. Исследование жилищ дало громадный вещественный материал и многочисленные органические остатки, освещающие хозяйство этого древнего периода.

В 1930 и 1931 гг. около Ханлара (б. Еленендорф) Я. И. Гуммелем были раскопаны два больших кургана, содержащих коллективные погребения эпохи бронзы с богатейшим инвентарем. Бронзовые предметы из этих двух курганов отражают связи не только с северным, но и с южными районами.

Табл. 6. Бронзовые предметы из курганов восточного Закавказья. Меч и подвеска с фигурками птиц из кургана, раскопанного около Ханлара (по Я. И. Гуммелю); остальные предметы из раскопок Э. Реслера в районе Арчадзора в Нагорном Карабахе (Государственный Эрмитаж).

Многочисленные подвески в виде птиц или колокольчиков на длинных цепочках имеют ближайшее, до мелких деталей, сходство с такими же предметами из восточной Грузии, в то время как оружие, в частности кинжал с деревянной рукояткой, украшенной бронзовыми гвоздиками, и крупный кинжал с деревянными накладками на рукояти, имеет полное соответствие в могильниках Нагорного Карабаха.

Раскопками курганов около Шуши в 1892 г. начал Э. Реслер свою блестящую деятельность по изучению древних памятников Нагорного Карабаха, продолжавшуюся до 1897 г.

В 1893 и 1894 гг. в Арчадзоре Э. Реслер раскопал два больших кургана, содержавшие погребения вождей племен с большим количеством предметов, среди которых были и золотые изделия, редкие для Закавказья. Одновременно с раскопками в Арчадзоре он начал исследование могильника у сел. Ходжалы, существовавшем длительное время, о чем свидетельствуют пять разновременных типов курганов и большое количество могил в виде каменных ящиков. В 1895 г. в одном из погребений Ходжалинского могильника была обнаружена агатовая пронизка с именем ассирийского царя Ададнирари. В 1926 г. в Ходжалах работала экспедиция общества изучения Азербайджана, под руководством И. И. Мещанинова, целью которой являлось уточнение данных раскопок Э. Реслера и исследования курганов для их хронологической классификации. И при дальнейших работах советских археологов Азербайджанской ССР (И. Джафар-заде, С. Казиев и др.) материалы из Ходжалинского могильника рассматриваются как имеющие ориентировочное значение.

Памятники Народного Карабаха четко отражают связи местной закавказской культуры с переднеазиатским миром или же с Ираном. В этом именно районе в могилах начала I тысячелетия до н. э., в отличие от всего Закавказья, было найдено сравнительно большое количество золотых предметов. В Арчадзорском кургане (№ 2) была обнаружена цилиндрическая печать из листового золота с изображением животных, предмет, отражающий несомненные связи с Передней Азией.

В Ходжалинском могильнике золотые предметы были найдены в курганах №№ 11, 14 и 20. В последнем кургане особый интерес представляет обломок полой золотой вещицы, украшенной головкой льва, которую следует безоговорочно считать привезенной из более южных областей.

Чрезвычайно важные археологические результаты дали раскопки в Мингечауре, начавшиеся в широких масштабах в 1946 г. Там среди семи разновременных видов погребений встречаются групповые могилы и курганы эпохи бронзы с характерными предметами, большими бронзовыми мечами, топорами-секирами, кинжалами и обсидиановыми наконечниками стрел. В погребениях этой группы встречается также черная керамика с резными рисунками, заполненными белой массой. Приведенный обзор памятников эпохи бронзы в Закавказье не может претендовать даже на относительную полноту. Я касался преимущественно того материала, который уже опубликован и вошел в научный обиход, но многие еще коллекции древностей ждут научной обработки. Ежегодные археологические работы в Закавказье доставляют новый материал, дающий характеристику не отмеченных мною районов, открывающий новые своеобразные формы культуры эпохи бронзы в Закавказье. Суммарный обзор памятников с целью показать их большое разнообразие при общих основных чертах и являлся основной задачей настоящей лекции. После этого обзора перейдем к рассмотрению отдельных элементов закавказской культуры IX-VII вв. до н. э.

1. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тбилиси, 1935.
2. Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. Мат. по ист. Грузии и Кавказа, II, Изд. Акад. Наук Груз. ССР, 1941.
3. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. Отд. ист. первобытн. культ. Гос. Эрмитажа, I, 1941, стр. 17.
4. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. Изв. Абх. научн. общ., IV, 1926, стр. 106.

Центральная Грузия

1. Коллекции Кавказского музея, V, Тифлис, 1902.
2. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, I, 1941.
3. Ломтатидзе Г. Археологические раскопки в древней столице Грузии Мцхете), Тбилиси, 1945 (на груз. яз.).
4. Макалатия С. И. Древний могильник Плависмани. Вестник Музея Грузии, Тб., 1945 (на груз. яз.).
5. Ниорадзе Г. К. Дманисский некрополь и некоторые его особенности. (На груз, яз., с русским резюме). Вестн. Музея Грузии, XIV-B, 1947.
6. Ниорадзе Г. К. Земоавчальская могила. Вестн. Музея Грузии, VI, 1931.

Армения

1. Кафадарян К. Раскопки могильников в Кировакане. (На арм. яз.). Изв. Арм. фил. Акад. Наук СССР, 1941, № 3-4.
2. Лалаян Е. А. Археологические раскопки в Ново-Баязетском уезде ССР Армении. Русск. антрополог, журн., XVII, вып. 3-4, 1929.
3. Лалаян Е. А. Раскопки курганов в Советской Армении. (На арм. яз.). Ереван, 1931. Отчет Археологической комиссии 1893 и 1894 гг. (раскопки Н. Я. Марра и Е. С. Такайшвили в Ворнаке).

Азербайджан

1. Гуммель Я. И. Археологические очерки (сб. статей). Баку, 1940.
2. Гуммель Я. И. Погребальный курган (№ 1) около Бленендорфа Баку, 1931.
3. (Гуммель Я.) J. Hummel. Zur Archäologie Azerbeidžans, Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1938.
4. Джафар-заде И. Циклопические сооружения Азербайджана. Тр. Азерб. фил. Акад. Наук СССР, LV, 1938. Ивановский А. А. По Закавказью. Мат. по археолог. Кавказа, VI. 1911.
5. Казиев С. М. Об археологических раскопках в Мингечауре. Докл. Акад. наук Азерб. ССР, II, 1946, № 10.
6. Мещанинов И. И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщ. ГАИМК, 1, 1926.
7. Отчеты археологической комиссии 1894-1904 гг. (раскопки Э. Реслера).
8. Пассек Т. С. и Б. А. Латынин. Очерк доистории северного Азербайджана. Изв. общ. обследов. и изуч. Азербайджана, № 3, 1926.

Лекция девятая. Хозяйство эпохи бронзы

Археологические материалы, ставшие известными в последнее время, свидетельствуют о возникновении земледелия в Закавказье еще в неолитический период. Сравнивая неолитические поселения Закавказья (Тетрамица у Кутаиси, поселения у сел. Одиши в Мегрелии и Кистрик в Абхазии) с подобными же на Северном Кавказе (Агубековское поселение у г. Нальчика), можно заметить, что развитие хозяйственных форм протекало в Закавказье, по сравнению с Северным Кавказом, более быстрыми темпами. В то время как на севере господствовало еще собирательство, к югу от Кавказского хребта земледелие стало уже основой хозяйства первобытной общины. Об этом свидетельствуют не только находки зерен злаков, но и наличие большого числа каменных зернотерок и кремневых пластин, служивших вкладышами составного серпа. Подобные предметы были обнаружены в поселениях энеолитического периода, выступая даже руководящими формами памятников материальной культуры энеолита Закавказья. Раскопки древнего поселения к западу от Халдара, относящегося к самому началу I тысячелетия до н. э., также выявили явные следы земледелия, сочетавшегося с садоводством. Обнаружено много каменных зернотерок и кремневых вкладышей от серпов, но, к сожалению, остатки злаков при раскопках найдены не были. Судя по находкам из других раскопок, можно полагать, что основными земледельческими культурами в эпоху бронзы в Закавказье были аборигенные сорта пшениц и ячменей, а также полба (эммер). Садоводство древнего Ханларского поселения выступает весьма отчетливо. В большом сосуде, впущенном в пол одного из расширенных жилищ, оказались косточки винограда (*Vitis vinifera*), свидетельствующие о далеком прошлом виноградарства и виноделия в Закавказье, а в обматке пола другого жилища найдена косточка персика (*Prunus persica*).

Органические остатки из Ханларского поселения, среди которых имеется большое количество семян и остатков плодов диких растений, указывают также и на собирательство, сопутствовавшее развитому уже земледелию. В том же жилище, где была найдена косточка персика, собрано большое количество косточек каркаса (*Celtis caucasica* Willd.) дерева, широко распространенного в нагорном Карабахе. В полу двух других жилищ открыты хранилища в виде крупных сосудов, содержащих семена и плоды диких растений. Тут были найдены семена мари, т. е. белой лебеды (*Chenopodium*), причем наличие нескольких видов этого растения подтверждает предположение, что в данном случае хранились продукты собирательства, а не земледелия. Семена лебеды (*Atriplex*) и мари, а также косточки каркаса известны и из более ранних могильников.

Вследствие того, что в Закавказье культура эпохи бронзы изучалась преимущественно: по могильным памятникам и многочисленным поселениям, относящимся к этому периоду, ждут еще своего исследования, земледельческие орудия представлены немногочисленными предметами для обработки почвы. В это время, кроме деревянной мотыги с каменным или бронзовым наконечником, возможно, употребляется и примитивный плуг, существовавший уже в Ванском царстве. С территории центрального Закавказья известно большое число древних серпов, двух одновременно встречающихся типов. Первый наиболее ранний, это составной серп из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в деревянной или же в костяной основе, и второй - металлический кованый серп небольшого размера с деревянной рукояткой, повторяющий форму кремневого серпа. В Бешташенском могильнике (Триалети) оба типа серпов встречены в одной могиле, что указывает, быть может, на какое-то особое назначение бронзового серповидного орудия.

Среди земледельческих орудий древнего Закавказья особый интерес представляют остатки молотилки, обычного для горных районов Кавказа типа, найденные в одном из погребений большого кургана (№ 2), раскопанного около Ханлара. Это плоская дубовая доска с углублениями на нижней стороне, в которые вставлялись куски кремня. Подобная молотилка, относящаяся к несколько более позднему времени, была открыта в могильнике у сел. Ахтала, на р. Дебед (Алотавердский район Армянской ССР).

Орошение древних полей было, вероятно, крайне примитивным; для этих целей использовались горные ручьи, а посевы производились на склонах гор или у их подножии, на тех же местах где расположены и современные поля. На пашнях у сел Цовинар (южный берег да. Севан) мною был найден обсидиановый вкладыш серпа, причем никаких других предметов, которые свидетельствовали бы о наличии древнего поселения, на тех же полях обнаружено не было.

Вместе с развитием земледелия в некоторых районах Закавказья шел и интенсивный процесс уничтожения лесов. Особенно быстро этот процесс протекал на побережье оз. Севан, которое по сведениям армянских средневековых историков имело густые леса, а ныне лишено всякой сколько-нибудь значительной древесной растительности. Работы геоботаников, исследовавших почвы Севанского района, установили, что леса занимали здесь очень большую площадь. На существование частого леса на побережье оз. Севан указывают кости зубров и благородных оленей, находимые в озере и на местах отступления воды при понижении уровня озера. В одном из погребений эпохи бронзы, раскопанном около Нор-Баязета, был обнаружен череп куницы, зверька, который обитает в густых (высокоствольных) лесах.

Процесс постепенного обезлесения прослеживается по археологическим материалам и в других областях Закавказья, в древности богатых лесом. В знеолитическом могильнике у Ханлара встречаются остатки угля и древесины различных пород, среди которых отчетливо определяется можжевельник (арча, *Juniperus*). Там же было открыто круглое в плане могильное сооружение с сохранившимися остатками 22 столбов диаметром до 20 см.

Можжевельник являлся одним из самых распространенных строительных материалов, употреблявшихся в восточном Закавказье в первой половине I тысячелетия до в. э. (прежние определения кедра среди древних остатков дерева следует считать ошибочными). Наряду с можжевельником для строительства, как показывают большие курганы у Ханлара (№№ 1 и 2), употреблялись следующие породы деревьев: дуб, тополь и карагач, причем диаметр некоторых бревен достигал 70 см, при длине около 7 м.

Изменение растительности восточного Закавказья прослеживается по археологическим материалам отчетливо. Так, в могильниках Ханларского района и Нагорного Карабаха, в древних кострищах, относящихся ко второй половине I тысячелетия до я. э., заметна смена дубовой золы золой граба и грабинника. В. А. Петров, указывая на то, что граб в Закавказье выступает как сменная порода, заключает, что единственной обоснованной причиной описываемой смены, относящейся к району, расположенному в пределах нижнего лесного пояса, можно считать лесоуничтожение.

Несомненно, этому уничтожению лесов в сильной мере содействовал человек, использовавший дерево для хозяйственных нужд с самых ранних этапов развития своей культуры. Жилища, сложенные из камня, перекрывались обычно бревенчатым накатом, а часто, особенно, в западном Закавказье (древние поселения Колхиды), они целиком строились из дерева. О грандиозности могильных сооружений из дерева может свидетельствовать курган Паша-тапа, раскопанный Э. А. Реслером в 1901 г. у сел. Болчали (Кировабадский район Азербайджанской ССР). Под каменной насыпью кургана обнаружился большой бревенчатый помост из дубовых стволов толщиной более 30 см. Ниже раскопки открыли еще два подобных помоста, о значительных размерах которых свидетельствовало "большое количество обуглившихся дров, вывезенных на нескольких телегах". Этот курган не единичен, во многих могильниках того же района были обнаружены постройки из огромных арчевых и дубовых бревен толщиной до 90 см.

Порубка леса, широкое использование дерева для строительных нужд населения, а также расширение земледельческих участков за счет леса, несомненно влияли на постепенное обезлесение страны, но значительно большее значение для уничтожения лесов имело скотоводство, особенно разведение мелкого рогатого скота - коз и овец, вытаскивающего подлесок и уничтожающего молодую поросль.

Появление скотоводства Закавказье следует отнести к чрезвычайно отдаленному времени, во всяком случае, к периоду, лежащему за пределами известной нам энеолитической культуры. При раскопках жилищ древнего поселения у Ханлара было обнаружено большое количество трубчатых костей, расколотых для извлечения костного мозга. Все кости оказались принадлежащими домашним породам скота, из них определены кости крупного рогатого скота, овец, коз и свиней. Обнаружены также кости лошади.

В могильниках первой половины I тысячелетия во всем Закавказье постоянно встречается большое количество костей домашних животных, иногда в кострищах, иногда, в сосудах, поставленных около погребенного, а иногда в виде целых скелетов животных, положенных в могилу.

В качестве примера возьму 15 небольших однотипных курганов, раскопанных в 1903 г. около Кировабада (б. Елизавет-поля) и Хаялара (б. Еленендорфа), давших одновременный материал. В большинстве из них находились целые костяки животных, но наряду с ними в сосуды клали также и отдельные куски мяса. Наибольшее число скелетов животных, открытых в курганах, принадлежало овцам или баранам (11 могил), в трех случаях обнаружены костяки свиней и в одной могиле оказался скелет козы.

Иногда в могилу, вместо целого животного, клались отдельные части его туловища, иногда шкура с головой и четырьмя конечностями. Именно такая содрванная шкура (по-грузински "шолти") изображена на каменных стелах в горах Армении, открытых Н. Я. Марром и ставших известными под именем "вишапов". Крупный рогатый скот в могильниках Закавказья встречается чаще в последний период бронзового века. Так, в курганах на побережье оз. Севан были обнаружены целые костяки быков. Быки в то время были основной тягловой силой. Они впрягались и в молотилки, известные по археологическому материалу, и в повозки, служившие для перевозки тяжестей.

В 1908 г. у сел. Адиаман, на юго-западном побережье оз. Севан, Е. А. Лалаян раскопал большой каменный склеп, в котором была обнаружена массивная деревянная повозка, богато украшенная резьбой, в которую были запряжены четыре быка. Колеса этой повозки представляли громадные деревянные диски, а на ярме была укреплена бронзовая погребушка в виде козла. В том же Севанском районе, при раскопке курганов у Мотбидзор, около Нор-Баязета, было открыто культовое погребение быка. В большой могиле лежал костяк быка и ори нем три сосуда своеобразных форм, один из которых представлял собою курильницу, небольшой глиняный ящичек, украшенный орнаментом, и раковина. Культ быка отражается и в изображениях на бронзовых поясах. В одном из курганов у сел. Ходжалы (Нагорный Карабах) был найден обломок пояса с изображением бегущих быков, в окружении символов астрального характера. Под головой одного быка изображена шестилучевая звезда со спиралью в центре и змея, а у головы другого - схематическая фигура, возможно, изображение птицы.

В закавказских могильниках встречаются также и отдельные предметы, изготовленные в форме голов крупного рогатого скота. В одном погребении Шамхорского района (Азербайджанская ССР), между сел. Кедабек и Калакент А. А. Ивановский обнаружил крупный глиняный сосуд в виде головы быка или коровы, а в богатом погребении Аргадзорского кургана (Нагорный Карабах) Э. А. Реслер нашел бронзовую головку быка, украшенную прорезками и служившую навершием посоха. Изображения мелкого рогатого скота также обычны на древних памятниках Закавказья. В государственном Историческом музее Армении хранится глиняный сосуд, происходящий из окрестностей Лениакана и украшенный скульптурным изображением принесения барана в жертву.

В Закавказье, в процессе развития скотоводства мы наблюдаем значительное увеличение количества мелкого скота. Преобладание в Закавказье мелкого рогатого скота отмечают также урартские клинописные памятники VIII в. до н. э., рассказывающие о добыче, захваченной в центральном Закавказье (Летопись урартских царей Аргишти, сына Менуи, и Сардура, сына Аргишти).

Летопись Сардура, в частности, указывает, что за два похода в Закавказье из страны Эриах, расположенной в районе к северу от горы Арагац, было угнано 23 194 головы крупного рогатого скота и 63 420 голов мелкого рогатого скота (в клинописном тексте даны идеограммы "быка" и "овцы"); Эти данные отчетливо отмечают большое количества мелкого рогатого скота, по числу почти что втрое превышающее количество крупного рогатого скота. Укажем попутно, что в Александропольском уезде б. Эриванской губернии, (ныне Ленинаканский округ), на территории которого в древности находилась страна Эриах, по переписи 1916 г. насчитывалось 132 000 голов крупного и 157000 голов мелкого рогатого скота. Если мы учтем, что страна Эриах занимала лишь небольшую часть территории земель, вошедших в Александропольский уезд, а также что урарты угнали не весь скот страны Эриах, то мы убедимся в значительном количестве скота у племен древнего Закавказья.

Естественно, увеличение количества скота требовало и увеличения кормовой базы, расширения пастбищ, так как пастбища, находившиеся около поселений, становились явно недостаточными. В связи с этим значительным расширением поголовья скота во всем Закавказье возникает новая полукочевая форма скотоводства, с выгоном скота в летнее время на горные пастбища. Эта форма хозяйства, характерная для всего Кавказа (яйлажное или кошевое скотоводство), совершенно оформилась в Закавказье уже в начале I тысячелетия до н. э.

Этнографические кавказские материалы сохранили нам различные формы полукочевого скотоводства с большим или меньшим удельным весом зимовников, что стоит в прямой связи со значением земледелия. Отчетливо наблюдается также и разделение пруда между низменными (долинными) и горными районами Закавказья, в первых преобладает земледелие, тогда как во вторых - скотоводство. Крупные земледельческие поселения Закавказья, относящиеся ко времени I тысячелетия до н. э. указывают на то, что скотоводство этого периода истории Закавказья было полукочевым, близким к той форме, которая и ныне бытует на всем Кавказе.

Для целей скотоводства на высокогорных пастбищах в древности устраивалась целая система каналов и водоемов. Следы таких каналов, связанных с горными источниками, обнаружены на склонах горы Арагац и Гехамских гор в Армении; именно около них и находятся "вишапы" - каменные изваяния хранителей вод, в виде гигантских рыб или столбов с бычьей шкурой, из головы которой изливается вода. Эти каналы и водоемы служили не только целям орошения высокогорных лугов, но и для водопоя скота; некоторые же из них доходили и до поселений, расположенных у подножья гор.

Одновременно с развитием яйлажного скотоводства в горных районах Закавказья значительно усилилось значение охоты, дававшей мясную пищу кочевникам-скотоводам, которым также постоянно приходилось защищать свои стада и от нападения диких зверей. Охота, таким образом, начала сопутствовать развитию полукочевого скотоводства, что отразилось и в религии населения Закавказья I тысячелетия до н. э., и было бы неверным считать, что в религии отражена прошлая основная форма хозяйства - охота, которая уступила свое значение земледелию и скотоводству. Развитие охоты наряду с полукочевым скотоводством мы наблюдаем на Кавказе повсеместно.

Кости диких животных, служивших объектами охоты, часто встречаются в древних могильниках центрального и восточного Закавказья, а изображения на древних памятниках (резьба на керамике и гравировка на бронзовых поясах) передают сцены охоты на диких козлов, оленей, кабанов, а также на птиц.

Основным охотничьим оружием служил лук, изготовлявшийся, вероятно, целиком из дерева. Судя по изображениям, лук восточного Закавказья, в отличие от центрально-закавказского был сравнительно небольшого размера. Таковы луки, изображенные на черной керамике с резьбой, заполненной белой массой (Кировабадской район), а также на бронзовом поясе из раскопок В. Белька в Шамхорском

районе, на котором изображен охотник, держащий лук над головой. На поясах же центрального Закавказья мы встречаем луки большого размера, почти что в рост человека.

Наконечники стрел в восточном Закавказье изготовлялись из камня, главным образом из кремня и обсидиана, и из бронзы, причем металлические наконечники стрел передают форму каменных, закрепленных в расщеп древка. Встречаются: также костяные наконечники стрел конической формы.

Вероятно для охоты употреблялись также, разного рода: капканы и силки, но они не представлены известным нам археологическим материалом.

При раскопках погребений в Шамхорском районе были обнаружены костяки собак, служивших, вероятно, целям охоты и скотоводства. Участие собаки в охоте засвидетельствовано охотничьей сценой на бронзовом поясе из Калакента.

В тесной связи с развитием полукочевого скотоводства: стоит, по-видимому, усиление значения лошади в хозяйстве и быту древнего Закавказья. Она становится основным средством передвижения, связывавшим постоянные поселения, с кочевками. Археологические материалы показывают, что лошадь для верховой езды появляется еще в конце II тысячелетия до н. э. (Шахтахтинский могильник, поселение у Ханлара), особенно широкое ее распространение следует отнести ко второму периоду эпохи бронзы, т. е., примерно, ко второй четверти I тысячелетия. Именно в погребениях этого времени раскопками обнаружены целые костяки лошадей, сопровождавших в могилу своих хозяев. Урартские тексты VIII в. до н. э. рассказывают об угоне из страны Эриах после первого похода 412 коней, а после второго 1613 коней.

Надо заметить, что северные области Передней Азии, граничившие с Закавказьем, издревле славились на древнем Востоке своими табунами, лошадей. Еще в середине IX в. до н. э. ассирийский царь Салманасар III захватил в приурмийском районе большое количество лошадей, что изображено на рельефах Балаватских ворот. О богатстве этого района лошадьми рассказывают также ассирийские тексты конца VIII в. до н. э., в частности текст, описывающий восьмой поход Саргона.

Раскопками Э. А. Реслера в курганах Нагорного Карабаха и Кировабадского района обнаружено большое количество скелетов лошадей, иногда по три в одной могиле. В богатом погребении Арчадзорского кургана (№2) костяк лошади лежал рядом со скелетом человека у стенки могилы. В другом кургане конский скелет находился под костяком человека. Это дает основание заключить, что покойник помещался в могилу верхом на коне. Иногда взамен лошади в могилу клалась только ее голова. Черепа лошадей с бронзовыми украшениями и удилами были обнаружены в каменных ящиках восточного Закавказья, характеризующих второй период эпохи бронзы. Наконец, заменой лошади должны были служить удила, клавшиеся вместе с покойником в могилу.

В Закавказье лошадь была не только верховым животным, но и тягловой силой. На одном из бронзовых поясов из могильника в Ахтале имеется изображение колесницы с запряженными в нее двумя лошадьми. По типу эта колесница связывается с древневосточными.

Для истории древнего Закавказья особый интерес представляет появление верблюда. В 1896 г. А. А. Ивановский при раскопках кургана у сел. Карабулак, в южной части восточного Закавказья, открыл богатую могилу, в которой находились два скелета верблюдов, с богатым убором, украшенным даже золотом, что встречается в Закавказье сравнительно редко. Для помещения верблюдов в могилу потребовалось даже расширение погребальной камеры.

Если мы снова обратимся к урартским письменным источникам, то увидим, что среди перечня угнанной из Закавказья добычи верблюды упоминаются. Так, после третьего похода Сардура в

страну Эриах, оттуда было уведено 115 верблюдов. Но верблюды, по-видимому, были в Закавказье редкостью, чем и объясняется сравнительно небольшое их число в перечне добычи.

Археологический материал, характеризующий основные черты хозяйства Закавказья эпохи бронзы, преимущественно первых трех веков I тысячелетия до н. э., отчетливо показывает, что во всем Закавказье земледелие сочеталось с полукочевым скотоводством, получившим значительное развитие. Использование горных пастбищ предоставляло в условиях того времени неограниченные возможности для роста скотоводства, количественного увеличения стад. Скот стал основным богатством первобытных общин, предметом накопления и обмена. Территориальная близость горных пастбищ и мест разработки медных руд, на которых было основано ремесло, создавала при сравнительно еще неразвитом обмене, благоприятные условия для развития культуры племен, живших в горных районах Кавказа, которые в эпоху бронзы приобрели значение ведущих районов.

Лекция десятая. Ремесло эпохи бронзы

Культура Закавказья начала I тысячелетия до н. э. характеризуется широким развитием обработки металла с использованием местных руд. В настоящее время трудно установить дату начала разработок медных месторождений, которыми так богато Закавказье, иго вполне вероятно, что начало добычи меди в этом районе следует отнести к концу III тысячелетия до н. э., т. е. к периоду энеолита. Использование закавказских меднорудных месторождений в широком масштабе прослеживается лишь во второй половине II тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы. В Закавказье известны разработки еще той поры, когда руда добывалась примитивным способом, из открытой ямы, и когда для выплавки металла выбиралась только окисленная руда. Все основные меднорудные разработки Закавказья носят следы работы древних рудокопов, на что указывают также и находки бронзовых орудий начала I тысячелетия до н. э., связанных с этими разработками.

У сел. Кедабек, на вершине и на склоне горы, обнаружены ямы овальной формы со следами работы киркой, служившие для добычи медной окисленной руды. Участки сернистых руд, требовавших более сложного способа выплавки металла, оставались нетронутыми. Возможно, что эти именно разработки хронологически и не относятся к глубокой древности, но, во всяком случае, они по своему типу представляют древнейший вид рудных разработок, сходный с древними разработками кремня, археологически изученными в восточном Закавказье (Килик-даг у Ханлара). Около станции Шагали (Армянская ССР) также были открыты древние выработки, в которых выбиралась лишь окисленная руда, в то время как сернистая руда, встречавшаяся тут же, шла в отвал.

Уже в начале I тысячелетия до н. э. в Закавказье имелась высококачественная бронза, с присадкой от 4 до 10% олова, орудия же из чистой меди встречаются редко. Присутствие в некоторых металлических изделиях незначительного количества свинца, цинка и железа следует считать результатом использования полиметаллических руд.

Олово в Закавказье, по-видимому, было местным, но можно допустить также ввоз его из Передней Азии. Олово могло добываться на склонах центральной части Кавказского хребта, в Раче, Горийском и Боржомском районах, а также около Аллавердских меднорудных месторождения.

При раскопках В. Белька в 1890 г. около Калакента, в одном из каменных ящиков было найдено массивное кольцо из олова (олова - 99.60%, цинка - 0.17%, сурьмы - 0.12%). Как правило, в украшениях количество олова больше, чем в предметах, служивших орудиями или оружием. Так, секира из Ворнакского могильника содержала 5.82% олова, а украшения нижней части древка копья - до 10.75%. Кроме олова присадкой к меди в древних бронзовых предметах Закавказья служила

сурьма и редко - свинец. Некоторые бронзовые предметы из Циондали содержат 2.5-3% сурьмы. В могильниках центрального Закавказья часто встречаются бусы и подвески из сурьмы дисковидной и (ромбической формы. Подвески, совершенно с ними тождественные, известны на северо-восточном Кавказе (горный Кавказ и Дагестан) и, несомненно, они проникали туда путем межплеменного обмена, значение которого мы не можем преуменьшать.

Местное производство бронзовых изделий документировано пока лишь немногими данными. Древние литейные мастерские еще не известны, но до нас дошли каменные формы для отливки бронзовых предметов.

В Шамхорском районе (Азербайджанская ССР) случайно были найдены двустворчатые формы из красного песчаника для отливки секир. Из этой находки сохранилась только одна форма, поступившая в Ханларский музей.

Подобные же две каменные формы для отливки секир известны и в Армении. Одна из них была найдена на древнем поселении около Левинакана, а другая происходит из развалин города у крепости на холме Кармир-блур, около Еревана.

Кроме форм для отливки секир, оружия, чрезвычайно распространенного в Закавказье, встречены формы для отливки и других предметов- Так, на крепости Муханнат-тапа, в Ереване, был обнаружен обломок каменной литейной формы для плоского топорика-долота, тоже частого в центральном Закавказье орудия. Вероятно, кроме разъемных каменных форм в восточном Закавказье существовали также глиняные формы, подобные найденным в горном Кавказе.

Большинство предметов вооружения, происходящих из древних могильников Закавказья, изготовлено путем отливки именно в разъемных формах (мечи, кинжалы, татары и др.), причем некоторые из них после отливки дорабатывались проковкой. Таковы плоские кинжалы без рукояток и серпы.

В арчадзорских курганах Э. А. Реслером были обнаружены отдельные бронзовые предметы (рукоятки орудий, кольца, бляшки), отлитые со спиральным выемом, в который вковывались полоски бронзы, по цвету темнее металла основной части предмета, но по химическому анализу мало от него отличающиеся. В одном случае в углубление были вкованы две полосы металла, различные по своему цвету. Тут мы имеем чрезвычайно интересный прием употребления разноцветных металлов.

в формах или по восковой модели. Так, мечи часто имеют гравировку (спирали, фигурки животных и др.) на своем клинке, особенно в верхней части, под рукоятью.

На громадном материале бронзовых изделий начала I тысячелетия до н. э., происходящем из Закавказья, мы можем проследить руководящие для отдельных районов формы бронзовых изделий.

Среди бронзового оружия Закавказья особое место занимает меч, два типа которого выявляются чрезвычайно отчетливо.

Первый тип представляет собою цельноотлитый меч с обрубленным нижним концом и с небольшим ребром посредине клинка. Навершие в рукоятку имеют выпуклый орнамент, в то время как клинок обработан гравировкой. Этот тип меча особенно характерен для северо-восточного Закавказья, для района Кахетии (Пакурцихе), хотя отдельные его экземпляры встречены и в центральном Закавказье (Земо-Авчалы, Ворнакский могильник, Узунлар).

Второй тип, обычный, в юго-восточном Закавказье, в районе между реками Араксом и Курой, представляет собою длинный меч, с заостренным концом, имеющий в средней части клинка углубленные полосы. Навершие обычно отливалось отдельно, а в рукоятку закована деревянная основа.

Характерные экземпляры мечей этого типа известны в Шамхорском и Ханларском районах, а также и в Нагорном Карабахе.

Распространенным видом древнего закавказского оружия являлись кинжалы, среди которых различаются три основные вида. Первый вид - кинжалы с деревянной рукояткой, закрепленные заковкой, наподобие мечей второго типа, встречающиеся, обычно, в погребениях с богатым инвентарем. Навершие кинжалов, отлитое вместе с клинком, - колоколовидное, с треугольными вырезами, заполненными иногда деревянной инкрустацией.

Наиболее распространенным типом кинжалов являются небольшие кинжалы, с плоским стержнем для насадки деревянной рукоятки и отдельным колоколовидным навершием. Большое разнообразие кинжалов именно этого вида дали раскопки А. А. Ивановского в Шамхорском районе.

Третий из основных видов кинжалов, встречающийся наиболее редко, имеет чрезвычайно характерную рукоятку, аналогичную рукоятке кинжалов древнего типа, связанных с кинжалами Передней Азии. Рукоятка плоская, с закругленной верхней частью и с вырезами для деревянных вставок. Подобные кинжалы известны из больших курганов в Ханларе и Арчадзоре.

Среди основных видов оружия Закавказья эпохи бронзы чрезвычайно характерным является массивная бронзовая секира, связываемая также с переднеазиатскими формами. Она встречается на всей территории Закавказья, причем в западном Закавказье ей сопутствуют топоры "кобанского пила".

Секиры встречаются обычно в богатых погребениях, формы их бывают весьма различными; наряду с имеющими гладкий обух, нередко встречаются секиры с обухом, снабженным острыми выступами, что сближает их с боевыми хеттскими топорами, а в одном из больших ханларских курганов была обнаружена двойная секира, представляющая единственный в своем роде экземпляр.

Секиры западного и центрального Закавказья (ср. находки у крепости Мехчис-Цихе, у сел. Мерс, а также в Ворнакском и Мцхетском могильниках) отличаются своей массивностью, в то время как в восточном Закавказье встречаются небольшие секиры, которые можно с полным правом назвать даже миниатюрными (Варташен).

К отмеченной группе бронзового оружия следует прибавить наконечники копий, встреченные в могильниках Закавказья в большом количестве, в основном, в общих для всего Закавказья формах, втульчатых, с листовидным острием.

В большом количестве известны также и наконечники нижней части древка копья. Чаще всего это длинные трубки, гладкие или же с рельефным орнаментом. В Нагорном Карабахе встречаются наибольшие по своему размеру наконечники. Из-за необычной формы и внешнего сходства с булавой их иногда считали навершиями посохов. К сожалению, по положению в могиле очень трудно судить о назначении этих предметов. Необходимо учитывать, что древние закавказские копья были очень длинными и не могли поместиться в каменном ящике в целом виде, поэтому перед положением копий в могилы их часто ломали, а возможно, что клали только один наконечник без древка. Для разрешения вопроса о назначении этих "наверший" большое значение имеет Киркиджанский клад, найденный около Степанакерта, и материал из Мингечаурского могильника.

Среди обнаруженных в могильнике и кладе бронзовых предметов имеются подобные "навершия". Однако, судя по размещению нанесенных на них рельефных изображений животных и наконечников стрел, можно утверждать, что это не навершия. Ведь нельзя же допустить, что изображения на навершиях были перевернутыми.

Наконечники стрел для всего Закавказья очень однотипны и имеют только незначительные локальные различия, выражающиеся, главным образом, в длине стержня для насадки и в величине нижних частей лопастей. В закавказских могильниках начала I тысячелетия до н. э. весьма часто встречаются каменные наконечники стрел удлинённой формы (обычно кремневые или обсидиановые).

Закавказские бронзовые наконечники стрел не имеют втулок, они всегда всаживались в древко. Расщеплявшееся при этом древко стрелы иногда перевязывалось кожаным ремешком.

Кроме металлического оружия и орудий, в восточном Закавказье найдено громадное количество бронзовых украшений. Наиболее часто при раскопках могильников встречаются кольца, браслеты различных размеров, иногда очень массивные.

Особенно характерны крупные браслеты с глубокими зарубками по внешней стороне. Встречаются также браслеты из массивного бронзового прута, круглого в сечении, украшенного рельефным и углубленным орнаментом. Многочисленны также подвески в виде дисков с треугольными прорезами, мелкие бляшки, пряжки для ремней, большинство которых, по всей видимости, отливалось по восковым формам.

Для второй четверти I тысячелетия до н. э. особенно характерны прикрепленные к длинным цепочкам бронзовые фигурки птиц, также украшенные прорезами в виде треугольников.

Следует еще отметить металлические кованые изделия. В большом количестве дошли до нас бронзовые пластины поясов, украшенные резным орнаментом, а также дисковидные височные подвески, украшенные выдавленным с обратной стороны орнаментом. Известны также единичные находки шлемов из листовой бронзы с литыми навершиями. Остатки таких шлемов были обнаружены в Арчадзорском кургане, раскопанном Э. А. Реслером в 1893 г. Существовали также и кожаные шлемы с металлическим навершием.

В могильниках и поселениях Закавказья начала I тысячелетия до н. э. встречается чрезвычайно разнообразная керамика. Характерным видом гончарных изделий восточного Закавказья являются черные сосуды со сглаженной или слегка лощеной поверхностью, украшенные резьбой, заполненной белой массой (гипсом).

Наибольшее число сосудов этого типа встречено в Кирова-бадском районе; черная керамика с резьбой, заполненной белой массой (или, как ее иногда называют - черная керамика с белой инкрустацией) встречается на всей территории Междуречья, Куры и Аракса, причем западной границей ее распространения является район оз. Севан, как это нам показывают раскопки А. А. Ивановского у сел. Гезелдара. Черная керамика с белой инкрустацией уже давно привлекала к себе внимание археологов, особенно по ее формальным связям с керамикой Западной Европы, которые, разумеется, следует расценивать лишь как стадиальную общность форм и техники, но отнюдь не как генетическую связанность.

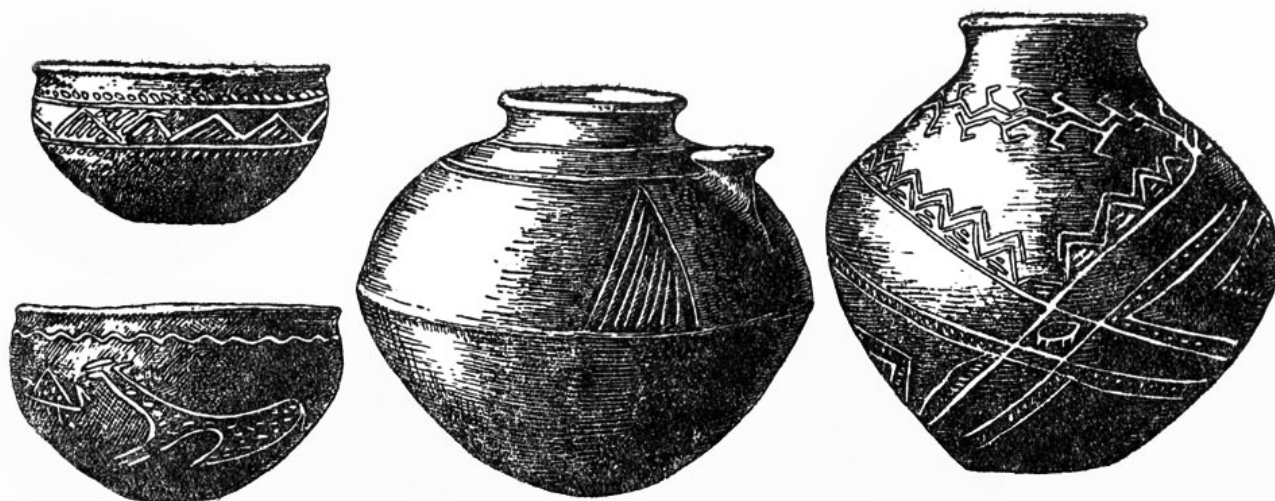

Табл. 8. Глиняные сосуды серого цвета с резным орнаментом, заполненным белой массой из раскопок в Ханларском районе (Государственный Исторический музей).

Черная керамика с резным рисунком, заполненным гипсом, появляется в самом конце II тысячелетия до н. э. или же в начале I тысячелетия до н. э. Во всяком случае, она встречается в жилищах древнего поселения, раскопанных Я. И. Гуммелем у Ханлара и в самых древних курганах Ханларского могильника. Бытует она в восточном Закавказье, по-видимому, до VI в. до н. э., правда, уже в сильно деградированном виде.

Основные ее формы - чаши с высокими краями, украшенные узором по внешней поверхности, кувшины с невысоким горлом и разные сосуды с ручками (одной или двумя). Черепок легко ломающийся, с большой примесью песка. Техника изготовления этих сосудов отчетливо видна при внимательном рассмотрении керамических образцов.

Вся керамика вылеплена от руки, на свободно движущейся, без оси, подставке, хотя гончарный круг в это время был уже известен. Формовка на деревянной подставке устанавливается характерным срезом на дне, получающимся при отделении вылепленного сосуда от подставки. Сглаживание поверхности производилось или рукой или пучком травы в направлении сверху вниз, что видно по следам сглаживания, хорошо различимым на некоторых образцах. Резьба на сосуде производилась деревянной палочкой или же заостренной костью, штамп, как правило, не применялся.

Обжиг сосуда не всегда бывал равномерным, что и обусловило часто (наблюдаемую пятнистость поверхности. Цвет сосудов, варьирующий от черного до бурого, а иногда и желтоватого, зависел от состава глины и тех примесей, которые нам известны в большом разнообразии по этнографическому

материалу, но не могут еще быть установленными на археологических образцах. В Ханларском районе черные сосуды с резным орнаментом, заполненным белой массой, встречаются в самых ранних комплексах наряду с другими керамическими типами. Среди материала из раскопок жилищ Ханларского поселения, кроме указанной группы, имеются еще два других типа керамики: крупные толстостенные кувшины хорошего обжига, без ручек, с низким, сильно отогнутым наружу венчиком, имеющие иногда роспись в виде рядов волнистых и зигзагообразных линий, и мелкие сосуды желтого и серо-черного цвета.

Большое разнообразие имеет керамика в Ханларском могильнике, - здесь возможно проследить и линию исторического развития гончарного производства. Раскопки могильника дали большое количество сосудов черного цвета с резными изображениями, заполненными белой массой. Целый ряд сосудов имеет изображения сцен охоты, отдельных фигур людей и животных и наряду с ними орнаментальные элементы в виде меандра, треугольника, крестов, елочного узора, зигзагообразных и волнистых линий, имевших, вероятно, определенные семантические значения. В более поздней группе керамики изображения людей и животных сильно стилизуются, и они принимают вид орнаментальных фигур, в которых часто бывает даже трудно распознать их прототипы. На этом материале хорошо прослеживается постепенное изживание черной керамики с белыми рисунками, замена ее сосудами другого типа.

В курганах Нагорного Карабаха рассматриваемая керамика встречена в сравнительно небольшом количестве, она и доходит до южных пределов этого района, как показывает курган, раскопанный А. А. Ивановским у сел. Кара-булак.

Для могильников Нагорного Карабаха эпохи бронзы характерен другой тип керамики, известный из раскопок курганов в Арнадзоре. Там, среди многочисленных сосудов, выделяются черные прекрасные лощеные кувшины с шаровидным туловом, узким горлом и изломанной ручкой, т. е. рудиментом ручки в виде фигурки животного. Сосуды эти изготовлены на гончарном круге и отличаются высокими техническими качествами. В верхней и средней части они украшены рельефными поясками и желобчатыми выемками. Кроме того, на них имеется и узор, наведенный лощением.

Я остановился на характеристике некоторых типов керамики восточного Закавказья ввиду того, что эта территориально ограниченная керамика пользуется большой популярностью, главным образом, вследствие ее интересной орнаментации и изображений, содержащими даже целые композиции.

Керамика эпохи бронзы центрального Закавказья отличается большим разнообразием, и дать ее обобщенную краткую характеристику невозможно. Керамика в основном черная и серая с хорошо сглаженной поверхностью, роспись, как правило, отсутствует, но иногда имеется линейный узор, наведенный лощением, и вдавленный орнамент, выполненный штампом. Формы сосудов - бомбовидные, со срезанным венчиком, кувшины с широким, вытянутым горлом, открытые чаши, несколько позднее появляются кувшины с одной ручкой. В юго-восточной части центрального Закавказья кувшины, украшенные узорами, наведенными лощением и штампом, широко распространены, и они имеют, кроме того, характерную деталь - украшение ручки путем ряда находящихся друг на друга вдавленных треугольников. Скульптурные украшения керамики встречаются очень редко; на одном сосуде из Лениканского района имеется целая сцена жертвоприношения барана, а на, сосудах из Аллавердского района имеются ручки в виде реалистически выполненных фигур животных и рельефное изображение змеи на тулове. Я не буду останавливаться на других ремеслах эпохи бронзы, на обработке камня, дерева, кости и на ткачестве. Эти ремесла представлены небольшим, археологическим материалом, и рассмотрение их не выявит особенности, которые были бы характерны для эпохи бронзы именно Закавказья. Несомненно, основной формой ремесла в Закавказье того времени была металлургия, и металлические предметы,

изготовление которых требовало особых технических навыков, служили главными предметами междуобщинного обмена.

Литература

1. **Данилевский В. В.** Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий. Сб. "Археологические работы ГАИМК на новостройках", И, Изв. ГАИМК, № 110, 1935, стр. 215.
2. **Иессен А. А. и Т. С. Пассек.** Золото Кавказа, Изв. ГАИМК, № 110.
3. **Иессен А. А.** Олово Кавказа. Изв. ГАИМК, № ПО, 1935, стр. 193.
4. **Иессен А. А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, № 120, 1935.

Лекция одиннадцатая. Культ и религия эпохи бронзы

При отсутствии письменных источников и при наличии лишь археологического материала очень трудно судить о религиозных представлениях древнего общества. В этих случаях наши знания постоянно бывают односторонними.

В Закавказье большинство из раскопанных древних памятников представляет собой могильные сооружения и, изучая их, мы получаем некоторую возможность судить о древних погребальных обычаях и верованиях в загробную жизнь. Но и эти данные для реконструкции полной картины оказываются совершенно недостаточными. Этнографический материал показывает, насколько сложны и разнообразны погребальные обычаи закавказских народов.

Именно потому, что не известны погребальные обычаи и обряды древнего населения Закавказья, мы не в состоянии объяснить чрезвычайное разнообразие видов могильных сооружений. Основные два вида этих памятников - курганы и каменные ящики, без перекрывающей их курганной насыпи, имеют целый ряд подвидов, а способ захоронения, в свою очередь, бывает весьма разнообразным. В могильниках, очень близких по культуре и времени, встречаются то трупоположение, то неполное сожжение, а в некоторых случаях просто захоронение пепла в урнах. Предположение о том, что эти различия в погребальном обряде обуславливаются племенными отличиями, не всегда верны, а этнографический материал нам показывает, что способ захоронения очень часто стоит в связи с обстоятельствами смерти погребенного, не говоря уже об его социальном положении.

В Арчадзоре (Нагорный Карабах) в 1893 и 1894 гг. Э. А. Реслером были раскопаны два больших кургана, содержавшие одновременные погребения с одинаковыми по типу предметами, но совершенно отличные по обряду захоронения.

Курган № 1 заключал в себе склеп, в котором обнаружен один костяк в вытянутом положении, с большим количеством бронзовых вещей. Кроме этого, по-видимому, главного захоронения, в склепе помещались еще три костяка в скорченном положении, на головах которых были надеты шлемы из тонкого листа бронзы.

Неподалеку от кургана № 1 находился второй курган (№ 2), давший совершенно иную картину устройства могилы. В этом случае были открыты три грунтовые могилы, отходившие лучеобразно из одного центра. Две могилы содержали по одному костяку, лежащему в вытянутом положении с

большим количеством бронзовых вещей, третья могила осталась недоисследованной. Тут были найдены: меч, два кинжала, наконечники копий, золотой цилиндр из тонкого листа с выдавленными изображениями животных и др.

Таким образом, в Арчадзорском курганном могильнике были открыты два одновременных захоронения, но совершенно отличных по своему обряду, причем вещи, обнаруженные в них, отнюдь не выявляют имущественное неравенство этих двух захоронений. Невольно возникает предположение, что в этих курганах погребены лица, отличные по своему общественному положению. Так, в склепе, возможно, был похоронен вождь племени, а в грунтовых могилах члены его рода.

Надо отметить, что разнообразие погребальных памятников Закавказья и ориентировки могил в курганах изучены еще недостаточно. На основании большого материала из Ханларского могильника Я. И. Гуммелю удалось установить некоторые закономерности в расположении нескольких могил под одной курганной насыпью. Оказалось, что могилы располагаются не в соответствии со странами света, а по лучам, исходящим из одной точки. Иногда под одной насыпью находятся две группы могил, ориентированных по двум точкам.

Результаты своих наблюдений Я. И. Гуммель опубликовывал неоднократно, но форма этих публикаций и, особенно, терминология вызывали у археологов недоверие к самим наблюдениям. Точку, по которой ориентированы могилы, Я. И. Гуммель называл "солнцем кургана", полагая, что эти могилы ориентированы в связи с культом солнца, который, по его мнению, являлся основным культом среди населения древнейшего Закавказья, и на нем были основаны погребальные обряды. Привычка археологов фиксировать ориентацию костяков в древних могилах по странам света, что является характерной чертой христианских погребений, невольно обуславливала перенос солярного культа в древнейшие эпохи. И часто случается, что когда археолог не может установить закономерности положения погребенных по странам света, то он считает, что тут определенная ориентация отсутствует вовсе.

В данном же случае, несмотря на ориентацию явно не по странам света, археолог все же пытался связать ее с культом солнца. Этнографический кавказский материал отмечает нам разнообразные расположения могил, которые связаны с тем, что покойник должен быть обращен лицом или к священной горе, или к роще, или же ногами к реке и др. С учетом этих обстоятельств и установление правил расположения могил в Ханларских курганах приобретает значительный интерес. Дело в том, что та точка, по которой ориентированы могилы кургана, не теоретически установленный археологом пункт, а реально существующий, представляющий жертвенное место, отмеченное камнями, а иногда группой глиняных сосудов; по-видимому, тут же находился священный кустарник или деревцо.

Очень возможно, что курганная насыпь, перекрывающая несколько могил, группировавшихся вокруг места жертвоприношения, образовалась от слияния отдельных надмогильных холмов.

Веря в продолжение жизни и после смерти, население Закавказья начала I тысячелетия до н. э., как и раньше, клало в могилу пищу, предметы домашнего обихода и оружие, поэтому раскопки могильников дают нам многообразный материал для изучения древней культуры Закавказья. Могильники обычно располагались поблизости от селения, но в это время произошел уже отрыв типа могильного сооружения от дома, хотя прямоугольная форма больших склепов, вероятно, связана еще с формой жилища.

Предметы, положенные в могилу, не были изготовлены специально для целей погребения и, по-видимому, представляли личное имущество умершего. Орудия и оружие постоянно несут следы сработанности, а мелкие бронзовые предметы - потертости. Также и керамика из могил находит себе

полное соответствие среда материала из поселений, хотя орнаментация сосудов часто имеет смысловое, магическое значение, известное нам и по этнографическому материалу. Сходство сосудов с магическими изображениями из поселений и могильников объясняется также и тем, что в заупокойном ритуале в эпоху бронзы еще не оформились культы. Именно изображения на керамике, происходящей из поселений и из могильников Закавказья, дают нам материал для изучения религиозных представлений той далекой эпохи.

С этой стороны особый интерес представляют относящиеся к началу 1 тысячелетия до н. э. многочисленные изображения, вырезанные на черной керамике и заполненные белой массой, поздние образцы которой представляли собой керамику, изготовленную, быть может, специально для целей культа.

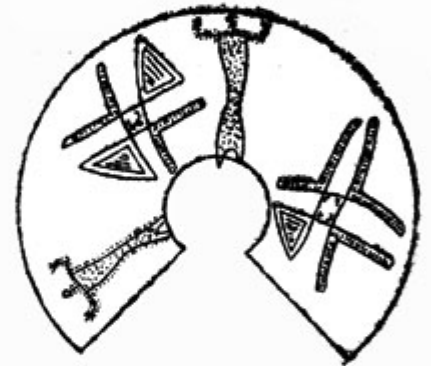
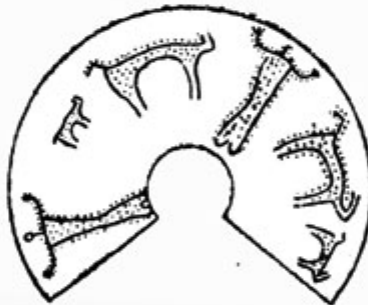
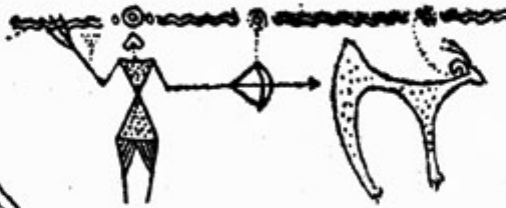

Табл. 9. Изображения на предметах эпохи бронзы, отражающие религиозные представления. В верхней части таблицы - четыре изображения на сосуде из Ханларского района (по Я. И. Гуммелю) в бронзовые амулеты из Севанского и Шамхорского районов (по Е. А. Лалаяну и А. А. Ивановскому); В средней части таблицы - три изображения на сосудах из Киликдагского могильника (по Э. Реслеру); в нижней части - изображения на бронзовых поясах (по Б. А. Куфтнуну и Е. А. Лалаяну).

На сосудах указанной группы, кроме бесчисленного количества орнаментальных узоров (меандр, зигзагообразная линия, елочка и др.), имеется большое количество символических знаков и стилизованных изображений животных. Среди символических знаков часто встречаются свастика и крест, образованный иногда четырьмя треугольниками, присоединенными своими вершинами к ромбу, представляющему сердцевину креста. Имеется целый ряд других символических знаков-дисков, с отходящими от них лучами, треугольников и сложных крючковатых фигур. В некоторых из таких знаков без труда распознается стилизованный до крайности реальный образ. Так, на керамике имеется зигзагообразная линия, (воспроизводящая змею, или же фигура из двух треугольников, соединенных вершинами, представляющая собою стилизованную фигуру животного, в частности, козла.

На керамике изображения животных принимают настолько фантастическую форму, что, не располагая мы целым рядом последовательных изменений фигуры в процессе стилизации, то никогда в этих замысловатых фигурах не смогли бы распознать реальный образ.

Этнографические материалы Кавказа и Средней Азии показывают, что очень часто линейный орнаментальный мотив связывается с каким-нибудь определенным животным, например, завитки - с козлом (стилилизация рогов), бегущая волна - с собакой, и др. То же можно наблюдать и в изображениях на закавказской керамике. Так, на одной чаше из Ханларского могильника три различные изображения животных: собака, козел и серна (?) связаны с характерными орнаментами: собака - с меандром (в резьбе на металле это будет бегущая волна), козел - с орнаментом из углов и серна (?) - с заштрихованным зигзагом, изображавшим горы.

Из числа животных наиболее часто изображаются горные козлы с большими рогами и, по-видимому, собаки. Известны лишь отдельные изображения птиц. Все фигуры составлены из прямых или (выгнутых врезанных линий, образующих контур, причем внутренняя часть фигуры заполнялась зарубками и точками.

Фигуры животных, выполненные в этом стиле, встречаются и в резьбе на металле, например, на бронзовых мечах. В могильниках часто встречаются и бронзовые статуэтки животных и птиц.

В изображениях на сосудах встречаются иногда наряду с фигурами животных также и фигуры людей. Так, в одной из могил, раскопанных Э. А. Реслером в 1899 г. на Килик-даге (около Ханлара), были обнаружены три чашки с резными узорами. На первой из них изображены две человеческие фигуры с поднятыми вверх руками, стоящие перед животными (козлами); на подобной же композиции второй чаши козы изображены с козлятами. Поза человека с поднятыми руками и развернутой ладонью на Кавказе постоянно выступает как поза магического заклинания, что подтверждается многочисленным археологическим и этнографическим материалом.

Вполне вероятно, что на приведенной композиции воспроизведены сцены магического заклинания животных, возможно обрядов, совершавшихся с целью умножения количества животных, являвшихся объектами охоты.

На третьей чаше из того же погребения на Килик-даге, имеются фигуры людей в такой же позе, как и на двух первых чашах, но эти фигуры помещены не перед животными, а перед символическими

изображениями, по форме несколько напоминающими мальтийский крест, причем в сердцевине одного из крестов помещена миниатюрная фигурка животного.

В могильнике к северу от Ханлара Э. А. Реслером был обнаружен сосуд с изображением охоты на диких козлов. На сосуде имеются две чрезвычайно схематично выполненные фигуры охотников, держащих в руках небольшие луки со стрелами, готовыми к спуску. Над обоими охотниками помещены знаки в виде сложной свастики, что указывает на религиозно-магическое осмысление и всей композиции.

Особый интерес в этом отношении представляют изображения на группе чаш, происходящих из раскопок Я. И. Гуммеля в районе Ханлара. На всех этих чашах, под венчиком помещена волнистая линия, разорванная тремя кружками. Ниже находится сцена охоты, причем особенно примечательно то обстоятельство, что фигуры охотника и козла связаны пунктиром с двумя кружками, с третьим же кружком связан лук, который держит в своих руках охотник. Совершенно несомненно, что в данном случае охотничья сцена связана с астральными и солярными представлениями. В волнистой линии под венчиком чаши следует видеть изображение неба с небесными светилами, которые, согласно религиозным представлениям, оказывали магическое действие на успех охоты.

Получается впечатление, будто бы в данном случае с солярной религией, особенно характерной для общества, основой хозяйства которого является земледелие, связываются охотничьи религиозные представления, пережиточно передающие хозяйственную основу той стадии развития общества, когда охота была основным средством добычи средств пропитания. В истории религии нам известны многочисленные примеры превращения охотничьих божеств в земледельческие. С этой стороны особенно показательным превращением в древнеегипетской религии божеств охоты в божества полей. Также очень интересны и разностадиальные образы солнечных божеств в том же древнеегипетском пантеоне. Мы можем наблюдать связную линию развития этого образа, начиная с диких животных и птиц (лев, сокол), затем домашнего скота (баран), с постепенной антропоморфизацией (боги с головами животных) вплоть до полного антропоидного образа.

Эта линия развития образа солнечного божества, особенно четко прослеживаемая в иероглифике и иконографии древнего Египта, наблюдается также и в лингвистическом кавказском материале, как это показал в ряде своих работ Н. Я. Марр, подчеркивавший особое значение на Кавказе "божества охоты".

В кавказских обычаях, связанных с охотой, очень долго существовали пережитки первобытнообщинных отношений, связанных с коллективной охотой и коллективным распределением добычи. Это отчетливо проявлялось хотя бы при дележе добычи, которая делилась среди охотников поровну, и только голова животного принадлежала тому из них, кто убил животное; добыча уделялась также всякому встречному и соседям по селению.

Охота во многих частях Кавказа до последнего времени считалась священным промыслом, связанным с различными обрядами. У абхазов, например, избегали разговоров об ушедшем на охоту и в случае необходимости говорили, что он куда-то ушел, не упоминая слова "охота".

Охотничьи культы отправлялись часто за пределами поселений в особых святилищах или жертвенных местах. Поэтому в раскопках древних поселений редко находят кости диких животных. Они хранятся в определенных местах, с чем связано представление об оживании убитого животного. Так, у абхазов существовало представление о том, что боги охоты "режут себе какое-либо дикое животное, варят его мясо и едят, а кости собирают в его кожу, ударяют палочкой, и животное снова оживает".

Разумеется, что культовые обряды, совершающиеся в определенных местах, часто одиночными охотниками, существовали и в древности, но они не представлены археологическим материалом, и мы можем их реконструировать, главным образом, по этнографическим данным.

В могилах восточного Закавказья встречаются отдельные предметы, которые можно считать охотничьими амулетами. Таковы, в частности, круглые подвески из сурьмы с изображением козлов, или диски с изображением целого ряда животных, а также бронзовые фигурки. В Закавказье начала I тысячелетия до н. э. охота не была всецело пережитком прошлой стадии развития общества, как это может показаться с первого взгляда, в эпоху бронзы произошло новое, вторичное, усиление значения охоты, что стояло в теснейшей связи с полукочевым скотоводством. При выгоне скота на горные пастбища приходилось не только оберегать скот от нападения диких животных, но и добывать путем охоты средства пропитания. Усиление значения охоты в обществе Закавказья начала I тысячелетия до н. э. отразилось и в религиозных представлениях того времени, в не случайно на древних памятниках находим такое большое количество изображений охотничьих сцен, имевших определенную религиозную значимость и стоявших в общей связи с космической религией.

Культе неба и солнца отчетливо прослеживается по памятникам из могильников Закавказья начала I тысячелетия до н. э., причем религиозная символика закавказских памятников очень близка к религиозной символике бронзового века Европы, детально исследованной Дешелеттом, что помогает нам в некоторых случаях распознавать значение древних изображений, отражающих одинаковую стадию развития религиозного мышления на Кавказе и в Европе. В громадном количестве известны круглые подвески в форме прорезных дисков, несомненно, являющихся изображением солнца. Часто эти подвески встречаются вместе с подвесками в виде фигурок птиц, но есть случаи, когда фигурки птиц помещены в верхней части этого диска (иногда двойного), около ушка для подвешивания. Птица во всех религиях тесно связана с небом и часто является формой солнечного божества, как это можно повсеместно видеть на памятниках культа эпохи бронзы.

Представление о трех космических плоскостях, о верхней--небесной, средней - земной и нижней - водной, отчетливо выступающее во многих языках Кавказа, без сомнения, восходит к глубокой древности, причем нередко эти религиозные части мира передаются образами животных.

Из сравнительного материала в этом отношении очень характерны изображения на золотых предметах из клада VI в. до н. э. в Феттерсфельде. На золотой рыбе из клада в двух плоскостях даны существа двух различных миров, в верхнем - хищники, нападающие на животных, а в нижнем - рыбы и фантастическое существо с туловищем рыбы и головой человека, летящая же птица, помещенная на хвосте рыбы, должна была, вероятно, передавать небесный мир.

Это же наблюдается и на другом предмете из клада, где изображены хищник (лев), нападающий на солнечный диск, а ниже - земные звери и рыбы. На бронзовом поясе из Калакента, происходящем из раскопок А. А. Ивановского, также изображены животные двух миров, что отмечено символическими фигурами, с ними связанными. В средней части пояса помещены фигуры бегущих хищников и козлов, причем над хищниками изображена свастика, символизирующая солнце - верхнее небо, а над козлами - змея, т. е. вода - нижнее небо. Очень возможно, что в данном случае фигура хищника имеет астральное значение, а фигура козла - хтоническое.

Изображение трех миров - небесного, земного и водного - можно усматривать в композиции на одной из сурьмяных блях Шамхорского района (раскопки А. А. Ивановского), в центре которой помещена свастика (солнце), во внутренней зоне - треугольники (горы) и фигуры оленей и козлов, а во внешней зоне - изображения птиц, по-видимому водоплавающих.

Все это находит подтверждение в кавказском фольклоре, представляющем исключительный материал для реконструкции первобытных религиозных верований древнейших эпох, которые

весьма слабо отражены изобразительными и вещественными памятниками, встреченными при археологических исследованиях.

Большой материал для изучения религиозных представлений, существовавших в восточном Закавказье во второй четверти I тысячелетия до н. э., дают бронзовые пояса, украшенные гравировкой. Они встречаются на территории всего центрального Закавказья и характеризуют определенную группу могильных памятников. Первая группа этих поясов, а именно пояса из раскопок В. Белька в Шамхорском районе, была опубликована Р. Вирховым, издавшим также два обломка поясов из раскопок в Ходжалах. Подобные памятники были известны и из района северной Армении; интересные образцы дали раскопки в Севанском районе, а в последние годы подобные памятники были найдены и на территории Грузии, в Триалети и в Самтаврском могильнике.

Пояса эти представляют собой тонкую кованую бронзовую пластину продолговатой формы, шириной до 15 см с закругленными краями. Они надевались поверх мягкого кожаного или войлочного пояса, а иногда и пришивались к нему, на что указывают отверстия по краям пластины.

Многие из поясов имеют чрезвычайно сложную композицию, выполненную гравировкой. Наиболее часты геометрические узоры, а также фигуры животных, иногда фантастических, изображения человека встречаются реже. Работы, посвященные интерпретации этих древних памятников, с полной основательностью выявили религиозную значимость помещенных на них изображений.

Совершенно несомненно, что бронзовые пояса с гравировкой, встреченные в могилах Закавказья, представляют собой не столько предметы, связанные с одеждой, сколько предметы культа.

Культ пояса на Кавказе весьма распространен. В Закавказье культовая значимость пояса проявлялась хотя бы в обычае опоясывания перед молитвой, встречавшемся почти повсеместно. Магические действия, связанные с поясом, уходят, несомненно, в глубокую древность. Опоясывание является магическим заключением себя в круг, апотропаическим действием. Ограждение себя начертанным на земле кругом или же заключением в таковой "нечистой силы" постоянно встречается в легендах и сказках различных времен и различных народов.

Эти обряды сохраняют в себе связь с астральными представлениями; лингвистический материал также подчеркивает связь пояса с небом (небо - круг - пояс).

Так, новоармянский термин *qatag* "пояс" по семантической линии соответствует древнеармянскому *katag* "свод", "арка" и персидскому *qatag qatand* "пояс", "свод", "лук", "праща", а также грузинскому *qvedi* "пояс", "радуга", "небесный свод". Эти наблюдения дополняются и тем, что в Грузии радуга называется "поясом неба" или "поясом бога Сабадзия".

Галльштаттские бронзовые пояса и сходные с ними кожаные коптские, из Египта, также носят на себе символические знаки, связанные с астральными представлениями.

При учете культовой значимости пояса, становится понятным, что пояса из древних погребений восточного Закавказья имеют изображения религиозно-магического характера. Особый интерес представляет группа поясов, найденная при раскопках в Шамхорском районе, и получившая всеобщую известность.

Два пояса этой группы заняты изображениями охоты, причем у края пояса изображена фигура охотника с луком в руках, в сопровождении собак. Несмотря на кажущийся беспорядок в размещении фигур, выгравированных на поясе, все же можно установить некоторую закономерность в их расположении. Фигуры даются построчно в три ряда, причем порядок животных в рядах одинаков. Это отчетливо видно на примере обломка пояса с изображением трех идущих фазанов.

Изображение охоты известна нам и на поясе, происходящем из Триалети. Там также изображены охотники с луками в руках, охотящиеся на диких зверей. Но было бы совершенно неверным видеть в этих композициях сцены реальной охоты, чему противоречили бы многие из элементов этой сложной композиции.

Так, на поясе из раскопок В. Белька с изображением ряда оленей, идущих друг за другом, над рогами одного из них помещен перекрещенный круг. На другом поясе среди фигур животных помещены следующие отдельные знаки: голова быка, спираль, двойная спираль, бегущая спираль, соединенные друг с другом овалы и фигура в виде щита. Несомненно, это символические знаки, связанные, вероятно, с астральными представлениями.

На целой группе бронзовых поясов, происходящих, главным образом, из центрального Закавказья, имеются стилизованные фигуры чудовищ с оскаленными пастьями, иногда с этими чудовищами борется человек. Так, на обломке пояса из раскопок Э. А. Реслера в Ходжалах мы видим сцену именно такой борьбы.

Большой интерес для изучения первобытной религии представляют пояса с изображением охоты, где в качестве охотника изображен не человек, а фантастическое зооморфное существо. На поясе из раскопок Ж. де-Моргана в Ахтале охотники, вооруженные большими луками, имеют птичьи головы. Может возникнуть предположение, что в данном случае мы имеем охотников, наряженных в маски, но этому будет противоречить трактовка ног, с носками, опущенными вниз, т. е. совершенно отличная от изображения человеческой ноги с характерной обувью, имеющей носки, загнутые не книзу, а как раз наоборот, вверх. На обломке пояса из Севанского района (раскопки Е. А. Лалаяна), хранящемся в Музее Грузии, фигуры охотников также имеют головы животных, но особый интерес этого пояса заключается во всей композиции в целом. Перед правым охотником изображен круг с вписанной в него четырехлучевой звездой, а левый охотник следует за двумя лошадьми, соединенными одна с другой, причем над лошадьми находится изображение летящей птицы. Таким образом, рассмотренное изображение представляет собой чрезвычайно интересную композицию религиозной значимости, в которой особое значение имеют зооморфные существа, возможно, являвшиеся божествами лесов, покровителями охотников.

Этнографические материалы свидетельствуют нам о таких божествах, очень обычных в кавказской мифологии. По верованиям абхазов боги зверей и охоты живут в дремучих лесах. Им подчинена вся дичь, и без их воли она никому не достается. Надо полагать, что в восточном Закавказье, богатом в начале I тысячелетия до н. э. дремучими лесами, божества этих лесов занимали особое положение в первобытной религии.

При попытке объяснения изображений на древних предметах, большое значение могут иметь сказки и легенды Кавказа, пережиточно сохраняющие древние представления. Так, на одном топоре из Кобанского могильника (Северная Осетия)

оказалась сцена борьбы охотника, вооруженного луком, с семью змеями. Соответствующий рассказ о борьбе героя с семью змеями сохранил нам широко распространенный на Северном Кавказе эпос об Амране, уходящий своими корнями в глубь веков, и в изображении на Кобанском топоре, вероятно, следует видеть иллюстрацию к одной из легенд, вошедших в состав эпоса.

К сожалению, среди известных нам древних памятников, дошедших от этого времени, не имеется совершенно остатков святилищ и культовых мест, так что весь материал, которым можно воспользоваться для реконструкции религиозных верований, ограничивается исключительно предметами, найденными в могилах, и изображениями на них. Поэтому совершенно понятно, что мы не можем дать полную картину этой стороны жизни древнейшего населения Закавказья.

Рассмотренный материал показывает, что в своей основе религия восточного Закавказья начала I тысячелетия до н. э. была теснейшим образом связана с охотой. Но наряду с этим в жизни Закавказья большое значение имели космические культы, оказавшие существенное влияние и на развитие древней охотничьей религии, причем в зооморфных образах часто выражались космические представления. Символика и отдельные амулеты, как например, подвески в форме прорезных дисков, свидетельствуют о большом значении культа солнца, который становится одним из основных культов.

Наряду с культом диких животных, связанным с тотемизмом и охотничьей магией, встречаются культы домашних животных, в частности быка, получившие астральное значение, что является весьма характерным для той стадии развития человеческой культуры, которую обычно называют "бронзовым веком".

Лекция двенадцатая. Урарты в Закавказье

Продвижение урартов на север в страны Закавказья началось в конце IX в. до н. э. Походы эти имели целью присоединение к Ванскому царству плодородной Араратской равнины и захват скота в горных районах.

Урартские надписи конца IX в. до н. э. рассказывают о направлении в Закавказье войска, состоявшего из 66 колесниц, конных отрядов (число их не сохранилось) и 15760 человек пехоты.

Урартский царь Менуа, сын Ишпуина, довел границы своего государства до Аракса, на северных отрогах горы Арарат построил он свою крепость и назвал ее "Менуахинили" ("постройки Менуи"). Этот первый из урартских административных центров Закавказья был основан на месте покоренного города Лухиуни, города закавказского князя Иркуа.

Важное стратегическое значение Менуахинили подчеркивается неоднократным упоминанием об этой крепости в урартских клинообразных надписях, и действительно она служила базой при дальнейшем движении урартов на север, через Араке.

Аргишти, сын Менуи, во второй четверти VIII в. до н. э. присоединил к Ванскому царству всю Араратскую равнину и свой административный центр перенес уже на левый берег Аракса. На холме, господствующем над всей равниной, называемом ныне Армавиром, по имени древней армянской столицы, находившейся на этом же холме, Аргишти построил свою крепость, назвав ее "Аргиштихинили".

На протяжении почти что всего VIII в. до н. э. Аргиштихинили был основным и единственным урартским административным центром в Закавказье. В крепости жил урартский наместник, находился большой гарнизон, из нее снаряжались походы в страны Закавказья, не присоединенные к Урарту, в нее стекалась собранная в Закавказье дань.

Археологические раскопки "а месте Аргиштихинили обнаружили остатки урартских крепостных построек, а на холме и в его окрестности было найдено 14 клинообразных надписей урартских царей Аргишти I и его сына Сардура II. Эти надписи рассказывают о больших строительных работах, проведенных урартами в районе своего административного центра, о постройке крепостей и храмов, проводке каналов, о разведении садов и виноградников, а также об обширных полях с посевами.

Араратская равнина стала одним из центров земледельческой и садоводческой культур, и в Аргиштихинили скоплялись большие богатства, хранившиеся в кладовых крепости. Из Аргиштихинили совершались походы в страны Закавказья по двум основным направлениям: на северо-восток, по р. Занге к оз. Севан и на север, за гору Арарат. Урартские крепости и клинообразные надписи, как "верстовые столбы" отмечают эти два пути. Ближайшая от административного центра крепость находилась у начала предгорий на холме, называемом Ганли-тапа, или Аринберд (окраина Еревана). На холме сохранились остатки мощных стен из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, а в 1894 г. около крепости был найден камень из кладки стены со строительной надписью Аргишти, сына Менуи. Вверх по р. Занге, примерно в 15 км от Еревана, около с. Элар, уже давно была открыта другая надпись Аргишти, вырезанная на скале и рассказывающая о захвате страны Улуани и города Дарани, развалины которого сохранились неподалеку от надписи.

Третья надпись Аргишти была открыта у сел. Ордаклю, на северо-западном побережье оз. Севан. И тут, в непосредственной близости к надписи, оказались развалины большой древней крепости, занимавшей целую группу невысоких холмов, подступающих к неширокому низменному побережью.

Захватом этой территории урарты перерезали основной путь, связывающий центральное Закавказье с восточным и шедший по западному и южному побережью оз. Севан.

Второе направление урартских походов, снаряжавшихся в Аргиштихинили, прослеживается на север. На северо-западном склоне Арагац была обнаружена клинообразная надпись, рассказывающая о походе в страну Кулиани и захвате города Дурубани, а вторая надпись, на берегу р. Арпачая, около сел. Ганлиджа, содержит сведения о завоевании страны Эриах. О больших военных успехах урартов в Закавказье говорит также Хорхорская летопись, на южной стороне Ванской скалы, содержащая описание событий за 14 лет правления Аргишти, сына Менуи. В это время, в первой половине VIII в. до н. э., после успешной борьбы с Ассирией, Ванское царство получает главенствующее положение среди других государств Передней Азии. Прочно закрепляется власть урартов в Закавказье и в приурмийском районе, успехом завершаются походы на запад, в северную Сирию, которая становится зависимой от урартского государства.

Сардур, сын Аргишти, продолжал дело отца по расширению границ своего царства. Он укрепляет власть не только в западных областях Урарту, но проводит также дальнейшие завоевания в Закавказье и овладевает всем побережьем оз. Севан. В Ване был найден обломок каменного памятника, на боковой части которого сохранился следующий текст: "Бог Халд выступил, великого милостью покорил он Мурины, царя страну Уеликухи, покорил он Циналиби, сына Луеху, царя страны города Тулиху, покорил он Ашурнирари, сына Ададни-рари, царя страны Ассирии, покорил он страну Арме, покорил он страну царского города Нихириани. Преклонились они перед Сардуром, сыном Аргишти".

Этот текст рассказывает о двух походах, весеннем и осеннем, первый был направлен в Закавказье, на западное побережье оз. Севан, а второй против Ассирии в страны верхнего течения р. Тигра.

Местоположение стран Уеликухи и города Тулиху хорошо определяется клинообразными надписями, открытыми в Закавказье. Уеликухи находилась в районе современного города Нор-Баязет, над которым, на скале, возвышаются развалины главного города этой страны, города бога Халда, а страна города Тулиху располагалась у юго-западной части озера. На скала у сел. Атамхан еще в 1863 г. была открыта надпись Сардура, рассказывающая о том же факте, что и надпись из Вана. *"..Сардур, сын Аргишти, говорит: город Тулиху, царский город Циналиби, сына Луеху, в битве я взял, царя, мужчин и женщин я увел"*.

Для изучения истории Ванского царства времени правления Сардура, сына Аргишти, особое значение имеет памятник, открытый И. А. Орбели в 1916 г. в одной из ниш на северном склоне Ванской скалы. Надпись на памятнике в 265 строках текста содержит описание военных походов Сардура за восемь лет его царствования. Много места в этой летописи уделено описанию урартских походов в Закавказье. Этот текст рассказывает об упорном сопротивлении закавказских племен и о неоднократных походах, направляемых в некоторые страны. Летопись от лица царя рассказывает:

"Сардур говорит: в том же году, третий раз направился я в страну Эриах, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну (центральную часть Урарту), крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому Сардур говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 15 553 женщин угнал, всего 21 989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37 685 овец я угнал" (IV, 19-33).

Летопись Сардура перечисляет ряд стран, покоренных в районе оз. Севан; среди них названа и страна Аркукини. Местоположение этой страны определяется бесспорно: она являлась крайней страной юго-восточного побережья озера, замыкавшей доступ в восточное Закавказье. У сел. Загалу, на скале, преграждающей проход по берегу, сохранились развалины большой крепости, около которой находится клинообразная надпись, самая восточная из известных урартских надписей, рассказывающая о покорении Сардуром страны Аркукини.

Постоянные военные походы урартов в страны горного Закавказья опустошали целые области. В центральную часть Ванского царства угонялись громадные стада скота, жители покоренной страны частью убивались, частью уводились рабами в Урарту, а некоторая часть населения побежденной страны со всем своим имуществом переселялась на другие места, иногда чрезвычайно отдаленные от родины. Таким мероприятием, переселением побежденных из одной области в другую.

Преследовалась цель ослабления племенных союзов, т. е. объединений родственных друг другу племен. Эта же политика переселения создавала и чрезвычайную пестроту этнического состава Ванского царства, так как переселенцы в центральную часть Урарту причислялись к тем, кого урартские надписи называют "биайнцами", т. е. урартами.

Покоренные области включались в состав Ванского царства, что в летописях выражалось фразой "страну в мою включил". В присоединенные области назначались наместники, обычно военачальники, становившиеся полными хозяевами страны, они следили за порядком, за выполнением строительных и воинских повинностей, а также за своевременной уплатой податей и налогов. Урартские наместники назначались и в те страны, где сохранялся местный правитель, изъявлявший покорность урартскому государству.

Система управления на местах и разделения Ванского царства на отдельные округа наместничества, была проведена с большой последовательностью, но все же, несмотря на эту организацию управления, окраины Урарту никогда не были надежными. Там постоянно вспыхивали восстания отдельных племен, объединявшихся иногда даже в союзы против Урарту. О такой непрочности государства свидетельствуют неоднократные походы урартов в те районы, которые уже раньше были присоединены к Ванскому царству. Так, летопись Аргишти рассказывает о походах в страны, которые были уже завоеваны Менуа, а летопись Сардура указывает на то, что ему приходилось заново закреплять завоевания Аргишти и неоднократно снаряжать походы в уже присоединенные ранее к Урарту страны.

Большая подвижность этих непокоренных мелких племен, обычно скотоводческих, очень затрудняла борьбу с ними, и когда приходили урартские войска для их усмирения, то они легко снимались с

места и уходили в горы, как говорилось в ассирийских летописях "улетали подобно птицам" или "уплывали подобно рыбам".

При ослаблении урартской государственной власти племена закавказских стран, приведенные в покорность лишь силой оружия, легко восставали и возвращали свою прежнюю независимость. Так было и в конце царствования Сардура, сына Аргишти.

В середине VIII в. до н. э. Ванское царство находилось в зените своего могущества, и Сардур по праву носил титулы "царя страны стран" и "царя царей". Господство Ванского царства в Передней Азии не встречало противодействия. В начале второй половины VIII в. до н. э. положение дел в Передней Азии существенно изменяется. В 745 г. до н. э., после восстания в Кальху, на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III, который, произведя коренную реформу административного управления и военных сил своей страны, приступил к восстановлению прежних границ Ассирии и к возврату потерянных владений, в первую очередь, в северной Сирии, через которые шли все торговые сношения с Малой Азией.

Поход Тиглатпаласара III в северную Сирию окончился полной победой ассирийцев над войсками Сардура, который принужден был вернуть эти области Ассирии.

После этого крупного успеха Ассирия стала готовиться к походу в Ванское царство, осуществленному в 735 г. до н. э. Сардур не смог оказать своему врагу достаточного сопротивления, и ассирийские войска, пройдя с запада через всю территорию Урарту, вступили в его центральную часть и осадили столицу - город Тушпу (на восточном берегу оз. Ван). Разрушив город у подножья Ванской скалы, ассирийцы все же не смогли взять хорошо защищенную крепость, в которой отсиживался Сардур. Тиглатпаласару пришлось снять осаду и вернуться в свою страну. Поражение войск Сардура имело для Урарту очень тяжелые последствия. В связи с ослаблением урартской государственной власти произошел распад Ванского царства, и многие из стран, входивших в его состав, в частности страны Закавказья, покоренные силой оружия, вернули свою независимость. В этот момент в яркой форме проявилась непрочность государственного объединения Урарту, характерная черта всех государств древнего Востока.

Руса, сын Сардура, вступил на урартский престол около 730 г. до н. э., в тяжелое для Ванского царства время. Кроме собирания воедино земель, отпавших от Урарту после 735 г. до н. э., ему пришлось также вести упорную и очень обостренную борьбу с наместниками областей, стремившихся к самостоятельности. Об этой борьбе, доходившей временами до прямых мятежей военачальников против урартской государственной власти, подробно говорят письма ассирийских разведчиков, хранившиеся в ассирийском царском архиве в Ниневии. Руса продолжал политику Сардура по расширению границ Ванского царства и укреплению государственной власти на окраинах. Главное его внимание было обращено на Закавказье и приурмийский район, на севере своего царства он должен был обеспечить защиту его границ от вторгнувшихся в Переднюю Азию киммеров, а на юго-востоке создать подготовку военных действий с Ассирией, которые неминуемо должны были разразиться. В Закавказье при Русе I произошли большие изменения. Аргиштихинили, прежде единый урартский административный центр всего Закавказья, теперь потерял это свое положение. Закавказье было разделено на несколько округов, во главе которых стояли самостоятельные наместники. В этом разукрупнении административного управления на окраинах Ванского царства выразились необходимые мероприятия, направленные - против усиления наместников.

В Закавказье Руса I проводит широкое строительство, не ограничиваясь территорией Араратской равнины; некоторые из выстроенных им крепостей становятся местопребыванием наместников. В Севанском районе известны две крепости, построенные урартами и связанные с клинообразными

надписями, одна из них называлась "город бога Халда", а вторая "город бога Тейшебы" (Тейшебаини).

Первая из них находилась на высокой скале, над нынешним городом Нор-Баязет. На камне из крепостной стены сохранился клинописный текст следующего содержания: "...*Руса сын Сардура говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом взял в плен, страну во владение захватил, наместника сюда поставил, ворота бога Халда и крепость мощную построил, назвал (ее) "тюродом бога Хадда"* Значительная по площади крепость, имеющая в плане, соответственно рельефу местности, вытянутую форму, разделялась поперечной стеной на две неравные части. Восточная ее часть, меньшая по площади, но обнесенная более мощной стеной, представляла собою, вероятно, цитадель, в которой помещался урартский гарнизон и жил наместник, заменивший уведенного в плен правителя страны Уеликухи.

Вторая урартская крепость, связанная с надписью Русы I, находилась на южном побережье оз. Севан, на возвышенности, перерезающей низменный берег озера (между современными селами Цовинар, б. Келагран, и Алугалу). В этой крепости (Тейшебаини), в северо-западной части, наиболее возвышенной является цитадель, обнесенная со всех сторон стеной. На крепостной скале, над водой озера, имеется большая клинообразная надпись, неоднократно привлекавшая внимание исследователей. Эта шюхо сохранившаяся надпись рассказывает о покорении 23 стран, которые разделены на две группы, из 4 и из 19 названий. Первая группа, по-видимому, включает в себе названия приозерных стран - Адахуни, Уеликухи, Кумерухи и Аркукини, из которых местоположение двух стран, а именно Уеликухи и Аркукини, устанавливается по клинописям, сооруженным в этих странах. Заключительные строки надписи говорят о военных успехах урартов и о постройке мощной крепости, названной городом бога Тейшеба, бога войны и бури.

Восстановленная Русой I урартская государственная власть в Закавказье снова пошатнулась в 714 г. до н. э., когда ассирийские войска царя Саргона нанесли урартам жестокое поражение и победоносно прошли по всему Ванскому царству. На обратном пути в Ассирию Саргон разгромил город Мусасир, защищавший центральную часть Урарту с юга, и захватил там несметные сокровища. Летописи Саргона рассказывают о том, что когда "*Руса, правитель Урарту, услышал, что Мусасир разрушен, его бог Халд увезен, то собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни*". С этого времени Ванское царство окончательно потеряло свое главенствующее значение среди государств Передней Азии, но, оправившись от тяжелого положения, продолжало еще существовать около 130 лет и даже пережило своего постоянного врага-Ассирию. В истории Урарту был еще один период культурного и политического подъема при долголетнем правлении царя Русы II, сына Аргишти, современника ассирийских царей Асархаддона и Ашурбанипала.

Неофициальные ассирийские документы, вопросы Асархаддона богу Шамашу, передают тревогу ассирийского царя относительно замыслов Русы, правителя Урарту, действия которого беспокоили его не меньше чем действия киммеров, мидян и манеев. Ассирийцы, по-видимому, не желали вести открытую борьбу с Ванским царством, но и урарты, в свою очередь избегали военных столкновений с Ассирией.

Период правления Русы, сына Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.) по дошедшим клинописным источникам представляется периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Урарту. Этот период истории Урарту хорошо представлен археологическим материалом, происходящим из центральной части Ванского царства и из Закавказья. Урартские надписи рассказывают о больших строительных работах Русы II на севере своего государства и, в частности, в Закавказье. Об этом подробно говорит надпись, открытая в Маку, к северо-востоку от оз. Ван, а также большой памятник, обнаруженный при раскопках Звартноца, древнего армянского храма VII в. около Эчмиадзина. Эта базальтовая стела, высотой в 2.7 м, содержит 45 строк клинописного текста, рассказывающего о крупных строительных работах, проведенных урартами на Кутурлинской

равнине, т. е. на правом берегу р. Занги. В надписи говорится о постройках, разведении садов, виноградников, о полях с посевами и о проводке канала от р. Ильдаруни (т. е. Занги). Канал, упомянутый в надписи, сохранился и до наших дней, это большой тоннель, находящийся напротив Кармир-блур, пробитый в толще анде-зитобазальтовой скалы. В настоящее время он расширен, и по нему идет вода Эчмиадзинского оросительного канала.

Звартноцкая клинообразная надпись говорит, таким образом, о больших работах урартов около административного центра - города Тейшебаини, мощные остатки цитадели которого сохранились на холме Кармир-блур. Во второй период истории Ванского царства, после проведения реформы - разукрупнения наместничеств, город Тейшебаини заменил по своему положению прежний административный центр - Аргиштихинили.

Из района Армавира известна лишь одна надпись, относящаяся ко времени после Сардура II. Это небольшая надпись последнего урартского царя Русы III, сына Эримены (начало VI в. до н. э.), рассказывающая о постройке крепости.

Раскопки крепости на Кармир-блуре дали яркую картину урартской культуры VII в. до н. э. в ее взаимоотношении с местной закавказской. Эти взаимоотношения Ванского царства с племенами древнего Закавказья имели, несмотря на жестокую эксплуатацию со стороны урартского государства, большое значение для развития общества в Закавказье.

После того, как некоторые страны Закавказья стали частью Ванского царства, урарты в своей деятельности опирались на местных правителей и на тот слой, на основе которого нарождался господствующий класс. Этой своей политикой они ускорили процесс классовообразования.

Большое влияние оказало также Ванское царство и на развитие материальной культуры древнейшего Закавказья. Урарты проводили строительные работы, совершенствовали оросительную систему, вводили новые сорта земледельческих культур (просо, кунжут, и др.), разводили плодовые сады и виноградники. Содействовали они также развитию металлургии, в частности, освоению железа, расширяли меновые отношения с теми областями Закавказья, которые не были подчинены урартам.

Культурным влиянием и наследием Урарту пользовались не только жители южного Закавказья, но и население других областей Закавказья и Северного Кавказа, связанных друг с другом и имевших одинаковую культуру, определявшуюся одинаковой ступенью их общественного развития.

Таким образом, влияние урартской культуры имело значение для истории всего Закавказья в целом.

Через Урарту и Закавказье осуществлялись также связи скифов с высокой культурой древнего Востока.

Литература

1. **Капанцян Г. А.** История Урарту. (На арм. яз.). Ереван, 1939.
2. **Марр Н. Я.** и **И. А. Орбели.** Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, 1922.
3. **Мещанинов И. И.** Восточное Закавказье времен халдских завоеваний. Вестн. древн. ист., 1937, № 1.
4. **Мещанинов И. И.** Халдоведение. Баку, 1927.
5. **Никольский М. В.** Клинообразные надписи Закавказья. Мат. По археолог. Кавказа, V, 1896.
6. **Пиотровский Б. Б.** История и культура Урарту. Ереван, 1944.
7. **Пиотровский Б. Б.** Урарту. Древнейшее государство Закавказья. 1939.
8. **Струве В. В.** История древнего Востока, 1940.

Лекция тринадцатая. Раскопки крепости Кармир-блур

Из урартских крепостей Закавказья в настоящее время наилучше изучен Тейшебаини (город бога Тейшебы), развалины цитадели которого сохранились на холме Кармир-блур, на левом берегу р. Занги, ниже Еревана.

К крепостному холму с запада и юга примыкают остатки большого города, занимавшего территорию площадью около 40 га. Уже несколько лет подряд археологической экспедицией Академии Наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа ведутся систематические раскопки этого урартского административного центра в Закавказье, которые дали богатейший материал для изучения взаимоотношений в VII в. до н. э. племен южного Закавказья с урартским государством.

Крепость на Кармир-блуре находилась на северной границе Араратской низменности, - района Закавказья, прочно освоенного урартами, и из цитадели на вершине холма была прекрасно видна вся низменность и крепость Аргиштихинили, древний урартский административный центр, созданный еще Аргишти, сыном Менуи.

В последний период истории Урарту, после реформы, выразившейся в разукрупнении наместничеств на окраинах Ванского царства, город Тейшебаини заменил прежний административный центр Аргиштихинили. Тейшебаини стал служить местопребыванием урартского наместника и в него начала поступать собранная в Закавказье дань, которая затем отправлялась в Биайну, центральную часть Урарту.

Вокруг цитадели, где находился дворец наместника, располагался город с большими прямыми улицами и постройками, характерными для древневосточных городов. Городские кварталы имели однотипные, связанные общими стенами, но обособленные друг от друга жилища, перекрытые одной крышей. Отсутствие в жилищах помещений для скота, а также комнат хозяйственного назначения, свидетельствует о том, что жители города не занимались непосредственно сельским хозяйством. По-видимому, горожане, переселенные в уже построенный город, и помещение для жилья и пропитание получали от урартской администрации. В Тейшебаини жили воины урартского гарнизона со своими семьями, чиновники и многочисленные ремесленники крепостных мастерских, перерабатывавших поступающую дань. Остатки таких мастерских были открыты при раскопках. В цитадели обнаружено два помещения, где изготовлялось кунжутное масло, в одном из них находился каменный чан для размачивания кунжутных зерен, а также каменные ступки и зернотерки для очистки зерен от шелухи, в другом смежном помещении оказались большие запасы кунжутного жмыха, т. е. отходов производства. Таким образом, поступающий в крепость кунжут перерабатывался в масло и уже в таком виде транспортировался в центральную часть Урарту. Находки большого числа слитков бронзы определенных форм, распиленных заготовок оленьих рогов, мотки ниток и др. говорят о различных видах ремесла. Ванское царство при наличии богатых месторождений железа испытывало нужду в меди, которая доставлялась из других стран Передней Азии. При продвижении урартов в Закавказье медь стала одним из видов добычи, но она шла в Биайну не в виде руды, а в виде определенной формы слитков, возможно, полученных даже от переплавки бронзовых закавказских изделий. Таким образом, по данным раскопок Тейшебаини вырисовывается как центр развитого ремесла, который определенно оказывал некоторое влияние на развитие культуры в других районах Закавказья, входивших в состав Урарту.

На месте этого города в более раннее время существовало поселение, которое, по-видимому, было целиком снесено при постройке урартского города и крепости. На территории города имеется более ранний, доурартский материал, встречающийся также в засыпке полов помещений цитадели, а к югу

от внешней городской стены был раскопан древний могильник, с черной лощеной керамикой позднебронзовой эпохи, с небольшим количеством металлических предметов, при отсутствии железа. На доурартское время этого могильника указывают также обсидиановые наконечники стрел, но возможно, что некоторая часть погребений окажется одновременной урартам.

При раскопках Тейшебаини основное внимание было направлено на исследование цитадели, где уже в первый год работ были открыты остатки громадного, сравнительно хорошо сохранившегося здания, имевшего не менее 120 помещений и занимавшего площадь около 16 000 кв. м.

Западный фасад здания выходил на большой, огражденный стеной двор, имевший двое ворот - основные, хорошо укрепленные ворота в южной части двора и небольшие ворота с проездом для повозок и калиткой для пешеходов в северо-западной части цитадели. Стены здания сложены из крупных сырцовых кирпичей на цоколе, высотой около 2 м, сооруженном из громадных грубообработанных камней. Толщина внешней стены достигала 3.5 м, а внутренней 2.1 м, в чем ярко выражен преувеличенный запас прочности, характерная черта древневосточной архитектуры. И по своим формам это здание, являвшееся одновременно и крепостью и дворцом урартского наместника, было близко к древневосточному зодчеству. Его прямолинейный фасад разбивался контрфорсами, а углы здания имели массивные башни; окна располагались в верхней части стены, под самым перекрытием. Все здание имело вид монументального уступчатого сооружения, так как его комнаты, соответственно склону холма, располагались на различных уровнях и окна выше расположенных комнат выходили на плоское перекрытие следующего уступа.

Раскопками в настоящее время исследована только одна часть цитадели, содержащая комнаты хозяйственного назначения и кладовые. В кладовых и жилищах во дворе цитадели обнаружены большие запасы хорошо сохранившихся зерен разных видов ячменя и пшеницы, двух видов проса и зерна кунжута. Найдены также хорошо сохранившиеся остатки хлеба, выпеченного из просяной муки, и удлиненные сосуды, в которых приготавлился солод для пива, в одном случае из ячменя (ячменное пиво), а в другом случае из мелкого проса-магара (магарыч). В сосудах, стоявших около очагов в жилищах, оказались также зерна мелких бобов и чечевицы. Таким образом, весь комплекс земледельческих культур, открытых на Кармир-блуре, совпадает с ассирийскими. Наряду с аборигенными культурами ячменя и пшениц, связанных еще с земледелием эпохи бронзы, в урартское время в Закавказье появились или, во всяком случае, получили широкое распространение культуры проса и кунжута. На садоводство указывают косточки винограда, сливы-алычи и остатки корок и косточек граната.

В прошлой лекции упоминалась каменная стела урартского царя Русы, сына Аргишти, найденная в Звартноце и рассказывающая о больших земледельческих работах, о полях с посевами, виноградниках и садах на Кутурлинской равнине, по-видимому, на противоположном Кэрмир-блuru берегу р. Занги. В той же надписи имеются сведения о проводке канала от р. Ильдаруни. Этот канал, связанный с тоннелем,

сохранился и донныне. Канал высечен в толще андезито-базальтов, как раз напротив Кармир-блuru. Как в древности, и теперь он орошает поля правого берега р. Занги. Это нет единственный случай использования древних урартских сооружений для современного земледелия. Вспомним хотя бы знаменитый канал Менуи (ныне "канал Шамирам"), подводивший питьевую воду к урартской столице, городу Гушпе, а ныне орошающий поля и сады города Вана.

Постройка цитадели на Кармир-блуре связана с именем Русы, сына Аргишти, установившего в середине VII в. до н. э. Звартноцскую стелу. Еще в 1936 г. до начала раскопок на холме был найден обломок камня с остатками клинописного текста, содержавшего имя этого царя, а через 10 лет, уже при раскопках одной кладовой, была обнаружена часть бронзового запора (накидная петля) с короткой клинообразной надписью: "Русы, сына Аргишти, крепость города Тейшебаини". Этот

лаконический текст подтвердил нам датировку раскопанной части цитадели серединой VII в. до н. э. и, кроме того, раскрыл древнее урартское название крепости, связанной с именем бога Тейшебы, одного из главнейших богов урартского пантеона, бога войны, грома и бури, бронзовая статуэтка которого была найдена в одной из кладовых крепости.

Раскопки Кармир-блур дали громадный археологический материал, характеризующий культуру урартской крепости: последнего периода истории древневосточных государств Передней Азии. Раскопки дали нам также и первоклассные памятники урартского искусства. В 1940 г. был обнаружен крупный, диаметром около метра бронзовый щит декоративного назначения, на борту которого сохранилась двустрочная надпись урартского царя Аргишти, сына Менуи (вторая четверть VIII в. до н. э.). Этот щит по форме очень близок к бронзовым щитам, найденным на Топрах-кале, около Вана, с той только разницей, что он не имеет гравированных изображений львов и быков, которыми так богато украшены щиты из Вана.

В 1947 г. при раскопках одной кладовой был обнаружен замечательный бронзовый шлем, покрытый тонкими изображениями. Лобная часть шлема занята изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам богами, безбородыми, в рогатых шлемах и бородами крылатыми керубами. Все эти изображения обрамлены фигурами змей с собачьими головами, представляющими магическую защиту от злых сил. Затылочная и височная части шлема украшены двумя рядами урартских боевых колесниц и всадников. Воины имеют шлемы, подобные найденному, и круглые щиты. На нижнем крае шлема помещена клинообразная надпись, рассказывающая о том, что этот замечательный памятник урартского искусства относится к посвячительным дарам царя Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.).

Изображения урартских боевых колесниц и всадников, аналогичные помещенным на шлеме, имеются еще на двух бронзовых колчанах ассирийской формы. Эти замечательные урартские памятники, имеющие надписи выдающихся урартских царей VIII в. до н. э., вероятно, были перенесены в Тейшебаини из Аргиштихинили, после того как первоначальный урартский административный центр в Закавказье потерял свое былое значение.

В дворцовых помещениях и в жилищах во дворе цитадели было обнаружено большое количество глиняных изделий и металлических предметов, бронзовых и железных.

Керамика, найденная при раскопках Кармир-блур, отличается большим разнообразием. Кроме урартских сосудов, красных лощеных, имеющих иногда клейма с урартскими иероглифическими знаками, встречается большое количество местных закавказских керамических изделий, отличающихся все же от образцов позднебронзовой эпохи. Встречена грубая черная керамика, украшенная гребенчатым штампом, семячковым или волнообразным узором, имеются серые широкие чаши, подобные тем, которые были найдены при раскопках Цовинарской крепости, на южном берегу оз. Севан. Но связь керамических изделий из Кармир-блур с закавказскими особенно выступает на примере кувшинов красного или серого цвета, украшенных линейным орнаментом, выполненным лощением, и имеющих ручки с характерным узором в виде вдавленных треугольников. Такие сосуды были обнаружены при раскопках могильника в сел. Головино (около Делижака) и в Севанском районе (раскопки Е. А. Лалаяна). Близкая керамика имеется и в могильниках VII-VI вв. в долине реки Дебед, исследованных Ж. де-Морганом. В этих могильниках имеются также металлические предметы, сходные с кармир-блурскими, как бронзовая фибула с широкой, плоской дужкой и, особенно, железные орудия и оружие.

Железные предметы представлены в раскопках Кармир-блур большим количеством образцов. Имеется длинный железный меч, короткие мечи с расширением в нижней части, крупные наконечники копий с длинными втулками и наконечники стрел с длинными стержнями для насадки. Наряду с урартскими железными наконечниками стрел, на Кармир-блуре найдены также

характерные бронзовые наконечники стрел со стержнем для насадки, обычного закавказского типа. Но особое распространение среди железных урартских изделий имеют кривые ножи и изогнутые серпы. Все эти формы железных предметов хорошо нам известны по раскопкам на Топрах-кале, в центральной части Урарту, и нет сомнения, что самые древние железные предметы в Закавказье происходили или же непосредственно из Ванского царства или же из урартских административных центров в Закавказье.

Раскопки на Кармир-блуре устанавливают также и тот факт, что с этими урартскими центрами были связаны скифы Северного Кавказа, получавшие в начале VII в. до н. э. через Закавказье железо. В помещениях цитадели, в кладовых, были найдены конские железные удила, с характерными скифскими костяными псалиями, украшенными копытами и бронзовыми пряжками для ремней в виде птичьего клюва, бронзовые трехгранные наконечники стрел с шипом на втулке, отдельные бусы и вырезанные из рога головки грифонов. Подробнее на этих скифских предметах из раскопок Кармир-блур мы остановимся в следующих лекциях, при рассмотрении культуры Закавказья конца VII и начала VI вв. до н. э. при выяснении роли и участия скифов в разгроме государств древнего Востока.

Археологические исследования Тейшебаини устанавливают связи этого урартского административного центра со многими странами древнего Востока. В разных комнатах дворца найдено 9 цилиндрических каменных, пастовых и керамических печатей с изображением мифологических сцен и богов, тождественных с теми, которые были найдены в Ассирии, а также сердоликовые и агатовые бусы, несомненно, ассирийского происхождения. Следует заметить, что агатовая буса из Ходжалов с именем ассирийского царя Ададнирари, по материалу и технике изготовления совершенно совпадает с агатовыми бусами из Кармир-блур. В одной кладовой среди большого количества бронзовых изделий была найдена бронзовая желобчатая чаша-фиала ассирийского типа и золотые серьги очень тонкой работы, украшенные зернью. Такие серьги в VIII-VI вв. до н. э. известны в большом количестве в Средиземноморье и оттуда уже очень рано они проникли в Переднюю Азию и Иран (Сиалк, около Кашана), а позднее распространились на весьма обширной территории, связанной с греческой колонизацией. На связи с Малой Азией и Египтом указывают характерные пастовые бусы, покрытые глазурью, сердоликовая печать - скарабеоид с фигурой козла, выполненной путем круглых углублений, амулеты из пасты с египетскими иероглифами и маленькая подвесная фигура из того же материала, изображающая древнеегипетскую богиню Сохмет. Египетские скарабеи были и до того известны среди находок в районе Вана и в Закавказье, вплоть до Ирана. В Закавказье в период греческой колонизации египетские предметы попадали через царство Урарту, которое теснейшим образом было связано со Средиземноморьем и вело с Ассирией длительную борьбу за господство над торговыми путями, шедшими через северную Сирию.

Как всякий крупный древневосточный административный центр, Тейшебаини имел свой архив. От этого архива найдены три обломка глиняных табличек, покрытых клинописью. Эта находка представляет исключительный интерес не только потому, что она дает первые образцы документов этого рода, найденные на территории СССР, она свидетельствует об употреблении урартской клинописи в качестве официального языка в Закавказье VIII-VII вв. до н. э. Из этих маленьких обломков вычитать можно немного, но их назначение определяется без особого труда. Один обломок, по-видимому, является частью "наряда на работу", на нем сохранился ряд цифр и идеограмма "человек", другие же два с перечнем собственных имен, представляются обломками юридических документов, остатком списка свидетелей, скреплявших акт купли или заклада. Предположение о таком значении последних двух обломков подтверждается еще и тем, что на одном из них имеются следы оттиска цилиндрической печати. Но кроме архива, состоявшего из глиняных табличек, на Кармир-блуре, так же как и в ассирийских дворцах, по-видимому, существовал еще второй архив, хранивший папирусные свитки. На существование такого архива указывает случайная находка небольшой подвесной печати-буллы из битума, на которой различим оттиск печати с

изображением оленя и человека. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в битуме и явственный отпечаток папируса на нижней части буллы не оставляют сомнения в том, что ею скреплялся папирусный свисток.

В Передней Азии VII-VI вв. до н. э. на кожаных и папирусных свитках текст выполнялся по-арамейски. Вероятно и текст папируса, который скреплялся найденной буллой, был арамейским, и мы знаем, что арамейское письмо в Закавказье доживает вплоть до появления собственных армянского и грузинского алфавитов и до нас дошли надписи арамейским письмом армянского царя Арташеса I (оз. Севан) и грузинских правителей - питиашхов (Мцхет).

В той же крепости у сел. Верхний Каранлуг, откуда происходит надпись Арташеса I, была недавно найдена сердоликовая гемма с изображением сидящей человеческой фигуры.

Тейшебаини не является единственным памятником урартской культуры в Закавказье, его исключительное значение для археологии определяется лишь степенью изученности, систематическими археологическими исследованиями. В Закавказье имеется целый ряд подобных памятников, раскопки которых дадут богатейший материал. Еще ждет своих исследований Армавирский холм, где под слоями, относящимися к древнейшему периоду истории армянского государства, находятся остатки раннего урартского административного центра в Закавказье - Аргиштихинили. На юго-западной окраине Еревана находится холм Ганли-тапа (Аринберд), случайные раскопки на котором открыли массивные стены из сырцового кирпича на каменном цоколе, совершенно подобные кармирблурским, и остатки водопровода, состоявшего из крупных каменных труб. Эта крепость, согласно клинообразной надписи, найденной на ней, была построена царем Аргишти, сыном Менуа.

Около Элара находятся развалины урартской крепости Да-рани, а у Гулиджана, на северном склоне Арагаца - остатки крепости Дурубани. В Севанском районе имеются два выдающихся урартских памятника: "Город бога Халда" (Нор-Баязет) и одноименный с Кармир-блуром "город бога Тейшебы" (Цовинар). Исследование этих центров, несомненно, выявит большой удельный вес скотоводства в хозяйстве, так как Севанский район и склоны горы Арагац служили для урартов основным источником добычи скота.

При раскопках на Кармир-блуре найдены кости, а также целые скелеты животных: лошадей, быков и коров, ослов, овец и свиней. Исследование костных остатков, найденных на Кармир-блуре, показало, что лошадь являлась представителем определенной выведенной породы, крупный рогатый скот был двух пород, один тип сближался с туром, исходной формой для основной массы кавказского скота. Скотоводство в Закавказье имело большое значение, мелкий рогатый скот служил не только для пищи, но он доставлял также шерсть для ткацкого ремесла. В цитадели Кармир-блур обнаружены были остатки шерстяных тканей и клубки чрезвычайно тонких шерстяных ниток, изготовленных, по-видимому, из шерстяного пуха. Наряду с шерстяными тканями, встречаются более грубые ткани из растительного волокна-льна или кунжута.

Урартские центры в Закавказье имели исключительное значение для развития местной культуры. Их исследования помогают нам лучше понять окончательный переход культуры Закавказья от эпохи бронзы к эпохе железа, при понимании под этими терминами не только изменений в технике производства орудий и оружия. Уже в урартский период в центральном Закавказье исчезают территориально ограниченные союзы племен, имеющие свою богатую культуру; такие местные культуры оставались еще некоторое время в восточном Закавказье, которое не входило в состав урартского государства.

Литература

1. **Кафадарян К. Г.** Новонайденная клинообразная надпись на Камир-блуре. Вестн. Инст. ист. и яз. Арм. ССР, II, 1937, стр. 222 (на арм. яз.).
2. **Пиотровский Б. Б.** Город бога Гейшебы. Вестн. древн. ист., №4.
3. **Пиотровский Б. Б.** История и культура Урарту, 1944, гл. X.
4. **Туманян М. Г.** Культурные растения урартского периода в Армянской ССР, Изв. Акад. наук Арм. ССР (биологич. серия), 1944, №1-2.

Лекция четырнадцатая. Культура периода освоения железа (Вторая четверть I тысячелетия до н. э.)

В конце VII в. до н. э. в культуре Закавказья выступает целый ряд новых элементов, свидетельствующих о существенных переменах, в корне изменивший весь общественный уклад; именно в это время завершается определенный период древнейшей истории Закавказья, представленный богатыми и весьма своеобразными памятниками, характеризующими культуру начала I тысячелетия до н. э.

В материальном производстве этого времени наблюдается быстрое освоение железа как основного материала для орудий и оружия и замена прежних бронзовых изделий железными.

В предыдущих лекциях был рассмотрен ряд отдельных, территориально ограниченных культур, связанных с определенными меднорудными районами, обеспечивавших развитие техники, в частности металлургии бронзы. Эти же условия горных районов содействовали и развитию полукочевого скотоводства, так как пастбища в горах давали неограниченные для того времени возможности скотоводства.

В первой четверти I тысячелетия до н. э. территориально ограниченное развитие культуры закавказских горных племен постепенно затухает, и горные районы перестали быть ведущими.

Включение южных областей Закавказья в состав Ванского царства тесным образом связало весь Кавказ с древневосточными государствами Передней Азии. Влияние культуры древнего Востока распространилось не только на покоренные урартами страны, но и на другие области Закавказья. Развившийся к этому времени широкий междуобщинный обмен делал ненужным непосредственную связь металлургии с меднорудными районами. Казавшееся неограниченным развитие скотоводства на горных пастбищах оказывается уже недостаточным, и скотоводство переходит в степи. Ведущими районами в Закавказье постепенно становятся степные районы и долины рек, именно там открыты наиболее яркие памятники культуры второй четверти I тысячелетия до н. э. Образуются крупные союзы племен, уровень культуры которых теперь нивелируется вследствие тесных связей. Именно это обстоятельство нередко приводит к ложному представлению об общем упадке культуры Закавказья, основанном на сравнении высококачественных предметов "бронзового века" из знаменитых могильников Кубанского, Самтавро, Ворнака (Акнер) и других с обнаруженными в тех же могильниках предметами "железного века". Обширные территории в начале второй четверти I тысячелетия до н. э. оказываются населенными племенами, стоящими на одинаковой ступени общественного и культурного развития и имеющими общие формы предметов материальной культуры. Этот процесс, наблюдаемый как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, создает предпосылки для срастания племен, входивших в союзы, в нечто целое, предпосылки для образования народов, связанных общим языком и общей культурой. Закавказье стало переживать новую стадию развития общества, которую Н. Я. Марр называл "скифской". Стадиальная общность культур Закавказья и Северного Кавказа обеспечила реальные связи скифов Северного Кавказа с

закавказскими племенами. В культуре Закавказья VII-VI вв. до н. э. отчетливо наблюдаются три элемента: местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, древневосточный и скифский. Как было указано, в это время железо уже прочно вошло в быт племен Закавказья и наряду с медными месторождениями в Закавказье начинают разрабатываться, обычно им сопутствующие, месторождения железа. Археологический материал вместе с тем отчетливо показывает, что формы ранних железных изделий в Закавказье теснейшим образом связаны с урартскими.

Связь начального этапа обработки железа на Кавказе с Ванским царством не подлежит сомнению, в этом нас особенно убеждают сравнения железных изделий из Тушпы (Топрах-кале) и из Тейшебаини (Кармир-блур) с таковыми же, происходящими из закавказских могильников. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе развившиеся формы, а железные копируют урартские, если не являются привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа бронзовых закавказских относится к более позднему времени, преимущественно к тому, когда уже на базе собственных месторождений железа в Закавказье развилась железная металлургия.

Табл. 10. Железные предметы из раскопок урартской крепости на холме Кармир-блур, близ Еревана (Материалы Кармирблурской археологической экспедиции Академии Наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа).

Археологический материал показывает, что ранние железные предметы поступали в Закавказье из Урарту или же Ирана и лишь позже, когда железо быстро и широко вошло в быт закавказских племен, когда оно стало интенсивно разрабатываться, бронзовая металлургия должна была уступить свое место железной. Предположение о том, что железная металлургия Закавказья возникла на основе бронзовой, как закономерная форма ее развития, не может быть обосновано археологическим материалом. Во-первых, обработка железной руды и изготовление железных предметов требуют совершенно иных технических процессов, а, во-вторых, ранние, несовершенные еще железные предметы должны были по качеству значительно уступать высококачественным бронзовым. Переход в Закавказье от бронзы к железу произошел, таким образом, под влиянием культуры Передней Азии, и ранние железные предметы - наконечники копий и кинжалы, - вероятно, являлись импортными с юга.

Археологические памятники, характеризующие отмеченный этап истории культуры, известны из многих мест Закавказья. Большое количество могил VII-VI вв. до н. э. было раскопано Ж. де-Морганом в ущелье р. Дебед, Е. А. Лалаяном в Севанском районе и экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР в Мингечауре. Но особый интерес для установления соотношения этих памятников с памятниками бронзового века представляют погребения указанного времени, открытые при исследовании больших и долго существовавших могильников (Самтавро, Ворнак, Мингечаур). Следует заметить, что памятники времени начального освоения железа очень близки к памятникам бронзового века, отличаясь от них лишь присутствием железных предметов. Поэтому в предыдущих лекциях при характеристике закавказской культуры эпохи бронзы я часто пользовался материалами, например, изображениями на бронзовых поясах, которые по-существу относятся уже к раннему периоду освоения железа. В настоящей лекции я рассматриваю памятники уже развитого железного века, конца VII и VI вв. до н. э., датируемых, с одной стороны, изделиями урартского типа, а с другой, - скифскими предметами.

Остановимся сначала на материале из раскопок Ж. де-Моргана 1888 г. по р. Дебед, исследовавших 976 погребений. Материал из своих раскопок Морган разделил на три одновременные группы, датируя их VIII-VI вв. до н. э., причем во всех из них встречались уже железные предметы. Наибольший количественно материал дали могилы второй группы, который нам и надлежит рассмотреть.

В могильнике у сел. Айрум (Шайтан-даг) было вскрыто 138 погребений обеих групп. Вторая из них, характеризующаяся большим количеством железных предметов, датируется бронзовым двуперым наконечником стрелы архаического скифского типа, имеющим на втулке загнутый шип. Некоторые предметы из Шайтан-дага - железные изогнутые ножи и крупные наконечники копий, бронзовая фибула с плоской дужкой и характерные кувшины, украшенные лощением и ручками с вдавленным вертикально расположенным узором - находят себе полные аналогии в материале из Кармир-блур, что устанавливает прочную их датировку.

Подобные же могильники были раскопаны Морганом в Ахтале и у Аллаверды (Учкилиса у подножья горы Лелвар и в Мусиери в 3 км к северу от Аллаверды). Наибольшее количество погребений было раскопано в Мусиери (582 могилы), и именно они дали особенно интересный материал. Кроме упомянутых уже выше предметов железного вооружения, кривых ножей и наконечников копий в Мусиери обнаружены железные кинжалы, иногда с бронзовыми обкладками ножен, украшенными орнаментом, топоры-секиры и в одном случае большой железный меч (могила № 472). Могилы представляли собой каменные ящики, сложенные из крупных плит или же мелких камней; с костями, помещенными в скорченном положении на левом боку, головою на север.

Приведу описание предметов из могилы № 242. На шее костяка обнаружены две бронзовые гривны, на руках по четыре бронзовых браслета, у пояса две розетки из листовой бронзы и железный нож изогнутой формы. У колен бронзовая фибула и 15 бус из сердолика и стекла. Около ног скелета лежали 8 наконечников стрел разнообразной формы из бронзы и железа. Среди них имелись наконечники ранне-скифского типа (начало VI в. до н. э.). В северо-западном углу каменного ящика лежали два железных наконечника копий. В могиле были помещены четыре глиняных сосуда, два у северной стенки и два у южной.

Погребения такого же типа дали и раскопки Ворнакского могильника (у сел. Акнер), между Санаином и Ахпатом, произведенные А. Д. Ерицовым (1871), Н. Я. Марром (1893) и Е. С. Такайшвили (1894). Могильник находится на высоком плато правого берега р. Дебед. С севера плато ограничено крутым берегом реки, а с востока и запада оврагами. У южной его стороны, по-видимому, находилось древнее поселение. В 1936 г. на возвышенности к югу от могильного поля была обнаружена стена, сложенная из грубо обработанных камней, которая была разобрана местными жителями для строительных надобностей. К сожалению, поселения этого времени нам не известны, но можно думать, что они представляли собою укрепленные поселения-крепости, связанные с "циклопическими" крепостями эпохи бронзы.

Раскопки Е. С. Такайшвили дали, как уже указывалось, две могилы (№№ 16 и 5), характеризующие два различных этапа культуры железного века Закавказья. Первая из них была разобрана при обзоре памятников эпохи бронзы, теперь же нам следует остановиться на находках из каменного ящика № 5. В нем найдены следующие бронзовые предметы: гривна, браслет, украшенный на концах змеиными головками, два массивных кольца, четырехгранных в сечении, небольшая бронзовая фибула с выгнутой дужкой и щипчики, украшенные выдавленным точечным узором. Оружие в этой могиле оказалось железным: кинжал в ножнах из листовой бронзы, украшенных так же, как и щипчики, рисунками из точек (перекрещенные круги, мужская фигура с поднятыми вверх руками между двумя свастиками), второй железный кинжал в бронзовых ножнах, украшенных продольными желобками, наконечник копья и изогнутый железный нож с деревянной рукояткой. Из перечисленных вещей с урартским материалом связываются: браслет со змеиными головками (Урартский могильник у Игдыра и др.), бронзовая фибула (Кармир-блур, Цовинар), железный наконечник копья и изогнутый железный нож (Кармир-блур).

Подобный же материал, связанный, с одной стороны, со скифами, а с другой - с урартами, дает нам и знаменитый Самтаврский могильник у Мцхета. Там, еще во время раскопок Ф. Байерна, в могиле № 592 был найден бронзовый наконечник стрелы архаического скифского типа.

Археологические работы, возобновленные в Самтавро (раскопки А. Н. Каландадзе и М. М. Иващенко, 1938-1948 гг.) дали новый, весьма ценный материал. Среди разновременных могил этого кладбища теперь отчетливо выделяется группа, относящаяся к VI в. до н. э., датировка которой определяется опять-таки бронзовыми наконечниками стрел скифского типа.

Могилы эти содержат по одному костяку в скорченном положении, на правом боку, головою на восток. Около ног помещались крупные кувшины, а у головы - чаши. Найдено также большое количество бронзовых и железных предметов. Особенно характерны железные предметы - типичные скифские акинаки, секиры с несколько отвислым лезвием, крупные наконечники копий и изогнутые ножи урартского типа. В двух погребениях вместе с указанными железными предметами были найдены бронзовые скифские наконечники стрел, двуперые с загнутым шипом на втулке и ромбические трехгранные (первая четверть VI в. до н. э.). В одной могиле (№ 194, 1940 г.) таких наконечников стрел оказалось 5 штук, а в другой (№ 27, 1939 г.) - 20 штук.

Могильники скифского времени известны и в других районах Грузинской ССР. В западной Грузии, у сел. Двани С. И. Макалатия исследовал могильник, давший подобные предметы: железные скифские

акинаки, наконечники стрел, закавказского типа фибулы и железные изогнутые ножи. В одном из погребений вместе с человеком был похоронен конь. Могильник в Двани дал богатый набор высококачественной керамики, представленной, главным образом, черными лощеными кувшинами, часто с узором, также наведенным лощением.

В 1924 г. у сел. Цицамури, Мцхетского района, было открыто погребение, примерно относящееся к этому же времени. В групповой могиле рядом со скелетом человека, лежащим в скорченном положении, на правом боку, находился костяк коня с железными удилами. В могиле найдены: железный акинак, бронзовые браслеты и булавки, а также четыре наконечника стрел, один железный, один костяной и два бронзовых.

В Триалети, у сел. Бешташени были открыты аналогичные могилы, которые Б. А. Куфтин относит к мидо-персидской и ранне-ахеменидской эпохам. И здесь встречаем знакомый набор железных предметов: наконечники копий, изогнутые серповидные ножи с деревянной рукояткой и топор-секиру, а также бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа.

В Севанском районе интересные материалы примерно этого же времени дали раскопки Е. А. Лалаяна одной из групп курганов у сел. Загалу. Эти небольшие курганы перекрывали могилы, сложенные из неотесанных камней, содержавшие одиночные или коллективные захоронения. Так, курган № 4, по-видимому, являлся семейным: в нем было обнаружено три костяка - мужской, женский и детский, при первом были найдены - железный меч, бронзовый наконечник посоха (?) и железный браслет.

Курган № 25 содержал шесть костяков - мужчины, женщины, ребенка и трех сопровождающих лиц. Мужчина лежал на левом боку, женщина на правом, ребенок между ними, а сопровождающие захоронения были представлены погребениями в сидячем положении. При основном и при сопровождающих его погребениях были найдены железные кинжалы и железный меч.

В восточном Закавказье погребения VII-VI вв. были исследованы в большом количестве в Шамхорском районе (раскопки В. Белька и А. А. Ивановского), где некоторые погребения, на основании находки скифских наконечников стрел в одном каменном ящике (№ 48) у Кедабека, можно датировать даже IV в. до н. э.

Особенно интересные погребения скифского времени дали раскопки в Мингечауре. К ним относятся погребения в ямах со скелетами в вытянутом положении. Обращают на себя внимание крупные размеры костяков от 160 до 185 см, а в четырех случаях рост погребенных достигал 195-205 см. Такой высокий рост невольно сопоставляется с лингвистическими данными, связанными с племенным названием скифов. Так, армянский термин ска (хска) "исполин, "великан" уже давно сопоставлялся с племенным названием скифов-саков, а грузинский термин гимир "герой" - с киммерами. В мингечаурских групповых погребениях были найдены скифские предметы, как, например, круглые бронзовые зеркала с ручками, украшенными фигурками животных, или бронзовые браслеты с концами в виде оскаленных головок хищников с длинными ушами, а также большое количество скифских наконечников стрел. Эти наконечники встречались группами, иногда более 40 штук. Формы их разнообразны, кроме двуперых, снабженных согнутым шипом, встречаются трехгранные, отличающиеся друг от друга размерами и формами граней. Наряду с бронзовыми наконечниками имеются также костяные.

Особый интерес представляют железные предметы из этих погребений, очень крупные наконечники копий и небольшие изогнутые ножи. Железные предметы из Мингечаура несколько отличаются от подобных же из центрального Закавказья и можно предположить, что в район Мингечаура железо проникало другим путем, а именно, из Ирана. Могильник, расположенный в Сиалке, около Кашана, одновременный закавказским могильникам периода поздней бронзы, дает много аналогий металлическим изделиям восточного Закавказья.

Из датирующего материала в этих могилах имеются бронзовые чаши-фиалы, изделия из египетской пасты (амулет в форме глаза) и сердоликовые (сардеровые) бусы, отмечающие также связи Мингечаурского скифского могильника с древневосточной культурой Передней Азии.

Рассмотренный нами археологический материал VII-VI вв. до н. э. тесно связан с предшествующей ему культурой бронзы, но вместе с тем он носит весьма отчетливые признаки, указывающие на определенные влияния соседних культур, урартской и скифской.

Литература

1. **Ивановский А. А.** По Закавказью. Мат. по археолог. Кавказа VI, 1911.
2. **Ионе Г. И.** Археологические раскопки в Мингечауре. Докл. Акад. наук Азерб. ССР, II, 1946, № 9.
3. **Куфтин Б. А.** Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 41- 50, 1941.
4. **Куфтин Б. А.** Урартский "колумбарий" у подошвы Арарата. Вестн. Гос. Музея Грузии, XIII-B, 1943.
5. **Макалатия С. И.** Археологические раскопки в Двани. Сов. археология, XI, 1948.
6. **Morgan J., de.** Mission scientifique au Caucase. 1889.

Лекция пятнадцатая. Скифы в Закавказье

Участие киммеров и скифов в том большом движении, которое привело к гибели могущественное государство Передней Азии-Ассирию, нам хорошо известно. Об этом рассказывают многочисленные клинописные источники.

Из донесений ассирийских разведчиков о событиях, происходивших в соседних с Ассирией странах, известно, что в конце VIII в. до н. э. урартскому царю Русе I пришлось выдержать на северо-западе своего государства напор киммеров, нанесших поражение урартскому войску. В этих документах Кюнджикского архива неоднократно упоминается страна Гамирр и народ гимирра. Страна Гамирр находилась в западной Каппадокии, что подтверждается указанием ассирийских текстов о стране Гуриани, расположенной между странами Урарту и Гамирр. Еще в средние века армянские историки Каппадокию называли Гамирк и в родословную родоначальников армянского народа включали имена Гомера и Торгома, связанные с именем народов, упоминаемых Библией.

Ассирийский царь Сарган внимательно следил за движением киммеров, но военных столкновений с ними не имел.

Во второй четверти VII в. до н. э., во время Асархаддона, значение киммеров в Передней Азии усилилось. В это же время появились и скифы ("ашгуза" и "ишкуза" клинописных текстов, "Ашкеназ" Библии).

Сохранились также оракулы, вопросы к богу Шамашу, отражавшие тревогу, охватившую ассирийских царей Асархаддона и Ашурбанипала. В вопросах они спрашивали своего бога о том, удадутся ли планы Русы, царя урартов, или планы народа киммеров (гимирра), удадутся ли планы воинов киммерских, индийских, манейских или же воинов скифских, что находились в странах Маная. Из этих документов видно, что ассирийцы опасались не только военных отрядов государств Передней Азии-Урарту, Мидии и Мана, но в сильной степени также отрядов киммеров и скифов.

Киммеры и скифы, к которым присоединились и мелкие страны Передней Азии, выходившие из-под зависимости крупных государств, постоянно нападали на границы Ассирии. Проникновение их в Переднюю Азию имело различные пути, о чем писал и Геродот. Киммеры двигались по западному

Кавказу, по Черноморскому побережью, т. е. по той территории, которая была занята однородной культурой бронзового века, кобанской культурой. Через эту территорию вплоть до

VI в. до н. э. шли основные пути, связывавшие древний Восток и Закавказье с областями Северного Кавказа.

Скифы двигались иным путем, а именно через Восточный Кавказ, по побережью Каспийского моря и выходили к юго-восточным границам Урарту, в Приурмийский район.

Анналы Асархаддона рассказывают о поражении в Киликии (в стране Хубушне) киммера Теушпы "из далекой страны", стоявшим во главе отрядов умман манда, а также о победе в стране Кутмух (к юго-западу от оз. Урмия) над отрядами скифа Ишпаки.

По мнению многих историков, ассирийцы под термином умман манда разумели разнородные отряды кочевых народов и отдельных небольших стран. Передней Азии, в то время как вавилоняне этим термином называли также индийские войска.

На киммеро-скифское вторжение в литературе по древней истории установилась точка зрения как на катастрофу, как на вторжение малокультурных, варварских кочевых полчищ, силу которых не смогли сдержать государства древнего Востока.

Теперь киммеро-скифское вторжение в Переднюю Азию встает перед нами в новом свете, и оно оказывается теснейшим образом связано с осложнением внутренней политической обстановки Передней Азии в VIII-VII вв. до н. э. Именно в это время наблюдается интенсивное возвышение отдельных стран Передней Азии, главным образом на периферии древневосточного мира, начавших решительную борьбу с крупными государствами, в состав которых они входили или же у которых они находились в подчинении. Таким образом, киммеро-скифское вторжение являлось по своему существу не столько миграцией новых племен с севера, сколько борьбой двух сил Передней Азии, отживших древневосточных рабовладельческих государств и нарождающейся новой общественной формы. Кочевые отряды киммеров и скифов, численно небольшие, помогали выделению мелких стран, возглавив это движение, обусловленное внутренним развитием государств древнего Востока.

Глубоким внутренним кризисом, распадом древневосточных государств, объясняется не только сама возможность вторжения в Переднюю Азию кочевников с севера, но и поразительный, быстрый их успех в борьбе с могучими, по внешнему виду, древними государствами.

Первоначально ассирийская государственная власть пыталась привлечь киммеров и скифов на свою сторону. Асар-хаддон заключил даже союз со скифским вождем Бартатуа, выдав за него свою дочь, а киммерские отряды, по-видимому, входили в состав ассирийской армии как наемные войска.

О последнем факте свидетельствует клинописная табличка - акт о продаже огорода в Ниневии, - на которой среди свидетелей назван некий ассириец Ишди-Харран "начальник полка киммерского".

При ассирийском царе Ашурбанипале борьба с киммерами продолжалась, но они были уже оттеснены в западную часть Передней Азии. В анналах Ашурбавипала отмечается победа Гугу (Гигеса), правителя Лидии, над народом гимирра, который, по славам анналов, "моих предков не боялся и мои, царя, ноги не обнимал". После поражения киммеров в Лидии Гигес прислал Ашурбанипалу, вместе с драгоценными подарками, двух пленных киммерских военачальников, закованных в железные кандалы. В тех же анналах говорится и о борьбе с киммерами египетского фараона Псаметиха (Пишамилку).

Но успех Гигеса в борьбе с киммерами не был окончательным; после того как он, отказавшись от помощи Ассирии, заключил союз с Псаметихом, киммеры снова вторглись в Лидию и опустошили страну, причем в одном из сражений был убит сам Гигес.

При преемнике Гигеса-Ардисе, киммеры снова потерпели жестокое поражение в Киликии, после чего мелкие их отряды отступили на запад Малой Азии, где продержались еще некоторое время.

В 1923 г. была опубликована клинописная табличка Британского музея, содержащая описание событий с 10-го по 17-й год правления вавилонского царя Набупаласара, т. е. с 616 по 609 гг. до н. э. Этот замечательный текст, описывающий последние годы Ассирии, перечисляет события не только по годам, но и по месяцам.

Согласно вавилонской хронике, в 614 г. до н. э. индийские войска Киаксара осадили ассирийские столицы Ниневию и Ашур. Ниневия выдержала осаду, но Ашур был взят мидянами и разрушен. Хроника рассказывает, что на развалинах Ашура произошла встреча Набупаласара с Киаксаром, в результате которой был заключен военный союз.

В 612 г. до н. э. к этому союзу присоединились и кочевники умман манда, среди которых, по мнению Гэдда, были не только скифы, но и другие мелкие разнородные племена. Летом того же года, в месяцы Сиван и Аб союзные войска осадили Ниневию, произошли три битвы, и в конце месяца Аб Ниневия пала.

Много разногласий вызвало понимание в этом вавилонском тексте термина умман манда, Тюр-Данжен убедительно показал, что в ряде случаев под этим именем разумеются мидяне, но это обстоятельство вовсе не исключает той возможности, что термин умман манда в своем значении объединяет и мидян и другие разнородные кочевые отряды. Ведь вавилонские тексты отличаются архаичностью этно- и топонимики, и в Бегистунской надписи Дария I (VI в. до н. э.) саки-скифы в вавилонском тексте называются гимири, т. е. киммерами, а страна Армина - Урашту, т. е. Урарту.

Геродот, описывая тот же факт, осаду мидянами Ниневии, рассказывает, что под стенами Ниневии появилось большое скифское войско под предводительством Мадия, сына Прототия, т. е. Бартатуа ассирийских источников. Страбон называет этого же Мадия киммером.

В Библии походы киммеров и скифов, повидимому, нашли свой отголосок в рассказах о вторжении далеких иноземных народов, что было связано с походами киммеров в Сирию и Малую Азию в начале VII в. до н. э.

При раскопках многих городов Передней Азии, в слоях VII-VI вв. до н. э. были найдены бронзовые наконечники стрел, двуперые с загнутым шипом сбоку или же трехгранные, отличные от переднеазиатских наконечников стрел, но совершенно совпадающие по форме со скифскими. Весьма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел связаны с проникновением киммеров и скифов в VII в. до н. э. в Переднюю Азию. Эти наконечники могут относиться также и к мидянам, так как индийское войско имело вооружение, близкое к скифскому, и индийские лучники, наряду со скифскими, славились своим искусством стрельбы из лука. Большое количество стрел скифского типа было собрано на местах древних сражений, в которых участвовали мидяне.

При раскопках оборонительных сооружений города Ашура, в южной его части было найдено несколько трехгранных бронзовых наконечников стрел, которые археолог В. Андрэ определенно считал вражескими. Тут же были обнаружены следы подкопа под крепостную стену и брошенные, вследствие полома рукояток, бронзовые кирки.

В Вавилоне, как указывал Р. Кольдевей, трехгранные наконечники стрел, так же как и в Ашуре, обнаружены преимущественно у стен городских укреплений и, несомненно, принадлежат вражеским стрелам. Бронзовые наконечники стрел скифского типа найдены во многих городах Передней Азии, они происходят из центральной Анатолии (Алишар), из Киликии (Таре), из Сирии (Аль-Мина) и из Палестины (Джерар). В Египте трехгранные бронзовые наконечники стрел обнаружены также в сравнительно большом количестве и преимущественно в северной части страны. Исследователи египетского вооружения относят их обычно к позднему времени (колес VII-VI вв. до н. э.), считая их вооружением иноземного войска.

Особо следует отметить большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа, найденных вместе с литейными формами для них, в Кархемише, в слое, относящемся к последнему периоду жизни города, т. е. к самому концу VII в. до н. э.

В центральной части Урарту, на развалинах древних городов и крепостей, также можно найти бронзовые наконечники вражеских стрел. И. А. Орбели собрал в Хайкаберде и на Топрах-кале большое количество бронзовых наконечников-стрел скифского типа.

Находки их на поверхности городищ и крепостей объясняются тем, что при обстреле наконечники стрел попадали в глинобитные стены построек, застревали в них, а после разрушения и обвала стен оказывались не в основном культурном слое, а выше его, при размывании же сырцового кирпича они оставались просто на поверхности.

Очень показательную и четкую в этом отношении картину дали раскопки Кармир-блур. В 1940 г. при расчистке фасада крепости у северо-западных ворот приходилось удалять громадный массив земли, высотой около 3 м, представляющий собою обрушившиеся верхние части стен из сырцового кирпича. При этой большой и трудоемкой работе были находимы только бронзовые наконечники стрел скифского типа, совершенно отличные от железных урартских, обнаруженных в основном культурном слое крепости.

Первоначально, до обвала и разрушения стен крепости, сложенных из сырцового кирпича, стрелы находились в кладке стен. Некоторые из них имеют загибы и обломы на концах получившиеся от удара об камень, а один из наконечников, был обнаружен застрявшим в слое глиняной обмазки, покрывавшей каменный цоколь стены.

Таким образом, представляется совершенно несомненным то обстоятельство, что эти наконечники стрел скифского типа принадлежали врагам, разрушившим крепость на холме Кармир-блур, древний город Тейшебаини. С таким объяснением согласуются и находки наконечников стрел скифского типа у внешней линии оборонительных стен крепости, преимущественно, около северо-западных ворот.

Весь набор наконечников стрел скифского типа очень определенно датируется началом VI в. до н. э. Около 585 г. до н. э. мидяне разрушили город Тушпу, столицу урартского государства, вероятно, около этого же времени был положен конец и урартскому владычеству в Закавказье. Последний оплот урартской государственной власти в Закавказье, крепость города Тейшебаини, была уничтожена скифами, но археологический материал из Кармир-блур говорит и о другом, а именно о том, что при жизни крепости скифы были теснейшим образом связаны с урартами.

Несомненно, скифы Северного Кавказа значительную часть железа для орудий и оружия получали через Закавказье.

Связи Закавказья со скифами, даже скифами западного Причерноморья прослеживаются для конца VII и начала VI вв. до н. э. очень четко. До греческой колонизации культурные связи населения

причерноморских степей со странами древнего Востока шли именно через Кавказ, в частности, через западное Закавказье и Кубань.

Н. Я. Марр уже давно отмечал теснейшие связи скифов с Кавказом и показывал в своих работах, что игнорирование кавказских материалов при разработке вопроса о происхождении скифов неминуемо приведет к неудаче. Последние работы, посвященные тем племенам и тому обществу, которое мы уверенно называем "скифским", с очевидностью показывают, что подойти к правильному разрешению "скифской проблемы" можно лишь изучая древнее общества VIII-VI вв. до н. э. на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию.

В 1933 г. при обработке материала из раскопок ранне-скифского могильника у станции Моздок были установлены его связи с материалом из раскопок в горном Кавказе, в частности, Кобанского могильника в Осетии. Этот рядовой ранне-скифский могильник в Моздоке обнаруживает связи с Кавказом по ритуалу погребения, по керамике и бронзовым изделиям, богатый же скифский могильник в станице Келермесской, на Кубани, давший в погребениях вождей исключительные памятники древнего искусства, расширяет эти связи далеко за пределы Кавказа. Келермесские памятники отчетливо выявляют связи раннего скифского искусства с древним Востоком и западными частями Малой Азии.

Древнейшие связи Кавказа со скифскими племенами, жившими далеко от Кавказа, нам известны, такие связи прослеживаются хорошо между Украиной и Закавказьем.

В с. Подгорцы, близ Киева, в глиняном сосуде был найден пояс из листовой бронзы, сплошь покрытый резными изображениями, сближающими его с известными закавказскими поясами. Вместе с этим поясом был найден обломок бронзового предмета, часть пряжки в виде двойной спирали, хорошо известной по материалу из погребений Кобанского могильника, относящихся к скифскому времени.

И в ранне-скифских курганах на Украине были находимы отдельные предметы, попавшие туда с Кавказа или через Кавказ. Таким путем, видимо, попала ассирийская цилиндрическая печать из халцедона с изображением лошади и эмблемы бога Ашура, обнаруженная в одном из курганов около местечка Смелы.

У сел. Жаботин, на р. Жаботинке (Киевская область), в кургане были найдены два сосуда, склепанные из листовой бронзы, с расширенным венчиком и двумя ручками, украшенными в верхней своей части головками хищных животных с поднятыми ушами. Эти сосуды, без сомнения, кавказского происхождения.

В одном из келермесских, курганов, раскопанных в 1904 г. Н. И. Веселовским, были найдены обломки сосуда из листовой бронзы с двумя ручками, украшенными головками хищников. Сосуд, подобный жаботинскому, происходящий из Прикубанья, хранится в Краснодарском музее. В настоящее время большое количество сосудов этого типа нам известно с территории горного Кавказа.

В музее в Нальчике хранятся две ручки, украшенные звериными головками, из могильника у сел. Зеюково на р. Баксан. Вместе с ними были найдены браслеты и пряжки в виде двойной спирали, характерные для кобанских могил скифского периода.

Из Кобанского могильника также известны ручки от сосудов, склепанных из бронзового листа, украшенные головками животных, совершенно тождественные приведенным выше. Подобные же сосуды известны и из могильника Верхняя Рутха. Они встречаются также и в Закавказье. В

Государственном Музее Грузии и в Тбилиси, хранятся три бронзовые сосуда из Лечхуми (Ладжобисдзири), в которых были найдены кобанские топоры.

Самым южным из известных в настоящее время мест нахождения сосудов из бронзы с ручками, украшенными головками хищных животных, является могильник у сел. Малаклю, около Игдыра, у подножья Арарата.

Среди материалов из раскопок П. Ф. Петрова 1914 г., в комплексе с урартской печатью, была найдена бронзовая ручка сосуда, украшенная головкой животного с острыми, поднятыми вверх ушами.

Таким образом, перечисленные предметы отмечают путь связи Закавказья со степями Украины.

Мы рассмотрели те предметы, которые попали к скифам непосредственно с Кавказа, путем обмена; выделяется еще одна группа памятников искусства, памятников скифского изделия, но выявляющих тесные связи с Закавказьем и древним Востоком, изготовленных под влиянием и по образцам урартского и закавказского искусства.

Уже давно в культуре и искусстве скифов Причерноморья и северного Кавказа отмечались древневосточные элементы.

В одном из курганов у станицы Келермесской на Кубани, хищнически раскопанном Д. Г. Шульцем в 1903 г., были найдены ножны короткого скифского меча-акинака, украшенные изображениями древневосточного стиля. На ножнах изображены фантастические существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб, с головами львов, баранов, быков и грифонов. В верхней части ножен имеется изображение священных деревьев, около которых стоят две крылатые человеческие фигуры. Подобная же сцена имеется и на рукоятке клинка. На боковом выступе ножен помещено изображение оленя, выполненное в явно скифском стиле и очень стилизованные, опять-таки по-скифски, головы птиц. Подобный же акинак был найден в Литом кургане, в комплексе предметов, известных под именем Мельгуновского клада. Он отличается от келермесского лишь деталями украшений.

Археологи, исследовавшие келермесские и мельгуновские ножны акинаков, стоявшие на позиции иранского происхождения скифов, указывали, что эти предметы являются "продуктом иранских или работавших в Иране восточных, не греческих, мастеров, приспособившихся к вкусам и заданиям скифских заказчиков". Другие же считали, что в них "ясно выражен ассирийско-вавилонский характер".

Материалы из Келермесского и Литого курганов указывают, что эти памятники следует датировать не позже самого начала VI в. до н. э., а, вернее, концом VII в. до н. э. Таким образом сама датировка этих курганов исключает возможность влияния ахеменидского Ирана, которое стало обычным в последующее время.

Наиболее близкие аналогии к изображениям священных деревьев на ножнах этих двух акинаков имеются в Закавказье, в частности на бронзовых поясах, найденных у сел. Заким и в могильнике у Ани-Пемза, а также на обломках бронзовых поясов и на шлеме царя Сардура, сына Аргишти из крепости на Кармир-блуре.

Обломки поясов из крепости на Кармир-блуре особенно интересны тем, что обстоятельства их находок в слое урартского времени заставляют определенно датировать их доахеменидским периодом.

Изображения священных деревьев на золотых ножнах скифских акинаков весьма характерны: они составлены из двух ярусов поднятых вверх ветвей, соединенных ромбами; на концах этих ветвей

имеются плоды двух родов - остроконечные и круглые с пальметкой в верхней части. Увенчано дерево также плодами того или иного типа.

С этой схемой священного дерева сближается изображение на обломке пояса из Ширака (Армения), хранящемся в Государственном музее Армении. В левой части этого обломка помещен бегущий грифон, а перед ним дерево, или, вернее, ветвь, увенчанная диском, имеющая поразительное сходство как с подобными же изображениями на фрагменте пояса из Кармир-блур, так и с деревьями на золотых скифских ножнах акинаков. С последними пояс из Ширака связывается также и орнаментальными элементами - витым жгутом и пояском из пальметок и остроконечных плодов.

Священное дерево с поднятыми вверх ветвями и с остроконечными плодами встречается в изображениях на ассирийских цилиндрических печатях, причем дерево иногда увенчивается еще солнечным диском, как на поясе Ширака-Изображения священного дерева в отдельных районах Передней Азии имеют самостоятельные специфические формы. Из всех древневосточных изображений священного дерева наиболее близкими и сохранившимися на разбираемых скифских памятниках оказываются фигуры священных деревьев на оттисках урартских печатей, обнаруженных при раскопках на Топрах-кале.

На основании сказанного следует предположить, что интереснейшие памятники скифского искусства, рассмотренные нами, или изготовлялись скифами под влиянием, вероятнее, по образцам урартского искусства, или же происходят из тех районов Закавказья, в которых урартская культура была жива.

На Кармир-блуре, в урартском административном центре Закавказья можно наблюдать именно такое сожительство элементов культуры Урарту, закавказских племен и скифов. В этом отношении совершенно исключительный интерес представляет находка в помещении внутри главных ворот в цитадели Кармир-блур вырезанной из рога головки грифона с бараньими рогами, предмета, очень характерного для скифского искусства. Ближайшими аналогиями к этому изделию являются роговые предметы из келермесских курганов на Кубани (раскопки Н. И. Веселовского) и из скифских курганов Приднепровья (раскопки А. А. Бобринского).

Следует еще раз подчеркнуть, что в ранне-скифский период между Северным Кавказом и Приднепровьем наблюдаются самые тесные связи, что хотя бы иллюстрируется большой однородностью предметов из ранне-скифского могильника в Моздоке и из курганов Украины (железные и бронзовые изделия, керамика, бусы).

В культуре Закавказья VII-VI вв. до н. э. как уже отмечалось выше, отчетливо выявляются три элемента, слагающих новую культуру; местный закавказский, явившийся наследием эпохи бронзы, древневосточный и скифский. Несомненно, в этом период? произошли также некоторые этнические передвижения, проникновение скифских племен с Северного Кавказа и Средней Азии. В истории Передней Азии мы можем установить три этапа проникновения скифских племен: первый - это появление киммеров в конце VIII в. до н. э.; второй, начавшийся в середине VII в. до н. э., - продвижение скифов с севера; третий - вторжение сакских племен из Средней Азии, происшедшее в период Ахеменидского владычества, в середине VI в. до н. э.

В Передней Азии в VII-VI вв. до н. э., в период падения могущественных государств древнего Востока, особенно усилился тот элемент, который мы, в широком смысле слова, называем скифским. Античные авторы в понятие "скифы" включали большое количество племен и на обширной территории, но стоящих на одинаковой ступени общественного и культурного развития. Поэтому, говоря о скифской культуре, мы одновременно можем говорить и о скифской стадии развития общества.

Страбон указывал, что *"известные [народы] северных стран назывались одним именем скифов или номадов"* (II, 2, § 27) и в другом месте: *"Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется "даями", живущих далее к востоку зовут "массагетами" и "саками", а прочих называют вообще скифами, но каждое [племя имеет] и частное имя"* (XI, 8, §2). Дионисий Египетский, современник Адриана, называл скифов "бесчисленным народом", и в схолиях к его труду говорится о многих скифских народах.

Народы, объединенные общим термином "скифы", были близки друг к другу по культуре. Археологическое изучение степей Восточной Европы и Азии выявляет характерные черты скифской стадии развития общества, выражающиеся определенными общими элементами, одинаковыми формами предметов материальной культуры и искусства. Эту стадиальную общность не следует понимать как самостоятельный процесс, без взаимодействия отдельных племен и даже крупных союзов племен. Скифское общество, как показывает археологический материал, характеризуется именно широкими связями и взаимным скрещением культурных и этнических элементов. Этот процесс скрещености и подготовил возможность ассимиляции племен, срастания их в нечто единое, - необходимое условие процесса образования народов. В скифском обществе, на периферии государств древневосточного типа постепенно создавались те новые элементы общественной формы, которая пришла на смену государствам древнего Востока.

Племена и союзы племен, стоявших на скифской стадии, были не только на далекой периферии переднеазиатских государств, но и на их окраинах. Уже давно было указано на то, что греческие источники не ограничивают Скифию причерноморскими степями и степями Азии, а связывают ее также с Кавказом и Закавказьем. Греческое предание связывало со скифами и племена, жившие к северу от Урарту, халибов, "изобретателей железа", албанов и племена, среди которых жили иберы. Много скифских элементов наблюдается и у мидян, связанных с прикаспийскими кочевниками.

В Закавказье, как мы уже указывали, во второй четверти I тысячелетия до н. э. территориально ограниченные культуры горных областей, связанных с меднорудными районами и горными пастбищами, постепенно уступают свое место племенам степей и долин рек.

Большие территории оказываются теперь населенными племенами, стоящими на одинаковой ступени развития, тем самым создаются предпосылки для тесного, органического слияния этих племен, для образования народов Закавказья, создавших свои государства.

Литература

1. **Артамонов М. И. и Пиотровский Б. Б.** Киммерийцы и скифы в Передней Азии. История СССР, I, 1939, стр. 169 (на правах рукописи).
2. **Иессен А. А.** Греческая колонизация северного Причерноморья, 1947.
3. **Иессен А. А. и Пиотровский Б. Б.** Моздокский могильник, 1940.
4. **Марр Н. Я.** Термин "скиф". Избранные работы, V, стр. 4.
5. **Пиотровский Б. Б.** История и культура Урарту, 1944, гл. XVI.
6. **Придик Е. М.** Мельгуновский клад 1763 года. Мат. по археолог. России, № 31, 1911.

Табл. 12. Карта распространения кавказских бронзовых сосудов VI в. до н. э.

Киевская область

Пятигорск

Лечхуми

